

Н. М. МЕЛЬНИКОВ.

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

**КНЯЗЬ СИБИРСКИЙ,
его сподвижники и продолжатели**

**Издание «Родимого Края»
52, Av. Flachet - Asnieres (Seine) France
1961.**

Посвящаю Донской казачке
Елизавете Николаевне
— жене и верному другу
в тяжкие годы лихолетья
вдали от нашего милого
родного Дона.

Н. М. МЕЛЬНИКОВ.

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

**КНЯЗЬ СИБИРСКИЙ,
его сподвижники и продолжатели**

**Издание «Родимого Края»
52, Av. Flachet - Asnieres (Seine) France
1961.**

Памятник Ермаку в Новочеркасске.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Года два тому назад, совершенно неожиданно и без каких-либо предпосылок, в русской эмигрантской печати выступил некий Байкалов, который отрекомендовал себя «тоже казаком». В статьях, посвященных Ермаку, он, вопреки всем исследованиям о Ермаке как старых, так и современных историков, искажая источники и факты, старался облить грязью не только Ермака, но и все казачество в его истории. Эти статьи носили характер не научного исследования, а злобного, ничем не обусловленного, пасквиля.

Выступление Байкалова, как гром не из тучи, вызвало возмущение и негодование не только всей казачьей, но и значительной части русской эмиграции. В газетах появился ряд ответов казачьих историков и журналистов, давших Байкалову заслуженную отповедь. Из этих статей одною из более объективных и научно обоснованных была статья известного казачьего журналиста Н. М. Мельникова.

В связи с тем, что сведения и сообщения о Ермаке и его деяниях разбросаны во множестве самых разнообразных изданий, часто недоступных читателю, особенно в эмиграции, издательство «Родимого Края» тогда же решило издать отдельным выпуском специальное исследование о Ермаке. За эту работу взялся Н. М. Мельников и в результате им была написана работа «Ермак Тимофеевич князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели.»

Работа состоит из 10-ти глав. В первой главе дается в самом кратком и сжатом изложении история Ермака. В последующих главах основные моменты

этой истории приводятся уже в распространенном изложении, с привлечением большого количества источников, с анализом всех дошедших до нас сведений и с выводами. Затем приводится характеристика Ермака, отражение эпопеи Ермака в искусстве и, наконец, история казаков-землепроходцев, продолжателей дела Ермака.

В своей работе Н. М. Мельников привлек и критически использовал громадное количество источникового материала — как первоисточников, так и высказываний различных историков и исследователей.

Работа написана прекрасным языком и популярно, что делает ее доступной широким кругам читателей. Однако при всей ее популярности она насыщена и обоснована строго научным материалом. Благодаря великой любви автора к родному краю, к казачеству и его героическому прошлому, изложение истории Ермака и продолжателей его дела во многих местах достигает художественной высоты, повествование становится увлекательным и духовный подъем автора невольно захватывает и читателя.

В то же время работа написана объективно и в спокойном тоне. О Байкалове автор нигде и не упоминает, что совершенно правильно, поскольку «исследование» Байкалова не имеет никаких научных элементов. Указывая же на ошибки других, более серьезных, исследователей о Ермаке, автор делает это в очень сдержанной и корректной форме.

Большим достоинством работы является то, что автор не ограничивается историей только Ермака, но приводит все сведения и о его сотрудниках и, особенно, о его последователях. Именно только в такой исторической перспективе монументальная личность Ермака и историческое значение его походов, проложивших дорогу в Сибирь, получает всестороннее освещение и полную оценку.

Другим большим достоинством исследования является также привлечение в качестве первоисточника казачьих исторических песен о Ермаке и татарских преданий о нем.

Работа написана беспристрастно и без каких либо

политических тенденций, поэтому она одинаково приемлема для всех казаков, независимо от их политических взглядов.

«Ермак Тимофеевич» Н. М. Мельникова представляет собою очень большую работу и очень большой вклад в развитие казачьей культуры. Поэтому мы считаем, что эта книга о Ермаке должна быть на столе у каждого казака, который еще не забыл о своем казачьем происхождении и не утратил интереса к героическому прошлому своего народа.

**Профессор М. Миллер,
Доктор исторических наук.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сибирский поход Ермака. Битвы. Посольство в Москву. Смерть Ермака.

Перенесемся мысленно во времена давно минувшие, почти за четыре века назад... 1579-ый год застанет Ермака Тимофеевича в станице — тогда «городке» — Качалинской, в которой он был атаманом и где — по изысканиям историка Броневского¹⁾ и Донского историка А. Г. Попова²⁾ — он родился. Утверждение это подтверждается, думаю, и тем, что атаманами станицы выбирались обыкновенно «рожак» — уроженцы своей же станицы. Ермак должен был незадолго до 1579 г. туда вернуться; Х. И. Попов³⁾, бывший перед революцией директором Донского Музея в Новочеркасске, в своих «Записках» пишет, что Ермак до этого принимал участие в войне с Ливонским Орденом в составе армии царя Ивана Грозного. Это сообщение вполне подтверждается и «Дневником» Польского короля Стефана Батория, о котором мы будем говорить позже.

Ученые историки, работавшие в историческом отделе «Большой Энциклопедии», изданной Товариществом «Просвещение», указывают, что Ермак, Донской казак, атаман Качалинской станицы, был «поставлен для охраны границ от Астрахани до реки Дона». В кратчайшем расстоянии от Волги Дон находится в ра-

1) Влад. Броневский. «История Донского Войска». С. П. Б. 1834 г.

2) А. Г. Попов. «История Войска Донского». Новочеркасск. 1812 г.

3) Х. И. Попов. «Записки». Новочеркасск. «Крат. очерк Дон. Каз.». 1907 г.

йоне Качалинской станицы, отстоящей от Царицына — нынешнего Сталинграда — в 60 верстах. Этот район особенно нуждался в наблюдении и охране: тут, от станицы Качалинской, начиналась шедшая до Царицына «Переволока», привлекавшая особое внимание турок и татар. Следы ее, в виде широкого рва и вала надо рвом, сохранились и теперь.

Всего лишь за 10 лет до 1579-го г. Турецкий султан Селим 2-й, обеспокоенный разгромом Иваном Грозным Казанского и Астраханского царств и мечтавший создать мусульманское государство на берегах Ахтубы, рукава Волги около Царицына, где раньше была ханская ставка Сарай, весной 1569 года переправил в Крым, в Кафу, нынешнюю Феодосию, пятнадцать тысяч спагов и две тысячи янычар, приказав паше Кафы Касиму, присоединив к своему отряду войска Крымского хана Девлет-Гирея, идти к тому месту, где Дон ближе всего находится от Волги. Кафскому паше было приказано, для обеспечения связи Турции с намеченным султаном новым мусульманским царством, соединить каналом Дон с Волгой и для обеспечения связи Азовского моря и Азовской крепости с морем Каспийским взять Астрахань, послы которой умоляли султана освободить единоверцев от владычества христиан. Если окажется невозможным теперь же овладеть Астраханью, приказано было построить недалеко от города турецкую крепость. 17 тысяч турок выступили из Крыма в поход 31 мая. Вслед за пашей в станицу Качалинскую вскоре вступил и хан Девлет-Гирей с 50.000 всадников. Немедленно приступили к работам по прорытию канала в ожидании прибытия каравана судов, плывшего по Дону из Азова с «тяжелым снарядам» и казною. На судах было около 2.500 гребцов — главным образом христианских невольников, скованных цепями, — караван охраняли пятьсот янычар.

Малочисленное население редких тогда казачьих городков, расположенных по берегу Дона, уходило на верхний Дон, в полосу лесостепи, где русское население находилось с 9 века.

15 августа 1569 года суда приплыли к станице Качалинской. За три месяца работ по прорытию Волго-

Донского канала турки и крымские татары убедились, что при технических средствах того времени задача им дана непосильная. Начался ропот, перешедший в бунт. Говорили, что для выполнения такой работы понадобится сто лет, если даже согнать сюда всех рабочих со всей Турции. Паша вынужден был остановить работы и отдал приказ легкие суда с Дона на Волгу перевозакивать сухим путем, а суда большие с тяжелыми пушками отправить обратно в Азов.

Астрахани взять не удалось в виду неожиданного для паши Касима и хана Девлета прибытия туда сильного отряда воеводы князя Серебряного, при постройке же крепости ниже Астрахани на месте прежней Хазарской столицы турки, узнав, что Девлет-Гирей со своими войсками зимовать тут не намерен, решив на зиму уйти в Крым, прекратили работы, и Кафскому паше, вместе с Крымским ханом, пришлось сухим путем возвращаться в Крым.

На этот раз опасность миновала, но можно было опасаться ее повторения, и на Ермака была возложена «охрана границ». Кем он был назначен — царем ли Иваном Грозным или Крутом Донским — ни в одном источнике указаний не имеется, то же обстоятельство, что выбор пал именно на Ермака, можно объяснить не только тем, что он был атаманом станицы, ближайшей к району, подлежащему охране, но и тем, что Ермак уже зарекомендовал себя хорошим военачальником, так как в Походные атаманы, каким был Ермак в Ливонии, выбирались лучшие казаки, известные своей воинской доблестью.

В качестве начальника охраны огромного района от Переволоки до Астрахани Ермак неизбежно должен был иметь подчиненных ему атаманов отдельных отрядов, и мы знаем из Сибирских Летописей, что когда Строгановы прислали Ермаку «писание» «з дары многими» с предложением поступить к ним на службу, вместе с ним откликнулись на призыв и его «товарищи» — атаманы Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк. Быстрота, с которой Ермак собрал свою дружину — по тем временам внушительную — состоявшую притом из казаков, по выражению

Летописи, «единомысленных и предобрых», можно объяснить лишь тем, что большинство из них, очевидно, уже были его соратниками в отряде в Ливонии, признававшими его бесспорный авторитет: ни один из перечисленных атаманов не оспаривал первенства Ермака.

Занятие поста по охране границ не было серьезным препятствием к уходу Ермака к Строгановым, так как Донские казаки в те времена Московским царям не присягали, подданными себя не считали и, как люди вольные, служили Москве лишь по соглашению, к тому же Ермак попал в опалу у царя Ивана Грозного за то, что подчиненные Ермаку атаманы Иван Кольцо и Богдан Барбоша разгромили на Волжском перевозе у Соснового острова караван судов Ногайских послов, а главным образом за самовольное нападение Ивана Кольцо и Богдана Барбоша на Сарайчик — столицу Ногайского хана Юсуфа — в которой они не оставили камня на камне. Ногайцы, союзники султана и Азовцев, были заклятыми врагами Донцов, Москва же старалась поддерживать с ними дружеские отношения и опасалась их раздражать.

За этот набег Иван Кольцо — единственный из всех атаманов, ушедших с Ермаком в Сибирский поход, — по жалобе хана Юсуфа был приговорен к смертной казни, и на Волгу был прислан с большим отрядом стольник Иван Мурашкин. Начальник карательной экспедиции фактически заменил на Волге Ермака, попавшего в опалу, очевидно, за попустительство. Ермак, несомненно питавший, как и все тогда Донцы, те же чувства к Ногайцам, как и Кольцо, и не мог покинуть в беде своего друга, храбрейшего из храбрых, назначенного потом Ермаком и «первым по себе атаманом».

«В лето 7087 — т. е. в 1579 по нашему летосчислению — апреля в шестой день — повествует Строгановская Летопись ¹⁾ — слышаху от достоверных людей о буйстве (так тогда называли воинственность. Н. М.) и храбрости поволских казаков и атаманов Ермака Ти-

1) «Сибирские Летописи», стр. 8-9. Изд. Императ. Археограф. Комиссии. СПб. 1907 г.

мофеева с товарищи, како на Волге на перевозех Ногайцев побивают»... «Строгановы людей своих с писанием и дары многими послаша к ним дабы шли к ним в вотчины их в Чусовские городки и в острошки на вспомогание им»... «Тогда атаманы и казаки Ермак Тимофеев с товарищи Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк, собрався с единомысленною и предоброю дружиною, число ж их 500 и 40 человек, вскоре шествие учиниша к ним.»

Не прошло и трех месяцев со дня приглашения, как «того же году, июня в 28 день, на память святых чудотворец и бессребреник Кира и Иоанна, приидоша с Волги атаманы и казаки Ермак Тимофеев поволский с товарищи в Чусовские городки». Строгановы «прияша их с честью и даяху им дары многи и брашны и питии изобилно их наслаждаху, атаманы ж и казаки стояху против безбожных Агаряны сурово и немилостиво и твердо стояху и на неверных поощряхуся».

Историк В. И. Сергеев ¹⁾ считает, что Строгановы, пославшие к Ермаку «вернейших дому служителей», сделали это не только потому, что — как говорит летописец — об Ермаке «слышаху от достоверных людей», но и потому, что, находясь в торговых отношениях с Астраханью, они и раньше не могли не иметь связи с Ермаком, распоряжавшимся на Волге. Тот же историк, основываясь на Ремезовской Летописи, называет в числе ближайших сотрудников Ермака Ивана Грозу и Богдана Брязгу — «побратима» и сверстника Ермака — но в других Летописях этих имен не имеется — вполне возможно, что они были не атаманами, а есаулами.

Прибыв во владения Строгановых, Ермак держал свою дружину в полной боевой готовности встретить и отразить врага, о котором Строгановы раньше писали царю: «о частых приходах бусурменских войною на его государеву землю Пермскую то Сибирских людей и како безбожнии своим приходом его государевым Пермские земли городом и посадом и селам многое пленение и запустение учиниша».

1) В. И. Сергеев. «Вопросы истории», т. I. Москва. 1959 г.

Более двух лет провел Ермак со своей дружиной в Пермской земле, о чем свидетельствует Строгановская Летопись ¹⁾: «пожиста же они атаманы и казаки в городках их (Строгановых. Н. М.) — два лета и месяца два». За все это время Ермак имел одну только серьезную схватку со вторгшимся в Строгановскую вотчину татарским мурзою Бегулием, в отряде которого было 700 вогулов и остяков. Весь отряд был уничтожен Ермаком, мурза Бегулий был взят в плен, а инородцы, жившие по эту сторону Уральских гор, усмирены.

После двухлетнего пребывания у Строгановых началась энергичная подготовка к походу в Сибирь. Летом 1581 года все было готово. Отряд Ермака увеличился в своем составе: к основному ядру дружины присоединились из городков «ратные люди Литвы, немец и татар, и русских людей буйственных и храбрых предобрых воинов триста человек и их с волскими атаманы и казаки и того их собрания осмсот чetyредесят человек буйственных и храбрых». Литовцы и немцы эти были взяты в плен ногайским отрядом, бывшим на службе в армии Ивана Грозного — можно думать, одновременно с Ермаком — в Ливонии, у ногайцев они были выкуплены Строгановыми, нуждавшимися в воинах для защиты своих городков. Они охотно шли теперь в отряд Ермака, переходя на положение людей свободных.

В отряде Ермака, кроме упомянутых выше четырех атаманов, было — по Ремезовской Летописи — «и выборных есаулов чetyре человека, тож и полковых писарей, трубачи и сурначи, литаврщики и барабанщики, сотники и пятидесятники и десятники с рядовыми и знаменщики чином, да три попа, да старец бродяга, ходил без черных риз, а правило правил и каши варил и припасы знал». Заведующий хозяйством? Взяты были и «вожатые» — проводники и толмачи-переводчики.

«Отпевше соборно молебная пения Всемилоствому в Троице славиму Богу и Пречистой Его Богоматери и всем небесным силам и святым угодникам Его, с

1) «Сибирские Летописи». Стр. 10-11. СПб. 1907 г.

обетом доблести и целомудрия, при звуке труб воинских, Ермак отплыл рекою Чусовою на подвиг славы, без всякого содействия, даже без ведома царя.»

Какой, в действительности, численности была его дружина? Те историки, которые, как Карамзин и Соловьев, отдают преимущество Строгановской Летописи, останавливаются на цифре 840 — 540 казаков и 300 других ратных людей — советский же историк В. И. Сергеев ¹⁾, основываясь на цифрах, приводимых в Сибирской Ремезовской Летописи, приходит к выводу, что у Ермака при выступлении его в Сибирский поход 1 мая 1580 года из Кергедана-Орла, было почти вдвое больше — 1650 бойцов в пяти полках трехсотенного состава.

В то время, как Строгановская Летопись считает, что и вообще с Ермаком с Дона и Волги ушло лишь 540 казаков, т. е. одни лишь его боевые соратники, Летопись Ремезовская, более ранняя и опирающаяся главным образом на протограф — «казацье написание», поданное первому Сибирскому архиепископу Киприану самими соратниками Ермака вскоре после гибели вождя, сообщает, что с Ермаком всего ушло пять тысяч. Приблизительно эту же цифру указывает и французский историк Лезюр ²⁾: «от пяти до шести тысяч казаков под предводительством атамана Ермака Тимофеева — говорит Лезюр — имели особенную судьбу».

Полагаю, что и в этом вопросе нужно отдать предпочтение сведениям Летописи Ремезовской, а не Строгановской, так как трудно допустить, чтобы казаки, уходя в далекую неведомую Сибирь, оставили на произвол судьбы и на расправу Мурашкина своих близких. Это и не в обычае Донцов: атаман Некрасов, уходя при Петре Великом на Кубань, забрал с собой и стариков, и женщин, и детей; уходя и в мирное время на Кавкасскую Линию и в Уссурийский край, Донцы переселялись целыми семьями. Не бросили своих, насколько это было в условиях кошмарной обстановки в

1) В. И. Сергеев. «Вопросы истории». М. 1959 г.

2) Лезюр. «История казаков». Париж. 1814 г., т. I, стр. 224. На франц. яз.

их силах и возможностях, и казаки первой и второй эмиграции нашего времени. То же было и при уходе на Каму и в Сибирь Ермака. Из Летописей Сибирских мы знаем, что, уходя в Сибирский поход, Ермак оставил на реке Сылве, притоке Камы, в Ермаковом Городище, название которого сохранилось и доньше, не только семьи, не одних женщин и детей, но и часть своих боевых товарищей: «овии же — говорит летописец — поплыша с Ермаком вниз по Сылве до усть Чусовой, овии ж оставшася на городищи том с женами и детьми, вечно оселишася.» «Ермаково Городище» было для Ермака «домом своим», где для оставшихся он построил, исполняя данный раньше обет, часовню.

«После похода на вогуличей — пишет Кунгурская Летопись — Ермак возвратишася с богатством в дома своя и на подъем в Сибирь».

Принимая во внимание все выше сказанное, считая, что цифра бойцов, приводимая историком В. И. Сергеевым ¹⁾, ближе к истине. Иначе невозможно было бы и объяснить, каким образом после всех потерь, понесенных дружиной Ермака в кровопролитных боях, о которых мы будем говорить в последующем изложении, а также от голода и цынги в Искере, когда погибло, вместе с большинством стрельцов, и много казаков, после потерь во время осад и измен, все же в отряде воеводы Воейкова, уничтожившем 1-го августа 1591 года, т. е. через семь лет после смерти Ермака, последних сторонников Кучума, оказалось 397 казаков... А сколько их потом оказалось среди землепроходцев!

«В лето 7090 сентября в первый день, на память преподобного отца нашего Симеона Столпника», начался знаменитый поход. Принимая во внимание те невероятные трудности, с которыми приходилось Ермаку совершить свое завоевание огромного царства, понятно, почему личность его в представлении народа окружена ореолом всевозможных чудесных подвигов и легендарных сказаний. «Поход — пишет историк Н. М. Карамзин — закончился завоеванием любопыт-

1) В. И. Сергеев. «Вопросы Истории», т. I. Москва, 1959 г.

ным, действительно удивительным, если не чудесным». ¹⁾

4 дня плыли вверх по реке Чусовой, быстрой и опасной, до «Камня», а в Уральских горах под нависающими над головой скалами, и два дня рекой Серебряной. Дойдя до «Сибирской дороги», Ермак остановился и на всякий случай, как опытный предусмотрительный полководец, построил земляное укрепление, назвав его «Ермаков Кокуй городок». «Сии места — пишет летописец — еще и ныне ознаменованы памятниками Ермака: скалы, пещеры, следы укреплений называются его именем. Ладьи тяжелые, оставленные им между Серебряной и Баранчею, еще не совсем истлели и над их гниющими днами растут высокие деревья». ²⁾ Отсюда Ермак перевез «25 поприщ ³⁾ за реку, рекомую Жаравли — другие историки называют эту реку Яравл. Н. М. — и по реке поидоша вниз и вышед на Туру реку». «Ту бе и Сибирская страна». ⁴⁾ «Пришедше водополию», Ермак спустился на стругах вниз по Тагилу и Туре к улусам князя Епанчи, который быстро организовал защиту, и большой отряд его из татар и вогулов занял выгодную позицию на реке Туре. Тут Ермаку пришлось выдержать упорный трехдневный бой. В следующей битве при устьи реки Тавды Ермак захватывает в плен Кутагай-Таузака, сановника хана Кучума, приехавшего в улусы Епанчи собирать дань. Получив обещание Ермака отпустить на свободу, Кутагай, ожидавший смерти, сообщает все нужные Ермаку сведения о Кучуме. Перед отъездом Кутагай Ермак продемонстрировал перед ним казачью силу, и по прибытии в столицу Кучума Кутагай рассказывает о казаках — «воинах чудесных, неодолимых, стреляющих огнем и громом смертоносным на вылет сквозь латы». В Чингин-Туре, после первых боев, дружина отдыхала, а 8-го июня 1581 года Ермак двинулся в путь по реке Тоболу. Дружина его по-

1) Н. М. Карамзин. «История Гос. Росс.», т. 8, стр. 184. Изд. 1903 г. Москва.

2) «Сибирские Летописи», стр. 314.

3) «Поприще» — путевая мера, равная версте.

4) «Сибирские Летописи», стр. 11, СПб. 1907 г.

степенно уменьшалась в числе. Часть погибла в боях с войсками князя Епанчи, часть была ликвидирована за нарушение дисциплины наказанием «по Донскому закону — в куль да в воду» — еще во время зимовки на реке Сылве: Кунгурская Летопись — включенная отдельной главой в Летопись Ремезовскую — сообщает, что «больше двадцати человек были утружены в реку Сылву». Ермак вступил на Сибирский путь с дружиной, очищенной от слабого элемента, «единомысленной», дружной, дисциплинированной, безпрекословно повинующейся вождю, всецело верящей ему. Вспоминается ответ атамана Ивана Кольцо на вопрос, обращенный к нему еще на Волге, когда Ермак принял решение идти в Сибирь и хотел удостовериться, пойдут ли за ним казаки в страну далекую и неизвестную: «Кольцо, ответь за всех» и Кольцо ответил: «Не трушу, Атаман, за всех ответить! Коль взял ты наши души, так вместе ж головы возьми». ¹⁾ Теперь, при вступлении на Сибирскую дорогу, это была уже не «вольница», а прекрасная воинская часть, над воспитанием которой Ермак много поработал уже во время первой зимовки, проведенной в «Ермаковом Урочище» на реке Сылве до перехода в Кергедан.

После оставления улусов кн. Епанчи дружина встретила упорное сопротивление у Березовского Яра, а 29 июня у Караульного Яра. Названия эти были даны Ермаком. Сибирский хан Кучум, несмотря на свою слепоту, человек необычайной энергии, при приближении опасности спешно организует защиту. В первых стычках у Долгого Яра и на берегах Карачинского озера Ермак одерживает победу, главное же сражение произошло в урочище Бабасан, на берегу Тобола. Навстречу Ермаку Кучум выслал талантливого полководца царевича Маметкула, своего племянника — некоторые источники называют его сыном — во главе многотысячной конницы, а сам с главными силами укрепился в засеке на реке Иртыше под горою Чувашьей — другие источники называют гору Турвашей — преграждая путь к своей столице Искеру, которая

1) Из стихотворения В. Гиляровского.

имела и другие названия: Сибирь и Кашлык, причем последнее наименование приводится только в Летописи Ремезовской. ¹⁾

Описывая ожесточенность боев, летописец говорит: «сразишася нещадно и за руки взяшася, тако секушася, яко конем по чрево бродити в крови их... и бишася пять дней стояще, не пропуская струги вниз. Крепок бе Чувашский град окопми». ²⁾

В сражении при урочище Бабасан, на берегу Тобола, был опасный момент, когда и сам Ермак и «первый атаман» его Иван Кольцо подвергались серьезно-му риску быть растоптанными лавиной конницы. Маметкул направил на них более десяти тысяч всадников племени Карача, мчавшихся «во весь дух».

Люди и лошади падали под выстрелами дружины, но лавина продолжала свое неукротимое движение. Тогда Ермак и атаман Кольцо, выскочив из окопов, с громким обычным Ермаковским возгласом «С нами Бог», «мужествовали, по выражению летописца, впереди», сосредоточенным огнем внесли расстройство в неприятельские ряды и, главное, ранили самого Маметкула. Князя остяцкие «дали тыл», татары дрогнули и обратились в бегство. Главный вождь остяков хан Карача был взят в плен.

Победа над Маметкулом дорого стоила Ермаку: в боях пало 107 доблестных его соратников, до сих пор поминаемых в Соборной церкви в Тобольске по синодику, составленному первым в Сибири архиепископом Киприаном на основании «казачьего написания», представленного владыке в 1621 году казаками дружины Ермака. Скоро оправившись, храбрый Маметкул снова перешел в атаку на берегу Иртыша. Дело дошло до рукопашного боя, особенно опасного для казаков, но и тут Маметкул был снова ранен, на этот раз более тяжело, и к ужасу татар увезен мурзами в лодке на другую сторону Иртыша.

Эти две битвы решили участь Кучума и обеспечи-

1) Н. М. Карамзин. «Ист. Госуд. Росс.». Изд. 1821 г., т. 9. СПб. Примечание 685.

2) В. И. Сергеев. Журн. «Вопросы Истории», т. 1-ый, стр. 43. Москва. 1959 г.

ли Ермаку господство от «Каменного хребта» до Оби и Тобола. Когда Ермак, продвигаясь дальше, овладел городком Атыка-Мурзы, Кучум в спешном порядке покинул свою столицу и скрылся в Ишимских степях: «бежал из града своего Кашлыка, еже Сибирь зовома». ¹⁾

26 октября 1581 года Ермак Тимофеевич со своей дружиной торжественно вступил в столицу Искер - Кашлык-Сибирь, расположенную на высоком берегу Иртыша и огражденную с одной стороны крутизной, а с другой тройным валом и рвом. ²⁾

Здесь он нашел большие богатства — драгоценные камни, ткани, затканые золотом, меха — но не нашел жизненных припасов, увезенных Кучумом. Положение создавалось критическое, но через три дня в столицу явились депутаты остяков, во главе с князем Бояром, заявившим о подчинении остяков и доставившим, вместе с дарами, большое количество съестных припасов. После остяков, узнав, как ласково Ермак обошелся с Бояром, множество татар возвратились в столицу с женами и детьми.

В течение всего ноября 1581 года Ермак и его дружина, утомленная двухмесячным, с непрерывными боями, походом, спокойно отдыхали, но уже пятого декабря на горизонте снова появился неустрашимый и отважный противник Маметкул. Едва оправившись от ран, он врасплох напал на 20 казаков, спокойно ловивших рыбу в озере Алабак, и всех истребил. Бросившись в погоню, Ермак настиг татар и нанес отряду большие потери, но сам Маметкул и на этот раз спасся. Забрав тела убитых двадцати соратников, Ермак похоронил их с воинскими почестями на Саусанском мысу близ Искера, где было древнее ханское кладбище.

В течение зимы, прошедшей спокойно, к Ермаку явились два князя вогулов Ишбердей, владетельный князь по берегам Конды, и Суклем с берегов Тобола и заявили о подчинении и о согласии платить дань - ясак соболями. Оба князя приняли присягу-шерть.

1) В. И. Сергеев. «Вопросы Истории», т. I, стр. 68. Москва. 1959 г.

2) Н. М. Карамзин. «И. Г. Р.», т. 9, 1903 г., стр. 260.

С февраля военные действия возобновились. 20 февраля мурза Секбахта-Паши сообщил Ермаку, что на Вагае, в Кулатове, в сотне верст от Кашлыка-Искера, стоит Маметкул. Посланный Ермаком отряд казаков внезапным ночным нападением разгромил спящих татар «и царевича жива в шатре взяша и з богатством приведоша к Ермаку во град».¹⁾

Учитывая значение царевича, пользовавшегося большой популярностью среди туземцев, и относясь с уважением к храброму противнику, Ермак окружил пленника большим вниманием.

После короткого отдыха Ермак спустился по Иртышу до устьев Армид-Зюка, где кончались владения Кучума и где находилась крепость независимого от Кучума воинственного татарского племени, которое оказало Ермаку сильное сопротивление. Ермак взял крепость приступом и подчинил всю округу. Спустившись ниже по течению Иртыша, Ермак атаковал вогулов Коды, а затем остяков, запершихся в крепости. Гарнизон остяцкий, во главе с князем Демьяном, численностью около 2.000, отказался сдаться. После бомбардировки, Ермак, взяв крепость штурмом, продолжал продвигаться с боями по Иртышу. Главный остяцкий хан Самара, собравший для отражения Ермака войска восьми подчиненных ему ханов, оказал отчаянное сопротивление. Внезапной ночной атакой Ермак уничтожил весь отряд Самара, вместе с вождем, после чего вся территория этого князя изъявила покорность. Население приведено Ермаком к «шерти» Московскому царю и обложено данью. Поднявшись, уже без всяких препятствий, вверх по реке Оби, Ермак без боя занял Назым, столицу Самара, и назначил остяцкого князя Алачу верховным вождем всех остяков. Взявши еще несколько небольших крепостей по берегам Оби и закончив покорение громадного района, Ермак не нашел нужным идти дальше — в голодную пустыню и мерзлую тундру, усеянную костями мамонтов. Похоронив здесь с воинскими почестями павших в боях своего сподвижника атамана Никиту Пана и несколь-

1) В. И. Сергеев. «Вопросы Истории», т. I. Москва. 1959 г.

ких казаков, Ермак поставил на берегу реки Оби пограничный столб Российского Государства и повернул с дружиной обратно в Искер.

Только после этого, закончив подчинение России ВСЕХ племен, бывших под властью Сибирского хана — царя Кучума, овладев всей его территорией и выйдя далеко за ее пределы, Ермак решает послать «первого по себе атамана» Ивана Кольцо в Москву бить челом царю Московскому царством Сибирским, извещая царя в своей «отписке», что «казаки его дружины присоединили к России знаменитую державу Сибирскую во имя Христа и Великого Государя на веки веков, доколе Всевышний благоволит стоять миру».¹).

Завершив завоевание обширного края от пределов Березовских до Тобола и загнав Кучума в безлюдные пустынные Ишимские степи, дружина Ермака с торжеством возвращалась «домой». Провожаемые новыми данниками, казаки плыли обратно с военной музыкой, выходили на берег в праздничной одежде, производя на сибиряков большое впечатление пышностью.

Во главе посольства к царю Ермак поставил того из своих атаманов, который, единственный из всех его соратников по походу, был приговорен Иваном Грозным к смертной казни. Несмотря на то, что в Москве это было время разгула страшного террора полубезумного царя, бесстрашный в боях атаман Кольцо смело пошел на риск.

Вместе с «отпиской» Ермака, депутация везла от Ермака драгоценные подарки — соболя, чернобурые лисицы, бобры...

В Москве, до этого унылой и придавленной, жившей в атмосфере удушливой, когда никто из людей ни в чем неповинных не знал, не обрушится ли на него завтра неожиданная жестокая кара, «давно — пишет летописец — не было такого веселья». Во всех церквях звонили в колокола, служили благодарственные мо-

1) Н. М. Карамзин. «Ист. Гос. Росс.», т. 9, примечания. Москва. 1821 г.

лебны, в Кремле и на Красной площади с радостью повторяли: «новое царство послал Бог России». Везде царило веселье, как в счастливые времена завоеваний Казанского и Астраханского царств, когда и царь, тогда юный и милостивый, был любим и уважаем народом. И царь и бояре и народ называли Ивана Кольцо славным витязем, атаман и прибывшие с ним казаки были обласканы царем и награждены подарками, деньгами, сукнами, камками — материями с вытканными узорами и цветами — а самому Атаману Ермаку Тимофеевичу были посланы две брони, серебряный кубок, панагия на золотой цепочке и шуба с царского плеча. Ермаку, кроме того, царь пожаловал княжеский титул, наименовав его князем Сибирским. Некоторые историки сомневаются в этом и не называют Ермака князем Сибирским, и я могу объяснить это лишь потерей для потомства после трагической смерти Ермака ответной грамоты Ивана Грозного, которую привез в Сибирь для передачи Ермаку воевода Болховский, прибывший в Искер, вместе с возвращавшимся Иваном Кольцо, во главе отряда стрельцов. В грамоте царь объявлял о ВЕЧНОМ забвении старых казачьих вин и выражал ВЕЧНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ за важную услугу. Назвав Ермака в этой грамоте князем Сибирским, царь повелевал ему «распоряжаться и начальствовать попрежнему, чтобы утвердить порядок в стране и верховную государеву власть над нею». ¹⁾

Отдавая распоряжение дьякам составить ответную грамоту Ермаку на его «отписку», переданную царю Иваном Кольцо, Иван Грозный приказал именовать Ермака князем, адресуя грамоту Атаману-князю Сибирскому.²⁾

Приказа о пожаловании — специального, письменного — по тем временам не требовалось, и одно уже наименование Ермака в царской грамоте князем было равносильно приказу. Н. М. Карамзин указывает, что о пожаловании Ермака княжеским титулом говорится

1) Н. М. Карамзин. «Ист. Гос. Росс.», Изд. 1903 г. Москва, стр. 192.

2) Н. М. Карамзин. «Ист. Гос. Росс.», Изд. 1821 г., т. 9, прим. 709.

в «Новом Летописце», а также в «Степенной Книге», где сказано: «а к Ермаку повелел Государь написать не Атаманом, но князем Сибирским». И сам Карамзин о Ермаке пишет: «Атаман-князь».

Недолго после этого прожил на свете князь Сибирский, оставшийся до конца дней своих холостяком... За отсутствием детей некому было и по наследству передать княжеское звание, и оно покрылось забвением. Это не значит, что об этом должны забыть казаки и вообще Россияне, о ВЕЧНОЙ БЛАГОДАРНОСТИ которых Ермаку и казакам писал московский царь.

Снарядив в Москву посольство во главе с атаманом Кольцо, Ермак, деятельный и неутомимый, не почил на лаврах: он продолжал расширять владения. Достигнув по реке Тавде земли вогуличей, в кровопролитном бою Ермак разбил татарских князей Лабутина и Печенега, подчинивших себе вогуличей, освободил последних от татарского владычества, — и вогуличи двух областей — Кошущкой и Таборинской — признали власть Ермака и обязались вносить государев ясак.

Зима 1583-1584 была холодная и голодная. Вскоре на Искер обрушилось бедствие: начался голод, сначала среди стрельцов воеводы Болховского, а потом и у казаков, появилась сильная цынга. Рыбной ловле и охоте мешали сильные морозы и вьюги, они же затруднили и подвоз хлеба из окрестностей, где, к тому же, и земледелием население занималось мало. Ермак, потерявший в кровопролитных боях значительную часть дружины, ждал из Москвы подкрепления людьми и припасами, а получил несколько сот новых голодных ртов, так как за время долгого похода из Москвы в Сибирь стрелецкий отряд съел весь провиант. Голод в Искере наступил такой, «яко понудитесь и тела человеческие ясти». ¹⁾

Смертность была большая. Заболел и умер и сам воевода Болховский. Одна беда не приходит: присоединилась измена взятого раньше в плен и отпущенного князя Карачи, пользовавшегося у Ермака большим доверием и знавшего, в каком тяжелом положении на-

1) В. И. Сергеев. «Вопросы Истории», т. I. Москва, 1959 г.

ходил в это время Ермак. Прислав в Искер дары, князь Карача сообщил о якобы готовящемся на него, Карачу, нападении ногаев и просил срочной помощи. Ермак немедленно отправил сорок лучших бойцов во главе с атаманом Иваном Кольцо. Кольцо и его казаки были встречены князем Карачей с большим почетом, а ночью, во время сна в улусе коварного князя, весь отряд, вместе с атаманом Кольцо, был изменнически вырезан татарами. Это подлое дело было сигналом для заранее подготовленного князем, влиятельным в окрестных улусах, восстания. Весть об истреблении отряда с быстротой молнии разнеслась по степям. Вспыхнул общий мятеж татар и остяков, которые, окружив разъезд атамана Якова Михайлова и уничтожив его вместе с атаманом, необозримыми обозами обложили столицу, расположившись вне досягаемости пушечных выстрелов крепости, надеясь — зная, что гарнизон голодает — взять Искер голодом. Положение для Ермака, потерявшего трех своих помощников и значительную часть доблестной дружины, погибшей в непрерывных боях и от цынги, когда в Искере не осталось и никаких резервов съестных припасов, создалось критическое. Не видя иного выхода, Ермак решился на отчаянную вылазку. Оставив в крепости горсть казаков, в темную бурную ночь на 12 июня Ермак послал всех остальных казаков во главе с верным сподвижником атаманом Матвеем Мещеряком. С присущей ему отвагой и ловкостью, под рев бури, атаман Мещеряк сумел незаметно пробраться с казаками сквозь неприятельские обозы к озеру Саускану, где, в нескольких верстах от Искера, была ставка князя Карачи, и напал на ничего не подозревавших спавших татар. Множество татар, в том числе и два сына Карачи, были перебиты, самому же князю удалось скрыться на другом берегу озера. В панике ночью татары бросались во все стороны, всюду натываясь на казаков, которые, буквально чуть не плавая в крови, преследовали врага до наступления рассвета. С рассветом, убедившись в малочисленности казаков, татары, подоспевшие из других станов, остановили бегущих и вступили в бой. Атаман Мещеряк, отступив в покинутый Карачей ла-

гер, сосредоточенным ружейным огнем отбил нападение, а князь, перепуганный, сняв осаду, отступил за Иртыш. Несмотря на сильное уменьшение своего отряда, неутомимый Ермак лично стал во главе своей дружины и пошел по следам Карачи вверх по Иртышу, разбил отряд князя Бегиша, взял его городок и покорил все улусы до самого Ишима. Пользовавшийся исключительным авторитетом, наследственный главный судья всех татарских улусов, а также князь Еличай, правивший в Тебенде, подчинились Ермаку без всякого сопротивления. Взявши городок Ташаткан, Ермак дошел до реки Шиш, откуда уже начинались безлюдные голые степи, и, установив размеры ясака и порядок взимания дани, в 1583 году возвратился в Искер.

Князь Еличай, внося ясак, привез Ермаку и свою дочь красавицу, невесту одного из сыновей хана Кучума, но — говорит летописец — «целомудренный атаман велел ей удалиться с ее прелестями опасными и с невинностью».¹⁾

Недолго пришлось отдыхать непобедимой, но сильно поредевшей дружине... Вскоре после возвращения в Искер Ермак получил сведения, что неутомимый мужественный Кучум появился в Вагайских степях с намерением перехватить караван, идущий к Ермаку с товарами из Бухары. Ермак во главе 50 казаков немедленно выступил в поход. Причалив струги при впадении Вагая в Иртыш, Ермак сухим путем отправился на розыски Кучума. Не обнаружив его следов, отряд расположился на ночлег в палатках «на одном холме, окруженном рукавом Иртыша». Ночь была бурная. Одна из песен, посвященных Ермаку, отмечает это:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния блистала,
Безперерывно гром гремел
И ветры в дебрях бушевали...

Утомленные походом и бесплодными розысками, не обнаружив по близости врага, казаки под рев бури заснули крепким сном, не выставив охранения... Кучум «прокрался тайною тропкою», татары перешли ру-

1) «Сибирские Летописи». СПб. 1907 г.

Завоевания Ермака.

кав Иртыша вброд, внезапно напали на спящих и всех перерезали. Спасся лишь один казак, принесший в Искер ужасную вестъ. Сам Ермак, проснувшись, яростно отбивался саблей от татар, отступая достиг берега и бросился в воду к стругам, но под тяжестью панцыря доплыть до них не смог...

Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцырь — дар царя —
Стал гибели его виною...

Ермак утонул в ночь на 5-е августа 1584 года.

Летопись Есиповская ¹⁾ по поводу смерти Ермака говорит:

«Атаман же Ермак, видев воев своих убиение от поганных, не откуду в то злое время и час имать имети помощи животу своему и бежа в струг свой и не може доитти, понеже одаян железом, стругу же отплывшу от берегу, и не дошел утопе в воде в реке Вагае, Божиим бо судом прииде на воинов смерть во един час и тако живота своего гонзнуша. Убиение же бысть августа месяца в день пятый. Услышав же сия во граде Сибири оставшии казаки плакаху».

В Летописи Ремезовской записано: ²⁾

«Ермак, видя своих убиение и помощи ни откуду животу своему, бежа в струг свой и не може скочити, бе одаян двема царскими пансыри, струг же отплы от берега, и недошед утопе месяца августа в шестой день. Егда же приемше прочия казаки во граде вестъ, горко плакашася об нем, бе бо велми мужествен и разумен и человеки и зрачен и всякой мудрости доволен».

Колоссальная страна с нетронутыми неисчерпаемыми естественными богатствами была покорена отрядом героев под предводительством Атамана Ермака Тимофеевича без всякого участия государства.

«Военная Энциклопедия» дает этому такое объяснение: «несмотря на значительный перевес в силах, татары, не видевшие до сего времени действия огне-

1) «Сибирские Летописи», СПб. 1907 г., стр. 221.

2) Там же, стр. 344.

стрельного оружия, не выдерживали стремительного нападения казаков и обращались в бегство». ¹⁾

Историк Н. М. Костомаров, описывая битву Ермака с Кучумом 23 октября 1582 года на берегу Иртыша, говорит: «стрелы ничего не могли сделать против ружей и пушек, хотя сибиряки дрались так отчаянно, что казаки потеряли — в этом бою — сто семь человек, которых до сих пор поминают в синодиках Тобольского собора».

Донской историк А. Г. Попов делает такое заключение: «завоевание Сибири — 1581 - 1584 гг. — столь малым количеством людей было бы делом совершенно невозможным, если бы Донские казаки не имели счастливого дарования, с детства питаемого, путешествовать, жить, воевать, переносить все трудности на воде с такою же ловкостью, как и на суше.» ²⁾

Мнение А. Г. Попова считаю совершенно правильным и в подтверждение и моей собственной оценки приведу исторические факты.

Сибирский хан Кучум, под впечатлением успехов русского оружия при завоевании Царства Казанского и Астраханского и опасаясь, очевидно, той же участи в будущем для своего царства — ханства Сибирского, одно время согласившийся было добровольно платить дань Московскому царю, впоследствии, в 1571 году, разорвал даннические отношения. Царь снарядил тогда в 1572 году карательную экспедицию во главе с воеводой Лыченицыным и послал воеводу «воевать» Кучума. Несмотря на то, что отряд Лыченицына, как отряд правительственный, государственный, в изобилии был снабжен пушками и вообще огнестрельным оружием, татары, тогда, до Ермака, тем более еще не видевшие «действия огнестрельного оружия», не испугались и, располагая теми же стрелами против ружей и пушек, наголову разбили воеводу, обратившегося в бегство и потерявшего свою артиллерию. И разбил Лыченицына тот же Маметкул, главный противник Ер-

1) «Военная Энциклопедия», т. 10, стр. 340. Изд. Сытина, СПб. 1912 г.

2) А. Г. Попов. «История Войска Донского», стр. 159. Новочеркасск. 1812 г.

мака, который к тому же в следующем 1573 году, не устранившись огнестрельного оружия, вторгся в русские пределы, захватил в плен и убил посла Чебукова. Не обращались в паническое бегство татары и раньше, при нападении на Строгановские городки-крепости, располагавшие «огненным громом». У татар не было огнестрельного оружия, но невелико было значение и казачьих пищалей и пушек 16-го века: били они не очень метко и не очень далеко и оперенные стрелы больших татарских луков летели на немного ближе и с успехом пробивали доски.

Объяснение успехов Ермака нужно, очевидно, искать в другом: в талантах вождя и в доблести его воинов казаков.

**

Предание говорит, что 13-го августа 1584 года тело Ермака всплыло в юрте князя Епанчи, в 12 верстах от Абалака, где татарин Яник, внук князя Бегиша, увидев в реке ногу, вытащил мертвеца, узнал его по железным латам с медной оправой, с золотым орлом на груди, и созвал жителей. Татарское предание говорит, что мурза Кандаул хотел было снять с мертвого панцырь, как вдруг из тела, уже оцепеневшего, хлынула свежая кровь. Тогда татары начали пускать в мертвеца стрелы: Кучум и остяцкие князья, съехавшиеся сюда издалека, хотели насладиться местью... То же предание говорит, что плотоядные птицы, стаями летая над трупом, не смели его коснуться и что страшные сны заставили схоронить мертвеца на Бегишевском кладбище под кудрявой сосной. Изжарив и съев в день погребения тридцать быков, князья порешили верхний панцырь передать жрецам почитаемого белгородского храма, нижнюю кольчугу — князю Кандаулу, чекмень — князю Сейдеку, а саблю с поясом князю Караче. Магометанское духовенство позаботилось скрыть могилу Ермака.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ермак и Строгановы. Сравнительная оценка Сибирских Летописей. Ермак — инициатор Сибирского похода.

Семья Строгановых, промышленников и купцов Пермского края, владела обширными поместьями, расположенными по рекам Каме, Чусовой и Сылве. «По летописному сказанию — пишет Н. М. Карамзин — Строгановы происходили от знатного крещеного мурзы Золотой Орды Спиридона, научившего Россиян употреблению счетов. Предание говорит, что озлобленные татары, взяв Спиридона в плен, «застрогали» его до смерти — поэтому сына стали звать Строгановым. Внук Спиридона способствовал выкупу великого князя Василия Темного, бывшего в плену в Казанских улусах.» ¹⁾

Владения Строгановых подвергались нападениям татар-ногаев, остяков, вогулов и черемисов и, в ответ на жалобы Московскому царю и просьбы о защите, Строгановы получили разрешение строить укрепленные городки и набирать за свой счет воинские отряды для самозащиты. Выгода получалась обоюдная, ибо — по слову Карамзина — «Великая Пермь была концом России»: защищая свои владения, Строгановы в то же время охраняли тогдашние границы государства в Пермской земле. Наиболее подходящим для отрядов элементом были казаки. К ним на Волгу тогда и обра-

1) Н. М. Карамзин. «Ист. Госуд. Росс.», т. 8, стр. 179. Изд. 1903 г. Москва.

тились Строгановы. В своем послании, о котором мы уже говорили раньше, они писали 6-го июня 1579 года Ермаку и его «товарышам»: «имеем крепости и земли, но мало дружины, идите к нам оборонять Великую Пермь и восточный край христианства». ¹⁾

Мы уже говорили о том, как дружина Ермака оставила владения Строгановых и двинулась в Сибирский поход. У всех историков, изучавших Сибирскую эпопею, неизбежно возникал вопрос: кто был инициатором похода в Сибирь — Строгановы или Ермак? Мнения расходились: некоторые ученые, как, например, Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев, ²⁾ считали, что инициатива похода принадлежала Строгановым, другие же, как Небольсин, С. А. Адрианов, А. Леонов, опираясь на Летопись Есиповскую, приписывали инициативу Ермаку. Автор Строгановской Летописи говорит: «в лето 7090 сентября в 1 день на память преподобного отца нашего Симеона Столпника, послаша из городков своих Семен и Максим и Никита Строгановы в Сибирь на Сибирского салтана волжских атаманов и казаков Ермака Тимофеева с товарищи». «И отпевше соборне молебная пения всемилостивому в Троицы славному Богу и Пречистой Его Богоматери и всем небесным силам и святым угодником Его и удоволиша их мздою и одеянии украсиша их и оружием огненным пушечки и скорострельными пищали семипядными и запасы многими и всеми сими довольно сподобиша их, и вожев вѣдущих той сибирский путь, и толмачев бусурменского языка им даша и отпустиша их в Сибирскую землю с миром». ³⁾

Савва Есипов, автор Летописи Есиповской, повествует: «в лета, 7089, при державе благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца, приидоша сии воины с ВОЛГИ В СИ-

1) «Сибирские Летописи», стр. 8-9. СПб. 1907 г.

2) С. М. Соловьев. «Ист. Росс. с древнейших времен». СПб. 1903 г.

3) «Сибирские Летописи», стр. 10-11.

БИРЬ — курсив мой. Н. М., — идоша же в Сибирь Чюсовою рекою и приидоша на реку Тагил и плыша Тагилом и Турою и доплыша до реки Тавды»... Дальше описание завоевания Сибири Ермаком сходно с описанием Строгановской Летописи. ¹⁾

Есиповская Летопись абсолютно ничего не говорит о Строгановых и инициативу похода приписывает исключительно Ермаку. Не говорит Летопись и о извещениях, будто бы посылавшихся Ермаком Строгановым о ходе завоевания Сибири: Ермак непосредственно от себя, посылая Ивана Кольцо в Москву, «отпискою» сообщил царю о покорении Сибири и просил принять ее в подданство России.

В третьей Сибирской Летописи — Ремезовской, как и в четвертой, Кунгурской, вошедшей в Ремезовскую особым отделом, — также ничего не говорится о Строгановых: летописцы считают, судя по общему содержанию этих Летописей, что решение идти в Сибирь было принято Ермаком и притом еще тогда, когда он был на Волге, до временного перехода на Чусовую.

Таким образом, две Сибирских Летописи из трех главных существующих приписывают инициативу Сибирского похода Ермаку и лишь одна — Строгановым.

Нельзя упускать из виду, что, как заявляет профессор С. В. Бахрушин, «ни одна из Сибирских Летописей не является в полном смысле летописью, а каждая из них носит на себе следы литературных современных влияний и таким образом является позднейшей переработкой ранних протографов. В основе Есиповской и Строгановской Летописей лежит единый протограф, т. е. «казачье написание» и «синодик» архиепископа Киприана». ²⁾

Начало Сибирским Летописям положил Тобольский архиепископ Киприан, первый архиепископ, назначенный в Сибирь в 1621 году, т. е. через 36 лет после смерти Ермака. Естественно заинтересовавшись делом завоевания Сибири и личностью Ермака, архиепископ, бывший вообще человеком незаурядным, впо-

1) «Сиб. Лет.», стр. 125, 136, 137.

2) С. В. Бахрушин. «Очерки по ист. колон. Сибири», стр. 177. Москва. 1928 г.

следствии митрополит Крутицкий и Новгородский, розыскал оставшихся в живых сподвижников Ермака и просил их написать подробно о завоевании Сибирского царства. Казаки представили «написание», на основании которого архиепископ составил «синодик» — первый документ в Сибирском летописании. Летописец говорит об этом так:

... «первый архиепископ Киприан во второе лето престольства своего (т. е. в 1622 году. Н. М.) воспомину атамана Ермака и з дружиною и повеле распросити Ермаковских казаков, как они приидоша в Сибирь и где у них с погаными были бои и кого где убили погании на драке. Казаки ж принесоша к нему написание, како приидоша в Сибирь и где у них с погаными бои были и где казаков и какова у них именем убили. Он же, добрый пастырь, попечение имея о них и повеле убитых имена написать в церкви Софеи Премудрости Божия в соборной синодик и в православную неделю кликати повеле с прочими пострадавшими за православие вечную память.» ¹⁾

. Савва Есипов, подъячий архиепископа, свой труд «О Сибири и о Сибирском взятии» писал главным образом по сведениям, взятым из казацкого «написания» и «синодика» архиепископа, дополняя их рассказами участников событий. В конце своей летописи он говорит: «ино же написах с писания прежд мене списавшаго... ино ж от достоверных муж испытах, иже очима своими видеша и быша в та лета». ²⁾ «О царстве же Сибирском и о княжении написахом ино с летописца татарского, ино же достоверных мужи испытовах еже добре и неукоснено поведоша ми яве». ²⁾ «Изложена же бысть сия летопись: Сибирское царство и княжение и о взятии в Тобольске граде в лета 7145 — т. е. в 1637 г. Н. М. — сентября в 1 день.» «Синодик казакам» помещен в Есиповской Летописи отдельной, 37-ой, главой.

Историк Карамзин считал Строгановскую Летопись «достовернейшей всех иных и сочиненною около 1600 г.», «основанною на царских грамотах, данных

1) и 2) «Сиб. Лет.», стр. 162, 163, 105, 106.

Строгановых»... Н. М. Карамзин не указал никаких других оснований для своего предпочтения этой летописи перед другими, что вызвало удивление даже у другого поклонника Строгановской Летописи историка С. М. Соловьева: «Карамзин — пишет С. М. Соловьев ¹⁾ — объясняет, что он следует Строгановской Летописи, а почему именно он ей следует, этого он не заблагоразсудил открыть нам».

Наиболее достоверной мне представляется Летопись Есиповская.

Прежде всего, эта Летопись опирается больше всего на самые основные протографы — казачье «написание» и «синодик», т. е. на свидетельство непосредственных участников событий. Составлена она вскоре после описываемых в ней событий, так сказать по свежим — относительно, в сравнении с другими — следам, в 1637 году, через 15 лет после казачьего «написания» и «синодика» и через 52 года после смерти Ермака, тогда как Строгановская Летопись появилась почти через 100 лет. Новейшие историки Сибири, в том числе А. М. Ставрович, ²⁾ относят появление Строгановской Летописи к 1673 году, а не к 1600, как думал Карамзин. Автором Строгановской Летописи, все время стремящимся возвеличить род Строгановых и выдвинуть их на первый план, Ставрович ³⁾ считает С. Кубасова, человека близкого к семье Строгановых. Это стремление автора Строгановской Летописи отмечает и Императорская Археографическая Комиссия, выпустившая в СПб в 1907 году «Сибирские Летописи» особым изданием, на которое я сейчас все время и ссылаюсь.

«Людям свойственно ошибаться» и от этого не застрахованы и большие ученые: позднейшие исследования показали, что Строгановская Летопись составлена не в начале, как думал Карамзин, а в конце 17-го века. В частности, в ней говорится не только о Тоболь-

1) Н. М. Карамзин. «Ист. Гос. Росс.». Москва, 1903.

2) С. М. Соловьев. «Ист. Гос. Росс.», т. 6. Дополнения.

3) А. М. Ставрович. «Строг. Лет. и Сергей Кубасов». Сборник, посвящ. проф. Платонову. Москва, 1922 г.

ской архиепископии, которая только и существовала в начале 17 века, с 1621-го года, но и об епархии Сибирской, о Евангельской проповеди и во **ВСЕХ КОНЦАХ СИБИРИ** (курсив мой. Н. М.).

Имеются в Летописи и неточности: например, дата смерти Ивана Кольцо с его отрядом указана в марте, тогда как событие это имело место 17 апреля, как указано в казачьем «написании» и в «синодике» арх. Киприана. Имеются «вольности» даже в воспроизведении текста царских грамот: так, помещая в своей летописи полный текст грамоты Ивана Грозного к Строгановым от 16 ноября 1582 года, автор Летописи, кроме указанных в грамоте имен Максима и Никиты Строгановых, прибавил — для возвеличения и еще одного члена семьи — и Семена Строганова, имени которого в царской грамоте не имеется.

Так что нет никаких особых оснований считать эту Летопись «достовернейшей». Не выдерживает критики и тот аргумент, что автор имел в руках своих грамоты Иоанновы: ни в одной из напечатанных там грамот нет упоминания о Ермаке и его походе, кроме грамоты от 16 ноября 1582 года, полный текст которой будет приведен ниже.

Профессор-историк Императ. Москов. Университета А. Кизеветтер, в критическом обзоре труда проф. С. В. Бахрушина, попутно дает такой отзыв о Строгановской Летописи: «повесть „О взятии Сибирской земли», ¹⁾ т. е. о походе Ермака, **ПРОНИКНУТА ЯВНЫМ СТРЕМЛЕНИЕМ ВОЗВЕЛИЧИТЬ РОД СТРОГАНОВЫХ** (курсив мой. Н. М.) в истории присоединения Кучумова царства к Московскому государству и потому, с легкой руки Карамзина, именуемая Строгановской Летописью. Проф. Бахрушин, опираясь на самостоятельно произведенный им анализ всех текстов, утверждает, что и «синодик» и обе Летописи (т. е. Строгановская и Есиповская. Н. М.) — составлены независимо друг от друга, но на основании общего всем им до нас дошедшего, протографа, которым, быть может, следует признать «написание», доставленное Ермаковски-

1) А. Кизеветтер. «Современные Записки». Кн. 43, стр. 514, 515. Париж, 1930 г.

ми казаками Киприану, когда тот задумал составить свой Синодик. Нам думается, что эта концепция вполне подкрепляется приведенными у Бахрушина наблюдениями над текстом сравниваемых им произведений и составляет важный шаг для изучения Сибирского Летописания». Недостатки Строгановской Летописи признает и бар. Борис Нольдэ, который на стр. 149, в примечании, пишет: «некоторые детали, которые дает Строгановский хроникер о событиях 1582 года, показывают намеренное преувеличение роли Строгановых». ¹⁾

Возбуждает недоумение заявление проф.-историка Платонова, когда он говорит: «можно назвать детски наивным то представление, что Сибирь открыли Строгановы, а Ермак завоевал. Новгородцы, владевшие русским севером, века за два до Ермака уже ходили на реку Обь с Северной Двины и Печоры». Основываясь на Летописной записи Ростовской 14-го века, проф. Платонов пишет: «той же зимой 1364-1365 г. с Югры Новгородцы приехали. Дети боярские и люди молодые воеводы Александра Абакумовича воевали по Оби реке и до моря, а другая половина выше Оби, и Двиняне стали против них полком и побили Двинян». Не думаю, не знаю, чтобы кто-нибудь из людей образованных, не говоря уже о специалистах историках, «представлял» себе и другим, что Сибирь «открыли» Строгановы: о давнем проникновении Новгородцев за Уральский хребет было широко известно. По вопросу же о завоевании Ермаком Сибири проф. Платонов упускает из виду, что Новгородцы и Двиняне действовали на нижнем течении Оби и «до моря» и северо-восточнее Оби, «выше» ее, но не проникали в верховья Оби с ее притоками, где царствовали Кучум и его предшественники из династии Тайбуги, последний представитель которой Едигер был сброшен Кучумом, потомком завоевателя Бухары хана Шейбани.

Сибирское царство-ханство особенно усилилось при Кучуме, распространившем свою власть и на се-

¹⁾ Boris Noldé. «La formation de l'Empire Russe». Paris. 1952.

вер, до нижней Оби, на владения русских данников с 15-го века остяков и самоедов. При Кучуме — говорит историк Магидович ¹⁾ — «Сибирское царство стало почти непроходимым для русских». Само собою разумеется, Ермак не мог завоевать сразу всю необъятную Сибирь до самого океана, он завоевал одно обширное Сибирское царство Кучума, но он его завоевал и после него вся Сибирь стала русской. Дорога на северные и восточные просторы была проложена Ермаком и после него она не могла уже зарости. Превращение всей Сибири в землю Русскую не потребовало в дальнейшем от Российского государства никаких особых усилий.

Историк Небольсин так расценивает Есиповскую Летопись: ²⁾ «Летопись излагает происшествия просто, понятно, без претензий на ученость, без особенных увлечений в чью либо личную пользу. Есипов действовал не без критики и описываемые им происшествия соотносился с хронологическим их порядком и с местными обстоятельствами и приходит к выводу, что инициатива похода в Сибирь принадлежит Ермаку, а не Строгановым».

С. А. Адрианов, ³⁾ которого даже проф. бар. Нольдэ, ⁴⁾ очень неблагосклонно расценивающий роль и значение Ермака, (для барона Б. Нольдэ Ермак и его казаки — «резервуар людей сомнительной нравственности и дисциплины», стр. 159) и тот считает «одним из лучших исследователей областной истории Пермской Великой», историк Адрианов, основываясь на Есиповской Летописи, утверждает, что добрая воля Строгановых не имела никакого значения в предприятии Ермака, который пошел походом на Сибирь на свой страх и риск. И сам же Б. Нольдэ на стр. 160 своего монументального труда приводит мнение С. А. Адрианова: «информированные жителями о богатствах страны, лежащей за Уралом, казаки решили двинуться туда. Воля

1) И. П. Магидович. «Русские открытия до 16 века». Москва. 1949 г.

2) Небольсин. «Покорение Сибири». Мнение Небольсина приведено у С. М. Соловьева в «Дополнен.», т. 6. СПб. 1903.

3) С. А. Адрианов. «К вопросу о покорении Сибири». Журн. Мин. Нар. Просв. СПб. 1893 г.

4) Boris Noldé. «La formation de l'Empire Russe». Paris. 1952.

Строгановых не играла никакой роли в предприятии Ермака: он пошел в Сибирь на свой риск».

Отдавая, со своей стороны, по указанным выше основаниям, предпочтение Есиповской Летописи, как основанной прежде всего на неоспоримом казачьем «написании» и на свидетельстве участников событий, я также должен признать, что инициатором похода на Сибирь был Ермак. Правильность этого вывода подтверждается и целым рядом доказательств.

Бездеятельная монотонная жизнь во владениях Строгановых сама по себе не могла быть по душе Ермаку и его атаманам, людям кипучей энергии, и не могла изменить их решения идти в Сибирь, принятого еще на Волге. Ермак все время готовился к походу. Собирая необходимые сведения, расспрашивал он старожилов и инородцев, кто живет за «Камнем», за Уральским хребтом, и жители Пермской земли рассказывали Ермаку о богатствах страны, лежащей по другую сторону Уральских гор. Академик Г. Ф. Миллер пишет: «Ермак, будучи еще у Строгановых, через тамошних жителей, которые хаживали в Сибирь, получил достоверное известие, как туда рекою Чусовую пройти можно». ¹⁾

С теми же распросами Ермак обратился и к Строгановым: «Ермак спроси их, к какому царству земля их та близостью смежна. Они же ему поведа истину, яко от жительства их не в дальнем расстоянии есть царство Сибирское. Ермак же с товарищи изготви себе запасы и взяв с собою тамошних жителей знающих людей и поиде рекою Серебрянкою вверх и прииде на реку Тагил и плыша Тагилом в реку Туру». ²⁾

Перед этим легко разбив и уничтожив отряд татарского мурзы Бегулия — историк Сергеев называет мурзу Бегбелием Игнаковым — ³⁾ Ермак убедился на опыте в полной возможности и для небольшой дружины, но «единомысленной и предоброй», победить и многочисленного врага. «Храбри казацы видевше и ра-

1) Г. Ф. Миллер. «История Сибирская», стр. 102. Изд. 1750 г.

2) «Сибирские Летописи», стр. 313, 314.

3) В. И. Сергеев. Журн. «Вопросы Истории», т. I, М. 1959 г.

Ермак покоритель Сибири — рисунок А. Шарльмана. Гравюра на стали.

зумевше, — говорится в Ремезовской Летописи — ¹⁾ что Сибирская страна богата и всем изобильна и живущие люди в ней невоисты» (Невоинственны. Н. М.).

Дружина Ермака уже с Волги пришла вооруженною, вооружение ее было увеличено и усилено Строгановыми для большей успешности борьбы с кочевниками, нападавшими на их владения, кроме того, Ермак, прослужив со своей дружиною у Строгановых более двух лет, имел возможность и сам — как сказано выше — «изготовить себе запасы». ²⁾

Урочище на Сылве — «Ермаково городище» — сделалось основным станом Ермака, «домом своим», в котором казаки, выполнив данный ими раньше обет, построили для тех казаков, которые должны были остаться тут с женами и детьми, часовню. Не все, пришедшие с Дона и Волги, должны были отправиться в Сибирский поход: «овии же — говорит летописец — гоппыша с Ермаком вниз по Сылве до усть Чусовой, овии же останахся на городищи том с женами и з детьми, вечно оселихся».

Защищая владения Строгановых, разбив наголову мурзу Бегбелю, дружина Ермака, получая содержание от Строгановых, «хлебом кормишася от Максима Строганова», в то же время деятельно готовилась к походу на Сибирь, задуманному Ермаком — по свидетельству автора Ремезовской Летописи, опирающегося на казачье «написание» — еще на Волге. Ермаковцы во время зимовки на реке Сылве «поза Камени вогулич воевали и обогатели», готовились «на подъем в Сибирь и к тому приправиша вдоволь легких стругов с припасы». Кунгурская Летопись, включенная в состав Ремезовской, добавляет, что Ермак из похода на вогуличей «возвратишася с богатством в дома свои и НА ПОДЪЕМ в СИБИРЬ». ³⁾ Для похода на Сибирь запасы были дополнены «оружием огненным пушечки и скорострельными пищалми семипядными и запасы многими», взятыми у Строгановых.

Утверждения автора Есиповской Летописи, наибо-

1) «Сибир. Лет.», стр. 317.

2) «Сиб. Лет.», стр. 313, 314.

3) Там же, стр. 313, 314.

лее, как мы говорили выше, достоверной, что инициатором и душой похода был Ермак, подтверждается и автором Ремезовской Летописи, причем определенно устанавливается, что снабжение отряда всем необходимым, в дополнение к тому, что у Ермака уже имелось, произведено Строгановыми. Как ни старается автор Строгановской Летописи приписать своим патронам ведущую роль не только в снабжении дружины Ермака всем необходимым, но и в смысле инициативы в этом блестящем деле Ермака, давшем России огромное царство, усилия его остаются тщетными. Ремезовская Летопись устанавливает, что и снабжение отряда произведено не по доброй воле Строгановых. «А в поход Ермак на струги дружине своей у Максима взимая с пристрастием, а не вовсе в честь или в займы. Даже убити хотеша и жита его разграбить, дом его и при нем живущих разорити в конец». ¹⁾

Когда Максим Строганов «увещеваше... прося у них кабалы — пишет летописец — егда возвратитесь, на кого те припасы по цене взяти и кто отдаст точно ели с лихвою», т. е. с процентами, казаки возмутились и «приступи к Максиму гызом» — в других списках Ремезовской Летописи сказано: «грозом» — «Из их войска паче всех Иван Кольцов со есаулы крикнуша: о мужик, не знаешь ты и теперь мертв, возьмем тя и ростреляем по клоку». ²⁾

После этого Максим Строганов «отворил амбары хлебные и по именов полковых писарей... дающе день и ночь коемуждо по запросу числу на струги». Прощаясь с М. Строгановым, казаки, давая обещание расплатиться за все взятое, — чего, конечно, не могло быть, если бы казаки уходили в Сибирь не по своей инициативе, а посылались бы Строгановыми, — вместе с тем и посмеивались: «аще Бог управит путь нам в добыче и здравии имамы быти. заплатим и наградим по возвращении нашем, аще ли же избиени будем, да помянет нас любовь твоя в вечном успении». ³⁾

Академик Г. Ф. Миллер, изучивший Ремезовскую

1) Там же, стр. 315.

2) и 3) «Сиб. Лет.», стр. 314, 315.

Летопись, пишет: «Строганов только требовал, чтобы число провианта на каждого человека не весьма высоко положить и чтобы казаки письменно обязались — ежели с довольною добычею назад возвратятся — чтобы заплатить ему цену за все, что у него приняли». 1)

Да и как Строгановы могли думать о завоевании отдаленных царств, когда они не могли даже обезопасить безопасность своих обширных владений, часто подвергавшихся нападениям со стороны кочевников?

Во время набега в 1573 году Маметкула на Пермь Великую, когда Маметкул жестоко громил Пермскую землю по соседству со Строгановскими владениями, Строгановы побоялись послать туда даже помощь, не имея на то царского указа: «И Яков и Григорий Строгановы без указа государева своих наемных казаков из городков послать не посмели». 2)

А теперь посмели без указа царя, даже без его ведома, послать целое войско в чужое государство!?. Как они могли послать единственную свою надежную опору в лице Ермака и его дружины на неопределенное время и — как отмечает историк Небольсин — «Бог знает, куда в такое время, когда беда нависла над головой и когда помощь на месте была спасением целого края от будущих разорений». 3) И действительно, ведь едва Ермак двинулся в путь, как с другого конца Строгановских поместий на берегах Камы напал Пелымский князь, уничтоживший несколько поселений и укреплений, перебивший их защитников и забравший массу пленных, которые обыкновенно становились невольниками.

Строгановская Летопись так описывает эти события: «злочестивый и безбожный князь Пелымский... прииде с вои своими яряся на Пермския городы, на Чердынь и те места попленища и пожгоша, доиде же и к стенам града сурово и люто приближишась ко граду, едва не взяту бывшу, но всемогий Бог не попусти окаянных и ту великую пакость учиниша, и оттоли

1) Г. Ф. Миллер. «История Сибирская», стр. 97, 99. 1750 г.

2) «Сиб. Лет.», стр. 6-7. СПб. 1903.

3) С. М. Соловьев. «Ист. Госуд. Росс.», т. 6. Дополнения, в которых приведено мнение Небольсина.

окаянии приидоша под Камское усолье и ту села и посады пожгоша и людей поплениша и приидоша под Канкор и под Кергедан городки, а оттоле поидоша под Чусовские городки и под Сылвянской и Яйвинской острожки и внезапу окаянии нападоша на Чусовские городки и около ту живущих крестьян множество посекоша и села их и жилища пожгоша и немилостивно православных пленяху и полону многу взяту бывшу»... «Оставши людие в городкех и в острожкех своих ото окаянных и безбожных татар от их злаго притужения едва смерти избыша не силою своею, но Божиею помощию и оттоле многия скорби и притужения приимаху ото окаянных. Окаянии же уведаху, что рустии воины поидоша в их Сибирскую землю войною и ТОГО УСТРАШИШАСЯ (курсив мой. Н. М.). И тако Божиею помощию окаянии варвары побеждены быша и полон русский у них отъят бысть, они же безбожнии отидоша посрамлени, яко пси, во своя места». *)

Божья помощь заключалась в том, что князь Пельымский узнал, что Ермак «поидоша в Сибирскую землю войной — и того устрашишася» и, очевидно, поэтому, спеша домой, вынужден был оставить на месте пленных: едва ли они могли быть отняты теми, которые сами «едва смерти избыша не силою своею, но Божиею помощию». Ни Москва, ни ее Пермский наместник князь Елецкий, ни Чердынский воевода В. Перепелицын ничего не знали об уходе Ермака от Строгановых. Перепелицын узнал об этом значительно позже погрома, учиненного князем Пельымским, так как царь послал Строгановым из Москвы грозную грамоту, составленную на основании донесения воеводы Перепелицына, лишь 16 ноября 1582 года, т. е. через год и два с половиной месяца после ухода Ермака... В ноябре 1582 года Московские власти не знают, что Ермак больше года находится в Сибири, что больше года прошло уже со времени взятия им столицы Сибирского царства. В конце 1582 года в Москве считают, что Ермак сражается по эту сторону Уральских гор с вогуличами: в своей грамоте от 16 ноября 1582 г. царь пишет,

*) «Сибирские Летописи», стр. 11, 12, 13, 14.

что «Ермак с товарищи пошли воевать Вогулич». «И мы послали в Пермь Война Оничкова, а велели тех казаков, Ермака с товарищи, взяв, отвести в Пермь и в усолье Камские, и тут им стоять велели»...

Этой царской грамотой опровергаются и рассказы составителя Строгановской грамоты, который, стремясь возвеличить Строгановых, приписал им не только инициативу Сибирского похода, но и дальнейшую зависимость от них Ермака, который будто бы присылал им донесения о ходе операций в Сибири, а они со своей стороны все время держали в курсе событий царя...

Автор Строгановской Летописи пишет: «Из Сибири атаманы и казаки Ермак Тимофеев с товарищи к честным людям к Семену и к Максиму и к Никите в их городки писаша: егда Господь в Троице славимый Бог изволи убо одолети им Кучума салтана и град его столный взяти в Сибирской его земле и сына его царевича Маметкула жива взяти... Семен и Максим и Микита Строгановы из острожков своих по их атаманов и казаков отпискам писаша к Москве благочестивому государю царю и великому каязю Ивану Васильевичу всеа Русии о взятии и одолении Сибирския земли и ятии царевича Маметкула... Последи же того и сами не во мнозе времени приехавше к Москве и государя о всем том известиша вся по порядку, како из острошков своих казаков волских с своими людьми отпустиша в Сибирскую землю войною на Сибирского князя Кучюма и о взятии Кучюмова сына царевича Маметкула и града его столного Сибири и о отогнании царя Кучюма и о усмирении Сибирския земли все ему государю поведоша». ¹⁾

Излишне и говорить, что никаких писем Строгановых царю по этим вопросам в Московских архивах не имеется... Ни о каких сношениях Ермака со Строгановыми после ухода Ермака в поход в Есиповской Летописи не говорится ни одного слова. Покорив Сибирское царство, Ермак непосредственно, не входя ни в какие сношения со Строгановыми, отправил посоль-

1) Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные ген. А. А. Лишиным. Т. I-ый. Новочеркасск, 1891 г.

ство прямо в Москву. Ничего о каких бы то ни было сношениях Ермака со Строгановыми из Сибири не говорит и Летопись Ремезовская, которая и вообще считает, что решение идти в Сибирь было принято Ермаков с «товарыщи» еще тогда, когда они были на Волге. Казаки не знали тогда лишь прямого пути туда.

В виду большого значения грамоты Ивана Грозного от 16 ноября 1582 года, приведем ее полностью:

«От царя и великого князя всеа Руси, в Чусовую, Максиму Яковлеву да Миките Григорьеву сыну Строгановым.

Писал нам из Перми Перепелицин, что послали вы из острогов своих волских атаманов и казаков. Ермака с товарищи, воевати Вотяки, и Вогуличи и Пельнские и Сибирские места, в сентября в 1 день, а в тот же день собрався, Пельнский князь с сибирскими людьми и с Вогуличи, приходил войною на наши перьмские места, и к городу, к Чердыни, к острогу приступал, и наших людей побили и многие убытки нашим людям причинили.

И то сделалось вашею изменою: вы Вогуличей, и Вотяков, и Пельнцев от нашего жалования отвели, и их задирали, и войною на них приходили, да тем задором с сибирским салтаном ссорили нас, а вольских атаманов к себе призвав, воров, наняли в свои остроги без нашего указа, а те атаманы и казаки, преж того ссорили нас с Ногайской ордой, послов ногайских на Волге на перевозех побивали и ордобазарцев грабили и побивали, и нашим людям многие убытки и грабежи чинили, и им было вины свои покрывать тем, что было нашу Перьмскую землю оберегать, а они сделали с вами вместе потомуж, как на Волге чинили и воровали; в который день к Перми, к Чердыни приходили Вогуличи, сентября в 1 день, а в тот же день от тебя из острогов Ермак с товарищи пошли воевать Вогулич, а Перми ничем не пособили, и то все сталося вашим воровством и изменою. А только вы бы нам служили вы бы тех казаков в те поры в войну не посылали, а послали их и своих людей из своих острогов наши земли Перьмские оберегати.

И мы послали в Перьм Война Оничкова, а велели

тех казаков, Ермака с товарищи, взяв, отвести в Пермь и в Усолы Камские, и тут им стоять велели, разделяясь, а из тех мест на Пельинского князя зимою на нартах ходить воевать велели есмь всем тем казакам, и пермичам и вяточанам с нашими посланниками с Войном с Оничковым да с Иваном с Глуховым, чтоб впредь воинские люди, Пельинцы, и Остяки, и Вогуличи с сибирскими людьми на наши земли войной не пришли и наши земли не извоевали, а велели есмь тем казаком быти в Перми до весны, и на Вотяки и на Вогуличи ходити с Войном воевать и их в нашу волю приводить по нашему указу.

А вы обсылаяся в Чердынь с Василием с Перепелицином и с Войном с Оничковым, послали бы от себя воевать Вогуличей и Вотяков.

А однолично бы есте, по сей нашей грамоте, казаков всех, только б к вам из войны пришли, послали бы их в Чердынь, тотчас, и у себя их не держали. А буде для приходу вам в остроге быти нельзя, и вы бы у себя оставили немногих людей, человек до ста, с которым атаманом, а достальных всех бы выслали в Чердынь, однолично, тотчас.

А не вышлите из острогов своих в Пермь волских казаков, атамана Ермака Тимофеева с товарищи, а учнете их держать у себя и пермских мест не учнете оберегати, и такою вашею изменою что на Пермские местами учинится от Вогуличей и от Пельинцев и от Сибирского салтана людей впред, и нам в том на вас опала положите большая, а атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешати.

И вы бы тех казаков однолично отпустили от себя в Пермь, и нашим делом над Пельинцы, и над Вогуличи и над Остяки промышляли, по нашему указу, ссылаяся о том с Василием с Пелепелициным и с Войном Оничковым, чтоб дал Бог их извоевать и в нашу волю привести, а Пермской земли и ваших острогов убереги.

Писан в Москве, лета 7091, ноября в 16 день.»

Народное представление о Ермаке и его походе, отразившееся в фольклоре, ближе к историческим фактам, чем писания тех историков, которые с усердием, достойным лучшей участи, пытаются превратить одного из самых замечательных исторических деятелей, совершившего подвиг, давший Ермаку бессмертие, в простого наемника.

Получив приглашение Строгановых, казаки на крутом берегу реки Самары, при впадении Самары в Волгу, собрали «круг думать думу важную с цела ума». Выступил атаман Ермак, «храбрый и просвещеннейший из казаков, говорил в кругу сильно». Сразу отозвались охотники... ¹

Об этом же круге, на котором решено было принять приглашение, сделанное «с толикой честью от мужей славных», принятие которого приближало Ермака к осуществлению важнейшей его цели — похода в Сибирь — говорит и старинная казачья песня: ²⁾

«Как на славных на степях то было,
На степях саратовских,
Собирались казаки-други, люди вольные.
Как Атаман у них-то был, братцы,
Ермак Тимофеевич...
Как возговорит Ермак,
Ермак Тимофеевич:
Завоюем-то мы, братцы,
Царство Сибирское.»

О круге же на тех же степях Саратовских говорит и другая старинная Донская песня: ³⁾

«Ай, да на славной было, братцы, речушке
На Камьшинке...

Ай, собирались там, братцы, люди вольные,
Ай, все Донские, Гребенские казаки, все Яицкие.
Ай, собирались они, братцы, во единый круг.
Ай, во кругу-то стоят, они думу думают:
Ай, ну, кому-то из нас, братцы,
Атаманом быть?
Ай, старику Ермаку, сыну Тимофеевичу?

1-2-3) А. М. Листопадов. «Песни Донских Казаков». Москва. Музгиз. 1950 г.

Ай, ну, старик-то, братцы, не глупой,
Не глупой казак..
Ай, ну, он речь говорит, ровно во трубу,
Во трубу трубят.
Ай, не золотенькая трубочка, ну, вострубила,
Ай, ну, Ермак-то казак, братцы, речь возговорил.
Ай, ну, пойдём-ка мы, братцы, на Каму,
На Каму реку.
Ай, на Каме-то реке там и земли вольные,
Ай, на Каме-то реке растут леса темные,
Ай, пороем там, братцы, себе ямушки,
Ай, мы поделаем там себе балаганушки,
Ай, ну, построим себе, братцы, мы землянушки,
Ай, вот и там-то, братцы, зиму
Зимовать будем.
Ай, ну, пойдём-ка мы, братцы, бить куниц лисиц,
Ай, мы куниц-то лисиц, еще черных соболей,
Ай, да, мы куничьи пошьём себе куньи шапочки,
Ай, ну, лисичьи, братцы, себе лисьи шубочки,
Ай, соболевинькие все себе всё сапожечки.»

В одной из песен, авторство которой принадлежит В. Гиляровскому — «дяде Гиляю», потомку запорожцев, фигуру которого можно видеть на известной картине И. Е. Репина «Запорожцы, сочиняющие ответ турецкому султану», — Ермак, задумав отправиться в Сибирский поход и неуверенный, пойдут ли за ним в далекую неведомую страну на край тогдашнего света казаки, задает на берегу Волги вопрос атаману Ивану Кольцо:

«Кольцо, ответь за всех!
Не трушу, Атаман, за всех ответить:
Коль взял ты наши души,
Так вместе ж головы возьми...»

Ответ, характеризующий безграничную веру в вожда, засвидетельствованную казаками в самые тяжкие моменты в Сибири.

Принимая приглашение и отправляясь на Каму, Ермак не собирался жить в Строгановских городках: до окончания сборов к Сибирскому походу можно было временно перебыть и в «ямушках и землянушках»,

что и было осуществлено им на притоке реки Камы-Сылве, где казаки провели первую зиму в своем собственном городке — «Ермаковом Городище», — а не в укрепленных городках Строгановых.

Охотиться на куниц-соболей и чернобурых лисиц Ермак мог звать казаков только в Сибирь, где только и водились тогда эти пушные звери.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ермак — покоритель Сибири. Характер последующего закрепления и расширения его завоеваний. Судьба его соратников.

Можно ли считать Ермака завоевателем - покорителем Сибири, действительно ли он присоединил к Российскому государству Сибирь?

Имел ли он основание и право с гордостью поднести Русскому царю драгоценный подарок — Сибирское царство, завоеванное для России трудами и кровью его и его дружины? Или правы те, которые и раньше и теперь, как, например, профессор-юрист барон Нольдэ в своей книге, вышедшей в 1952 году на французском языке, отрицает за Ермаком право именоваться Завоевателем Сибири. Барон Нольдэ заявляет, что ничего серьезного Ермак не сделал, что занятие им Искера было кратковременным и Русским царям пришлось начинать все сначала, причем для завоевания Сибирского царства понадобилось еще полвека. Утверждает он также, что после смерти Ермака все Ермаковцы были уничтожены. ¹⁾ Странно, что профессор-специалист по международному праву не оценил, что Ермак, открыв для России дорогу в богатейшую и обширнейшую страну с неисчерпаемыми ресурсами, предопределил на столетия иностранную политику России, избавив ее от необходимости кровью завоевывать для огромного — все возрастающего — своего на-

1. Boris Noldé. «La Formation de l'Empire Russe». Paris. 1952.

селения «жизненное пространство» и вести войны колониальные...

Из обзора военных действий Ермака мы уже видели, какие трудности пришлось преодолеть ему и его дружине, какие обширные пространства присоединил он к России, приведя к «шерти» и обложив данью в Российскую казну не только многочисленные племена, подвластные до Ермака Сибирскому хану Кучуму, но и население, жившее далеко за пределами Кучумовских владений. Конечно, завоеванное Ермаком Сибирское царство — ханство Кучума не было всей Сибирью, это была Сибирь западная, но нельзя упускать из виду, что никакого другого государственного образования в восточной Сибири не существовало. Дальше были улусы и юрты, возглавлявшиеся маленькими князьками, не помпшлявшими и не имевшими понятия о государственном устройстве, не имевшими не только армии, но и намека на нее, и Российская власть, заступившая Ермака, без особых усилий продвигалась по стопам Ермака дальше вглубь Сибири, причем и это продвижение совершалось при самом активном содействии остатков дружины того же Ермака, а затем и их потомства.

Покорителем - Завоевателем Сибири считают Ермака авторитетные Российские историки, начиная с Н. М. Карамзина, записавшего в своей многотомной Истории Государства Российского: «С сего времени (т. е. после Ермака. Н. М. М), уже не имея войны, но единственно усмиряя без важных усилий строптивых наших данников в Сибири, мы **СПОКОЙНО** (курсив мой. Н. М.) занимались там основанием новых городов». ¹⁾ «И бессильная злоба Кучума, добавляет Карамзин, не мешала укрепляться в Сибири». К этим словам Карамзина от себя добавим: главным образом трудами, боевыми и мирными, казаков — тех, которых барон Нольдэ считает совершенно исчезнувшими с исторической сцены.

В подтверждение того, что Ермак не завоевал Сибирского царства, бар. Нольдэ заявляет, что «для раз-

1. Н. М. Карамзин. «Ист. Гос. Росс.». т. XI, стр. 12 и 13 Москва. 1903 г.

Памятник Ермаку в Новочеркасске.

рушения Сибирского царства понадобилось еще полвека». Из приведенной выше выдержки из трудов Карамзина видно, что эти полвека прошли в работе «спокойной». Кроме того, эта полувековая спокойная работа прошла не в разрушении «Сибирского царства», т. е. царства — ханства Кучума, так как другого «царства» в Сибири не существовало, Кучумское же уже было по существу разрушено Ермаком, а в «освоении» более половины северной и восточной Сибири, которое было полностью — с выходом к берегам Тихого океана — закончено в том же семнадцатом веке.

Приходится отметить, что у недоброжелателей казаков, каким является, как это видно из многих других замечаний барона в его книге, Нольдэ, существует две мерки: одна для казаков и их подвигов, другая для неказаков. Тот же бар. Нольдэ, когда речь идет не о казаках, повествуя о завоевании царства Казанского, применяет к нему другую мерку, чем к царству Сибирскому, и не думает отрицать, что царство Казанское было покорено окончательно в 1552 году, хотя сам же подробно перечисляет восстания, происходившие там в 1567, 1570, 1571, 1574, 1584, 1608, 1609 годах. Список бар. Нольдэ дополняется Карамзиным, который, говоря о восстаниях черемисов, отмечает, что восстания эти «продолжались до конца Иоанновой жизни» и воеводе князю Туренину пришлось даже «для борьбы с мятежниками построить крепость Косьмодемьянск». ¹⁾

Совершенно не соответствует действительности утверждение бар. Нольдэ, что «после смерти Ермака Ермаковцы были уничтожены». И из Сибирских Летописей и из «Справочной книги» ²⁾ известно, что «остатки дружины Ермака... составили, под предводительством атамана Мещеряка, так называемую «старую сотню» и в 1588 году несли службу в Тобольске». Часть Ермаковцев расселилась по другим городкам, образовав ядро Томских, Березовских, Мангазейских, Тю-

1. Н. М. Карамзин. «Ист. Гос. Росс.», т. II-ый, стр. 199. Москва, 1903 г.

2. Справ. книга Императ. Главн. Квартиры: «Казацьи Войска», стр. 271. СПб. 1912 г.

менских и других казаков. Ядро это постепенно пополнялось подраставшими детьми Ермаковцев, а также, вероятно, и теми, которые были оставлены Ермаковцами в «Ермаковом городище» на реке Сылве, вливаясь в отряды воевод, проходивших в Сибирь по тому же пути, который был проторен дружиной Ермака. Увеличивались казачьи группы и «охочими вольными людьми», принимавшимися в казаки в качестве приписных со всеми казачьими правами и обязанностями служилых казаков.

Вопреки заявлению барона Нольдэ, казаки, оставшиеся после смерти Ермака в Искере, не были «уничтожены». Под предводительством последнего оставшегося в живых из Атаманов Ермаковской дружины Матвея Мещеряка они отступили к берегам реки Туры. Здесь Атаман Мещеряк получил подкрепление, под начальством Ивана Мансурова шедшее в Искер на помощь Ермаку из Москвы, где еще ничего не знали о гибели Атамана. После короткого отдыха отряда Мансурова Матвей Мещеряк выступил в поход на Искер, где за это время Кучум уже был свергнут князем Бухарской земли Сейдяком Бекбулатовым, племянником убитого Кучумом хана Едигера.

Перед этим, уже после смерти Ермака, М. Мещеряк построил при впадении Иртыша в Обь небольшую деревянную крепость — «острог», где выдержал и отразил натиск больших сил остяков, а также построил в 1586 году на берегу реки Туры городок Тюмень.

В бою под Искером, в котором был разбит и взят в плен хан Сейдяк, Ермаковцы понесли тяжелую потерю: в бою пал доблестный Атаман Матвей Мещеряк...

После низложения Кучума, а затем и Сейдяка, после покорения Ермаком вогульских и остяцких князей, во всей остальной Сибири не оставалось никакого организованного царства или ханства, никакой организованной военной силы, — и преемники Ермака могли беспрепятственно продолжать поступательное движение на восток, в направлении к Тихому океану, и на север — к океану Ледовитому. Продвижение это не требовало формирования больших отрядов — неболь-

шие группы, возглавляемые почти исключительно опять таки казаками, отважными, предприимчивыми и закаленными, в необычайно короткий срок закончили присоединение к Московскому государству всей остальной колоссальной территории Сибири.

Закрепляя каждый шаг постройкою опорных пунктов — небольших деревянных крепостей — островов, менее, чем в течение одного века казаки победоносно дошли до Тихого океана.

В 1608 году основан Туринск, в 1609 — Томск, 1616 — Кузнецк, 1618 — Енисейск, 1626 — Красноярск, 1627 — казаки Чулков и Сукин достигли Ангары, 1632 основан Якутск, в 1636 году казак Елисей Буза спустился по реке Лене к Ледовитому океану, в 1643 году казаки открыли озеро Байкал, в 1648 году основан Баргузинск, 1649 — Верхнеудинск и в том же 1649 Ерофей Хабаров присоединил огромную территорию Амура и построил крепость Албазин, в 1652 г. основан Иркутск, 1655 — Киренск, 1656 — Нерчинск, в 1666 — Селингинск, 1667 — Кутайск, а в 1699-ом году покорена и Камчатка.

То, что Ермаковцы не были уничтожены, подтверждает и грамота царя Михаила Федоровича Тюменским воеводам от 24 февраля 1623 года о назначении Тюменским атаманом Донского казака, сподвижника Ермака по Дону и Сибири, Гаврила Иванова. Г. Иванов, живший в 1623 году в Тюмени, просил царя о повышении, ссылаясь на то, что он 42 года служит в Сибири и вместе с Ермаком «взял Сибирь, изгнал Кучума из его столицы и присоединил Сибирское царство к Русской монархии». Кроме челобитной Г. Иванова сохранилась также челобитная другого сподвижника Ермака, писавшего тоже из Сибири тому же царю Михаилу Федоровичу.

Документально установлено присутствие Ермаковцев в 1621 году в городе Тобольске: к ним, казакам «старой сотни» из дружины Ермака, обратился в 1621 году, как уже было упомянуто раньше, архиепископ Киприан за сведениями о Ермаке и его дружине и Ермаковцы подали ему «написание».

И сам барон Нольдэ, противореча самому себе и не замечая этого, в той же самой книге сообщает, что посланный после смерти Ермака из Москвы воевода Мансуров встретился с казаками Ермаковцами, находившимися в местности около впадения Туры в Тобол и «советовался с ними», ¹⁾ говорит он и о присутствии казаков Ермаковцев и в отряде воеводы В. Б. Сукина. ¹⁾ И сам же Б. Нольдэ, на стр. 148 своей работы, отмечает: «по версии Погодина экспедицию воеводы В. Б. Сукина (в 1585 году. Н. М.) сопровождали Ермаковские казаки». А историк Карамзин уточняет, что казаками, с которыми встретился Мансуров, командовал Атаман Ермаковской дружины Матвей Мещеряк, ²⁾ который и руководил дальнейшими операциями. И в отряде воеводы Андрея Воейкова, имевшем 4 августа 1598 года — т. е. через 14 лет после смерти Ермака, — последнюю схватку с Кучумом, в которой Кучум был разбит и весь отряд его уничтожен, было 397 казаков.

Царь Иван Васильевич Грозный, не дожидаясь покорения других племен, живших на обширных пространствах Восточной Сибири, принял титул царя Сибирского, расценив подвиг Ермака, как завоевание Сибири. То же сделали и его преемники. Интересно в этом отношении отметить инструкции, дававшиеся Москвой своим дипломатическим представителям за границей. Интересно и то, что воспроизведение этих инструкций мы находим в той же книге того же Нольдэ. Барон Нольдэ к этим инструкциям относится отрицательно, но нас не интересует его личная оценка: важно то, что инструкции являются официальным правительственным документом и отражают мнение правительства. ³⁾

В инструкции, посланной в 1589 году, т. е. через пять лет после смерти Ермака, Московскому послу в

1. Boris Noldé. «La Formation de l'Empire Russe». Pages 150 et 162. Paris 1952.

2. Н. М. Карамзин. «История Госуд. Росс.», т. 10, стр. 11-12. Изд. 1903 г.

3. Boris Noldé. «La Formation de l'Empire Russe», page 162. Paris 1952.

Грузии князю Семену Звенигородскому и секретарю Антонову, сказано: «относительно Сибири вы должны говорить, что Сибирское царство является собственностью наших суверенов, которым Сибиряки платили дань, а когда последние изменили своему слову и перестали платить дань, то царь послал своих генералов и казаков, которые, разбив Сибирского царя Кучума, выбили его из Сибири и овладели столицей», послу же в Вене Новосильцеву Москва уже не пишет о генералах: заслуга завоевания Сибири приписывается исключительно казакам Волги, Казани и Астрахани, в инструкции же послам в Грузии Ивану Нащокину и Ивану Леонтьеву в 1601, а потом в 1607 году уже прямо говорится, что «Сибирское Царство завоевано Волжскими казаками».

Все русские энциклопедии, в том числе и «Военная», именуют Ермака Завоевателем Сибири. Покорителем Сибири признал его и народ, воздвигший Ермаку памятники в Новочеркасске и в Тобольске, фигура Ермака помещена и на памятнике «Тысячелетия России» в Новгородском Кремле. Признали заслуги Ермака и русские цари, жаловавшие шефством Ермака полки, покрывшие свои знамена славой. Признали и коммунисты: в Большой Советской Энциклопедии напечатано: «Ермак Тимофеевич — казачий атаман, сыгравший на ряду с другими русскими землепроходцами 16 века выдающуюся роль в освоении Сибири. Прославлен в русской исторической литературе и народном эпосе, как герой - покоритель Сибири». ¹⁾

1. В. С. ЭНЦИк., т. 15, стр. 529-530. Москва.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ермак — Донской казак, Атаман — князь.

Кто был Ермак? Какого он «роду-племени»? И что это за имя — Ермак? Некоторые думают, что ермаком назывался на языке Волжских татар артельный котел и что, «вероятно», Ермак Тимофеевич был когда-то артельным кашеваром... Любитель Донской старины Е. Савельев считает, что корень слова ермак — у турок ирмак — от древне-иранского ер-ир — означает «воин», а на монгольском языке — «холостяк». И то и другое — и воин и холостяк — вполне подходят к Ермаку, доблестному воину и холостяку, во всяком же случае не на посту артельного кашевара приобретаются те военные звания и опыт, которые проявил Ермак, занявший почетное место в рядах выдающихся русских полководцев. Многие, в частности, А. Г. Преображенский,¹⁾ предполагают, что Ермак уменьшительное имя Ермолая. Н. М. Карамзин, не вдаваясь в подробный разбор, считает имя Ермак однозначущим с именем Герман: говоря об Ермаке, он просто пишет Ермак — Герман, причем слово Герман берет в скобки. В те времена и в имени Гермоген буква «г» исчезала и в официальных актах патриарх Гермоген назывался Ермогеном. Нет ничего удивительного и в переделке последней буквы «н» в букву «к»: русский народ и По-

1. Е. П. Савельев. «Древняя история казачества». Новочеркасск, 1915 г.

2. А. Г. Преображенский. «Этимологический словарь Рус. яз.», т. 1, стр. 21. Москва, 1959 г.

бедоносца Георгия переделал в Егория, на Урале фамилия Сан-Донато переделана в Самдевятова, в песнях Александр Македонский именуется Александром Миркидонским, Илья Муромец — Илья Муровец жемчуг — земчук, карбас — баркас и т. д. А почему не быть и такому имени, как Ермак? Не всем в минувших веках давались только те имена, которые имеются в «Святцах». Почему богатырь Дюк Степанович назывался Дюком, а под Казанью Атаман, командовавший всеми казачьими отрядами, имел имя Сусар?

В Святцах имеются имена св. Ерма и Ермакрата, — если к имени «Ерм» прибавить две буквы — а и к — или имя «Ермакрат» сократить на три последние буквы, можно с наибольшей степенью вероятности предположить, что имя Ермак переделано именно из одного из этих имен.

Подавляющее большинство русских историков считают Ермака Донским казаком. Донским казаком считают его и казаки всех Казачьих Войск и у них не возникает даже и малейшего сомнения по этому вопросу. Ни на одну минуту не сомневаемся в этом и мы, Донцы, и в подтверждение нашего глубокого убеждения можем указать и на бесспорные доказательства.

1. Так, те Летописи, в которых говорится о Ермаке, все называют его вольским, т. е. волжским, атаманом, а на Волге хозяйничали в это время Донские казаки.

2. Архиепископ Тобольский Киприан в 1623 году составил синодик казаков, погибших в битвах с Кучумом, и озаглавил его: «Синодик для поминовения имя **ДОНСКОГО КАЗАЦКОГО АТАМАНА ЕРМАКА**». (Курсив мой. Н. М.)

3. 24 февраля 1623 года царь Михаил Федорович прислал Тюменским воеводам в Сибирь грамоту о том, что он назначил Тюменским атаманом сподвижника Ермака Гаврила Иванова, как служившего 42 года в Сибири, а «прежде того на Поле (т. е. на Дону. Н. М.) 20 лет в станице у Ермака и с другими атаманами».

4. В своей челобитной тому же царю Михаилу Федоровичу другой сподвижник Ермака пишет из Сиби-

ри, что до похода в Сибирь он «двадцать лет служил с Ермаком в Поле».

5. Донской историк А. Г. Попов ¹⁾ в своей работе, не сомневаясь в том, что Ермак был Донским казаком, указывает и дату его рождения — 1540 г. — и Донскую станицу, где Ермак родился: станицу Качалинскую.

6. Х. И. Попов, создавший Донской Музей в Новочеркасске и заведывавший им с самого начала до революции 1917 года, в своих «Записках» говорит, что в войне с Ливонским Орденом в составе Русской армии Ивана Грозного «было два Донских казачьих отряда — один под водительством Василия Янова, а другой — Атамана казацкого Ермака Тимофеевича».

7. Эти сведения подтверждаются и Польским королем Стефаном Баторием, который в своем «Дневнике», говоря о набеге за Днепр служилых Московских татар темниковских, касимовских и свияжских и Донских казаков, ураганом пронесшихся по польским тылам за Днепром, пишет: «начальствовали над этими людьми воеводы Катырев, Хворостин, Бутурлин, Василий Янов — воевода Донских казаков, Ермак Тимофеевич отоман козацкий». ³⁾

8. То, что Ермак был Донским казаком, подтверждается и Войсковой Отпиской в Москву 1632 года. В мае 1632 г. на Дон, проездом в Турцию, из Москвы прибыло посольство Бормасова. Вместе с ним приехал со специальным поручением привести Донских казаков к присяге Московскому царю князь Дашков, который привез и текст присяги, составленный самим патриархом Филаретом. Донское Войско отказалось присягнуть, мотивируя отказ тем, что Войско никогда Московским царям не присягало, хотя Донские отряды часто служили царям. «Войсковая Отписка», посланная по этому поводу в Москву, перечисляет эти «службы», указывая среди них и покорение Донским казаком Ермаком Тимофеевичем Сибири.

1. А. Г. Попов. «Ист. В. Донского». Новочеркасск, 1812.

2. Х. И. Попов. «Записки». и «Крат. Очерк Донс. Казачества». Новочеркасск, 1907.

3. «Дневник» Стефана Батория опубликован в России в 1867 году профессором Кояловичем.

«И крестнаго, Государь, целования (т. е. присяги. Н. М.) как зачался Дон казачьими головами, не повелось. При бывших государях, старые атаманы и казаки и им, государям, неизменно (т. е. без всякой измены, верно. Н. М.) служили не за крестным целованием. В которое время царь Иван стоял под Казанью и по его государеву указу атаманы и казаки выходили с Дона, и с Волги, и с Яика, и с Терека, и атаман Сусар Федоров, и многие атаманы и казаки, ему под Казанью служили — не за крестным целованием. После того при царе Иване Михайло Черкашенин и многие атаманы и казаки служили — не за крестным целованием. Ермак Тимофеевич Сибирь взял и прислал в Москву к Государю с языки, и царь Иван тех атаманов и казаков, которые в Москву присланы были, не велел к кресту приводить, а Ермаку впредь приказал быть на своей государевой службе, и атаманам и казакам — не за крестным целованием.»

Писалась «отписка» в 1632 году, всего лишь через 50 лет после покорения Ермаком Сибири, т. е. по свежей памяти. Донцы отлично знали, что Ермак был Донцом, иначе в официальном документе, адресованном притом самому царю и по такому важному делу, они не могли бы, не рискуя опровержением со стороны Московских властей, поставить подвиг Ермака в заслугу Донскому Войску.

9. В «Записке о Войске Донском», поданной 3 декабря 1861 г. военному министру начальником штаба Войска Донского ген.-лейт. кн. Дондуковым-Корсаковым, последний, указав, как Донские казаки дорожат особенностями своего быта, пишет, что имена «ЕРМАКА И ДРУГИХ ПОПУЛЯРНЫХ ДОНСКИХ АТАМАНОВ еще очень сильны в памяти народной». (Курсив мой. Н. М.)

10. В «Большой Энциклопедии» Товарищества «Просвещение», в которой исторический отдел был поручен ученым историкам, указывается, что Ермак был на ДОНУ атаманом Качалинской станицы и был

«поставлен для охраны границ от Астрахани до реки Дона».

11. Историк Броневский, ¹⁾ основываясь на трудах Сухорукова, как и Донской историк А. Леонов и другие, опираясь на проверенные ими данные, утверждают не только то, что Ермак был казак, но и казак именно Донской Качалинской станицы.

Не сомневается в этом и Н. М. Карамзин.

12. О том, что Ермак был избран атаманом Качалинской станицы Донского Войска, определенно говорится и в Справочной книге Императорской Главной Квартиры. ²⁾

13. Донской краевед Х. И. Попов ³⁾ в своем труде «Донской Атаман Ермак Тимофеевич», вышедшем в Новочеркасске в 1908 году, пишет: «Ермак, по позднейшим историческим данным, до похода в Сибирь более 20 лет служил царю на «Поле» между Волгой и Доном».

14. То, что Ермак был Донским казаком, подтверждается и богатым Донским фольклором, посвященном Донскому казаку Ермаку. Знатоки Донских казачьих песен А. М. Листопадов собрал и опубликовал, среди множества других Донских песен, чисто народных, исторического содержания, в большинстве старинных по своему складу и языку, и песни, посвященные Донскому герою Ермаку. Таких песен о Ермаке ни в каком другом месте России, кроме Дона, не существует. ⁴⁾ Не существует нигде и такого количества и такого давнего происхождения, как в Донских музеях и домах, и портретов Ермака.

15. Все порядки, заведенные Ермаком в его дружине, строгая дисциплина и абсолютное повиновение Атаману в походе, наказания за преступления — такие, как «в куль, да в воду» — решение главных вопросов в кругу «единомысленной» дружины — в частности,

1. В. Броневский. «Ист. Дон. Войска». С.П.Б. 1834.

2. Справ. кн. Импер. Глав. Кв. «Казачьи Войска», стр. 399. С.П.Б. 1912 г.

3. Х. И. Попов. «Дон. Ат. Ермак Тимофеевич». Новочеркасс, 1908.

4. А. М. Листопадов. «Песни Дон. казаков». Москва. Мур-гиз. 1950.

решение отправить в Москву посольство «бить челом Сибирским царством» было принято Ермаком на казачьем круге «по совету с дружиною единомысленною», ¹⁾ правило «лежачего не бить», внезапные ночные нападения на врага — все это и многое другое говорит за то, что вождем дружины был Донской казак, у которого практиковался, как говорит Летопись, «по Донски указ». ²⁾

Донские «обыкновения» и традиции неуклонно проводились в жизнь и после смерти Ермака: когда воевода вздумал возглавить одну из «сотен» Ермаковцев неказакон Аршинским, Ермаковцы настолько решительно этому воспротивились, что воеводе пришлось уступить.

16. «Военная Энциклопедия», определенно именуя Ермака Тимофеевича «Завоевателем Сибири», не уточняет своего мнения по вопросу о происхождении нашего героя, говоря, что «по одному преданию он был родом с берегов Камы, по другому — уроженцем Качалинской станицы на Дону». ³⁾

**

Приведенными выше данными категорически устанавливается, что Ермак был Донским казаком, «предания» же об его происхождении с берегов Камы с ее притоками можно объяснить тем, что на эти именно реки прибыл с Дона и Волги Ермак и прожил тут более двух лет, что на этих берегах жили близкие родственники Ермаковцев — в том числе, возможно, и родственники и самого Ермака, — ушедшие с ним с Дона на Каму и ее притоки Чусовую и Сылву, когда на Волге свирепствовал присланный Иваном Грозным карательный отряд Ивана Мурашкина, имевший указ: «где тех воров не застанет, тут пытать, казнить и вешать». Как повествует Ремезовская Летопись ⁴⁾ и

1. В. И. Сергеев. «Вопросы Истории». т. I. Москва 1959 г.

2. «Сибирские Летописи», стр. 315, 316.

3. «Воен. Энциклопедия», т. 10, стр. 340. Изд. Сытина, С.П.Б. 1912 г.

4. «Сибирские Летописи», стр. 313.

франц. историк Лезюр, ¹⁾ у Ермака было около 5.000 человек и когда он «поплыл по Волге и по Каме вверх», то вместе с его боевыми соратниками отправились в дальний путь и их родственники с женами и детьми. В пути повернувши из Камы на восток, казаки «обмишенились» (т. е. не попали в «мишень», промахнулись. Н. М.) — и вместо Чусовой «погребли по Сылве вверх и в замороз дошли до урочища — Ермакова городища ныне слывет — и тут зимовали». В это время готовились «на подъем в Сибирь и к тому приправиша вдоволь легких стругов с припасы». ²⁾ Когда дружина Ермака, пробывши у Строгановых на защите их владений — как говорит Строгановская Летопись — «два лета и месяца два», двинулась в поход на Сибирь, часть казаков осталась на Сылвенском стане в урочище «Ермакова городища»: «овии же поплыша с Ермаком вниз по Сылве до усть Чусовой, овии же ошашася на городище том с женами и з детьми, вечно оселишася». Очевидно, в связи с этим Ермаковцы, успокаивая Максима Строганова, беспокоившегося, заплатят ли ему впоследствии казаки за забранное ими снабжение, дали такое обещание: «аще Бог управит путь нам в добыче и здравы имамы быти, заплатим и вознаградим по возвращении нашем. Аще же избиени будем, да помянет нас любовь твоя в вечном успении, а чаем возвращения КО ОТЦАМ СВОИМ И МАТЕРЯМ» ³⁾ (Курсив мой. Н. М.). Ермак и Ермаковцы оставили след своего краткого пребывания и на Волге: в Жигулях находятся два села — Ермаковка и Кольцовка, названные так потому, что там некоторое время был стан Ермака и его первого атамана Ивана Кольцо. ⁴⁾

Когда, уже по истечении нескольких десятилетий, если не одного - двух столетий, после смерти Ермака и после начала изучения поздно появившихся Сибирских Летописей начали интересоваться личностью Ер-

1. Лезюр (на франц. яз.). «История казаков». Париж. 1814 г., т. I, стр. 224.

2. «Сибирские Летописи», стр. 8 и 9.

3. Там же, стр. 314, 315, 316.

4. Энциклопедический Словарь Брокгауза и Эфрона т. 7, стр. 34.

мака и наводить справки, кто он был и откуда, вполне естественно было адресоваться в те места, откуда Ермак двинулся в поход, т. е. на Каму, Чусовую и Сылву, в Ермаково городище, где остались казаки, «вечно оселишася».

Не углубляясь в детали, могли из этого вывести заключение, что, значит, Ермак был родом с берегов Камы.

В связи со всем выше изложенным, возникает вопрос: не отсюда ли, с берегов Сылвы и из Ермакова городища, где жили казаки, «вечно оселишася» с женами и детьми, постепенно подраставшими, поступали потом в Сибирь, за дальностью Дона, пополнения, вливавшиеся в отряды воевод, посылавшиеся из Москвы и проходившие в Сибирь по дороге, проторенной дружиной Ермака — следовательно и мимо «Ермакова городища». Ряды Ермаковцев сильно поредели в непрерывных боях, продвижение же вглубь Сибири, в Сибирь восточную и на Дальний Восток, совершавшееся непрерывно в течение 17-го века, осуществлялось главным образом, как свидетельствуют источники, казачьими группами?

Пополнения могли поступать и с другой ближайшей базы — с Яика — Урала, куда под давлением Мурашкина ушло много Донских и Яицких казаков с атаманом Барбошей, разгромившим вместе с атаманом И. Кольцо ногайскую столицу и вместе с Кольцо приговоренным Грозным к смертной казни. ¹⁾ С Яика в Сибирь пришел, в частности, Уральский казак Челюскин, заслуживший бессмертие открытием мыса, носящего его имя.

**

Вообще говоря, вопрос о том, где — на Дону или за его пределами — родился Донской казак, особого значения и не имеет: где бы он ни родился, казак остается казаком. Многие казачьи дети и в наше время рождались за пределами Дона в Петербурге, Москве и других местах, где стояли казачьи полки или где вообще по тем или иным причинам жили родители, как

1. Посольский Приказ. «Дела Ногайские», №10, стр. 258.

рождаются казачата и теперь заграницей, в изгнании — от этого они не переставали и не перестают быть казаками.

Для Ермака придумали глубокомысленно и неказачью фамилию «Повольский», упустив из виду, что в Сибирских Летописях Строгановской, Есиповской, Ремезовской и Кунгурской и в грамотах Ивана Грозного — например, в грамоте Строгановым от 16 ноября 1582 года — Повольскими, вольскими, т. е. Волжскими, называли и всех соратников Ермака — его атаманов, есаулов и казаков — потому, что они пришли с Волги.

Версию же, имеющуюся в Бузуновском списке Есиповской Летописи, рисующую Ермака неказаком и наследственным вором и грабителем, историограф Н. М. Карамзин не считает заслуживающей даже подробного разбора — он ее категорически отбрасывает двумя словами: «это сказка». ¹⁾

Приведенные в этом списке Летописи — их, списков, ведь несколько — сведения стоят совершенно особняком и не подтверждаются другими списками той же самой Есиповской Летописи и ни одной другой Сибирской Летописью или какими-либо другими документами, почему сведения эти и не приняты корифеями исторической науки. Ученые историки, соблюдая требования научно-исторической школы, тщательно проверяют весь имеющийся в их распоряжении материал, устанавливают, подтверждаются ли те или иные сведения другими, заслуживающими полного доверия, источниками, и только на основании данных, проверенных методом исторического исследования, беспристрастно делают свои выводы. Ученые историки продельывают ту же работу, которую, в другой сфере, выполнили Вселенские Соборы: на Первом Вселен. Соборе в Никее в 325 г. из большого числа Евангелий оставились только на «Святых Благовествованиях» Марка, Матвея, Луки и Иоанна, признав другие апокрифическими. Разница тут лишь в том, что историки не объявляют ту или иную Летопись, или тот или иной

1. Н. М. Карамзин. «История Госуд. Росс.», Москва. Изд. 1812 г. Примеч. 664, т 9.

ее список, ложными, а просто не считаются в своих выводах с теми или иными сомнительными местами.

Помимо отсутствия подтверждений в других источниках, признаваемых учеными за достоверные, самое содержание сведений, сообщаемых Бузуновским списком, не могло внушить ни малейшего доверия не только искушенному историку, но и рядовому читателю.

«О себе же Ермак известие написал, откуда рождение его.»

Где же оно, это НАПИСАННОЕ (Курсив мой. Н. М.) известие, неизвестное ни одному из многочисленных историков, НИ ОДНОЙ из многих других Летописей? Кому он написан? Когда? Стоит вдуматься в содержание этого «известия», написанного якобы самим Ермаком, — причем неизвестно даже, был ли Ермак грамотным, — чтобы отнестись с недоверием. В те времена не было ни ЧеКа, ни ГПУ, ни НКВД, а между тем прославленный герой, покоритель Сибирского царства, обласканный за свои заслуги перед государством царем Иваном Грозным, вдруг, ни с того, ни с сего, без всякого физического или нравственного принуждения, начинает каяться, что разбой — семейное занятие, что разбойником был его дед, который был пойман и посажен в тюрьму, из которой бежал «с женой и детьми»... И они, значит, сидели в тюрьме, из которой бежали? «С детьми» — значит и отец Ермака сидел в тюрьме? Дальше даются такие подробности о семье Ермака, каких нельзя найти и в Родословных книгах столбовых дворян позднейших веков: кроме деда Афанасия, узнаем и имя его прадеда, которого, оказывается, звали Григорием, нам сообщают и об имени его дяди Родиона и его двоюродных братьев Дмитрия и Луки, не говоря уже о родных братьях Гавриле да Фроле... Указаны не только занятия, но и все перемены адресов...

Действительно, «сказка», как коротко и ясно сказал Карамзин.

**

Наружность Ермака.

Н. М. Карамзин в таком виде представляет нам Ермака:

«Он был видом благороден, сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами. Лицо имел плоское, но приятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза светлые и быстрые — зеркало души пылкой, сильной, ума пронизательного.» ¹⁾

Ремезовская Летопись так рисует Атамана-князя:

«Плосколиц, черн брадою и власы прикудрев, возраст средний и плоск и плечист.» ²⁾

А. Г. Попов отмечает: ³⁾ «Ермак был среднего роста, пригожего лица, с черными кудрявыми бородою и волосами, глазами весьма быстрыми, широк в плечах, крепкого сложения и имел здоровое и твердое тело, так что удобно мог переносить стужу и жар, голод и жажду, долговременное бдение и тяжелые труды». Судя по старинным портретам, Ермак имел плотное сложение, смуглое лицо, черные волосы и черные «быстрые» глаза. Это традиционное лицо Ермака очень близко передал в своем портрете С. Г. Корольков.

Донской поэт и книголюб Н. Н. Туруверов сообщил следующие сведения о портретах Ермака: «Почти сто лет тому назад, в 1870 г., в С. Петербурге, была устроена большая выставка «Портретов известных лиц». А. М. Луцев сделал фотографии почти всех портретов и наклеил их в два объемистых альбома. Фотографии, по тем временам, были удачны, число альбомов было, конечно, крайне ограничено. Едва ли они теперь находимы. Счастливо располагая ими, я позволю себе смелость уйти «во тьму веков».

Среди портретов «известных лиц» находился портрет Ермака. Подумать только: какой портрет Ермака из той эпохи, когда мы не знаем под черка Иван Грозного, а из его портретов почти ничего достоверного? К сожалению, Лушев, пересняв портреты, не дал указания ни их происхождения, ни места нахождения, ни мастеров или школы, их создавших. У Ивана Грозного в Москве и у Строгановых на границе Сибири было не

1. Н. М. Карамзин. «Ист. Гос. Росс.», т. 9, стр. 195. Изд. 1903. Москва.

2. «Сибирские Летописи», стр. 344.

3. А. Г. Попов. «Ист. Войска Донского», стр. 143. Изд. 1812 г. Новочеркасск.

Ермак Тимофеевич. — гравюра Бекетова.

одно и то же: у Строгановых было больше полезных «немцев» (т. е. иностранцев), чем у царя в столице. Один Брюннель чего стоит. В Сольвычегодске было легче написать портрет «известного лица», чем в Москве. Но это только предположение, нужно перейти к подтверждениям.

В своем классическом труде «Подробный словарь русских гравированных портретов» Д. А. Ровинский (СПб. 1880) описывает девять гравированных (т. е. воспроизведенных с оригинала или повторных) портретов Ермака. Среди них: гравюра Н. Розанова, с подписью: ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ, ДОНСКОЙ КАЗАК, ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ. Гравюра эта была издана П. П. Бекетовым сто пятьдесят лет тому назад. Бекетов, составив план «Портретов знаменитых россиян», будучи очень культурным и богатым, создал на свои средства школу граверов; его школа награвировала около 300 досок, сам Бекетов выбирал оригиналы для воспроизведения вполне оригинальные; к своей гравюре Ермака он добавил, что сделал ее с портрета, привезенного из Сибири.

Выше приводится описание внешности Ермака Н. М. Карамзиным. Оно вполне совпадает с портретом Ермака. Дальнейшие заочные изображения это подтвердили: начиная с памятника ему в Новочеркасске и кончая народными картинками (лубками).»

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ КНЯЗЬ СИБИРСКИЙ.

По вопросу о том, пожаловал ли Иван Грозный Ермаку княжеский титул, мнения расходились, но я полагаю, что такое пожалование нужно считать состоявшимся, документально доказанным. Когда, в ответ на «отписку» Ермака царю, привезенную посольством, возглавлявшимся Иваном Кольцо, царь, отпуская посольство обратно в Сибирь, приказал дьякам составить грамоту, которую летописец называет «жалованной» и «похвальной» ¹⁾, Иван Грозный распорядился адресовать грамоту Ермаку, величая его князем Сибирским: «а к Ермаку повелел государь написать не атама-

1. «Сибирские Летописи», стр. 337.

ном, **НО КНЯЗЕМ СИБИРСКИМ**». Об этом свидетельствует и историограф Н. М. Карамзин, руководствуясь записями в «Новом Летописце» ¹⁾ и в рукописи «Степенной книги» ²⁾ и на этом серьезном основании называя Ермака в своей книге «атаманом-князем». О пожаловании говорит и самое наименование царской грамоты «жалованной».

**

В грамоте царя Ивана Грозного к Ногаям, ³⁾ в которой сообщается хану, в ответ на его просьбу, о присуждении к смертной казни атамана Кольцо и Барбоша за разгром на Яике ногайской столицы Сарайчика, а также ногайского посольства на Волге, имени Ермака совершенно не упоминается. И вообще ни из какого другого источника не видно, чтобы Ермак когда-либо за что нибудь был осужден, как не были осуждены и те атаманы, кроме Ивана Кольцо, которые были с Ермаком в Сибирском походе. И как оскорбительно для памяти Ермака, когда такого исполина, как Ермак, осмеливаются иногда называть вором, грабителем, гулебщиком в современном смысле этих слов!

Между разбоем, воровством и гульбой древней Руси и уголовными преступлениями нашего времени нельзя ставить знака равенства. Различие это известно, конечно, серьезным историкам — историкам без кавычек — подтверждается оно и русскими сказами, общерусскими и донскими песнями и народной памятью.

Тогда это было явлением сложной социальной природы — общественным протестом. «Ворами» назывались и политические противники центральной власти, «вором» именовался Лжедмитрий — «Тушинский вор», «вором» называли князя Андрея Курбского, который «от царского гнева бежал», «ворами» называет царь Иван Грозный Строгановых в своей грамоте к ним от 16 ноября 1582 г., «ворами» были и все те, которые от жестокостей крепостного права, от притесне-

1. «Новый Летописец» в полном Собрании Русс. Летописей. С.П.Б. 1846, т. 14.

2. Карамзин. «Ист. Гос. Росс.». Изд. 1821 г. Москва. Примечание №709, т. 9.

3. Посольский Приказ. «Дела Ногайские». №10, стр. 258.

ний воевод и опричников бежали по «сиротской дороге» на Дон, зная, что с «Дона выдачи нет». В частности, «гулебщиками» назывались на Дону охотники, «гулявшие» по Дону — в одиночку или группами — для охоты на птиц и зверей. Когда казаки не были в походах, они часть лета и почти всю зиму проводили в такой «гульбе». Землепашеством Донцы в те времена не занимались.

То, что Ермак был казаком Донским, оспаривается иногда — правда, без особой настойчивости — казаками Уральскими - Яицкими. В Уральских «сказах» — например, в «сказе» «Ермаковы лебеди» — Ермак прославляется, как Уральский казак. В отрядах Ермака на Волге были не одни Донцы. Донцы были в подавляющем большинстве, но были казаки и с других рек. Об их присутствии говорит и старинная Донская песня «Ай, да на славной было, братцы, на речушке на Камышинке»:

«Ай, собирались там, братцы, люди вольные,
Ай, все Донские, Гребенские казаки, все Яицкие...
Ай, ну, кому-то из нас, братцы,
Атаманом быть?
Ай, старику Ермаку, сыну Тимофеевичу?»

После разгрома атаманами И. Кольцо и Барбошем ногайской столицы Сарайчика на Урале, часть казаков, опасаясь репрессий со стороны воеводы Мурашкина, не вернулась на Волгу, а поднялась вверх по течению Яика - Урала. Присутствие Ермаковцев и их потомков на Урале подтверждается и Уральским фольклором — былинами и песнями. Об одном «Сказе», «Ермаковы лебеди», мы уже упоминали.

Историк Небольсин, как и советский историк А. Воронихин, считают Ермака жителем Приуралья. Не уроженцем — потому что неоспоримо доказано, что Ермак был Донским казаком — а «жителем» Приуралья Ермака можно считать потому, что после ухода с Волги Ермак прожил более двух лет на реке Сылве, где после ухода Ермака в Сибирь на Сылве, в Ермаковом городище, остались семьи Ермаковцев, «веч-

но оселишся». Советский писатель В. Сафонов, написавший исторический роман «Дорога на простор», посвященный Ермаку, пишет, что прежде, чем приступить к своей работе, он побывал в тех местах, где жил или проходил Ермак, и посетил Уральские городки. Увидав в одном доме «древний» портрет, Сафонов спросил: кто это? и получил такой ответ: «Ермак Тимофеевич, предок наш». «Мы тут казацкого рода, от ермаковских казаков»... «И на этой земле — пишет Сафонов — от Мугоджар до северных тундр, не угасла память о казацком атамане Ермаке. Коренные Уральцы горды не только родством по духу с ним и удальцами его, но и родством по плоти.» «Во многих местах укажут Ермакову гору, скажут, что сокровища Ермака сокрыты по всему Уралу: они закопаны, положены в пещеры»...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Характеристика Ермака, как вождя, администратора и дипломата. Значение Ермака для России.

Достоинства Ермака Тимофеевича, как военачальника и администратора, признаны и оценены прежде всего царем Иваном Грозным, пожаловавшим Ермака титулом князя Сибирского и в ответной грамоте — «жалованной» и «похвальной» — назначившим Ермака как бы царским наместником в Сибири: «распоряжаться и начальствовать попрежнему, чтобы утвердить порядок в земле и верховную государеву власть над нею». ¹⁾ Воевода Болховский, прибывший в Сибирь вместе с Иваном Кольцо и небольшим отрядом стрельцов, был подчинен Ермаку, судя по объему его полномочий, указанных в царской грамоте, и по тем отношениям, которые фактически создались между ними в Искере.

«Ермак, показав себя героем неустрашимым, вождем искусным, оказал — пишет историограф Карамзин — необыкновенный разум и в земских учреждениях и в соблюдении воинской подчиненности, строгостью умирняя своих буйных соратников, которые, преодолев столько опасностей в земле, завоеванной ими, на краю света, не смели тронуть ни волоса у мирных жителей».

Вслед за Карамзиным, другой историк, Н. И. Костомаров, отдает должное Ермаку: «татары, остяки и вогуличи со своими князьками приходили бить челом победителю, приносили дары и привозили запасы.

1. Карамзин. «Ист. Гос. Росс.», т. 9, стр. 192. Изд. 1903 г.

2. А. Г. Попов. «Ист. В. Донск.». Новочеркасск 1912, стр. 159.

Ермак приводил к шерти на имя государя, обращался с ними ласково, отпуская их в юрты, и строго запретил своим казакам делать малейшее насилие туземцам». «За четыре года Ермак успел покорить всех татар, остяков и вогуличей, живших у рек Туры, Тобола, Иртыша и Тавды. Мудрый правитель, Ермак всегда и везде старался ко славе христианской религии своей благосклонностью, ласковостью и снисхождением склонить грубый, дикий и жестокий народ к мирной и спокойной жизни». ¹⁾

Об этом же стремлении установить мирные отношения говорит известный литератор, бывший сотрудник «Русского Богатства», изучавший Сибирский фольклор, касающийся Ермака, А. Петрищев: «Исключительно интересны собранные на Оби и на Енисее фольклорные материалы об Ермаке и казаках. Для «Кучумовичей» — династия Сибирских ханов — Ермак был завоевателем, а для вогулов, урянхайцев и разных других туранских племен он явился, как спаситель — освободитель от монголо-татарских опустошений. И при этом Ермаковы казаки не только освобождали, но и устанавливали мир: запрещали местным народам драться между собой. Беспремерный поход казаков через всю Сибирь, до Тихого океана, получает, благодаря новым материалам, неожиданное освещение: вводимый казаками «государев ясак» — «дань белому царю» — означал прекращение войны между племенами. Резня, вызванная великим Сибирским переселением, стихала, и «ясак» был как бы платой за охрану мирной жизни».

Н. М. Карамзин писал: «население Сибири нашло в Ермаке правителя мудрого, кроткого, справедливого».

Соратники Ермака, когда пришла к ним в Искер ужасная весть о гибели вождя, горько оплакивали Ермака: «егда же приемше прочия казаки во граде весть, горко плакашася об нем, бе бо велми мужествен и разумен и человеки (т. е. человеческий — гуманный, отно-

1) Н. И. Костомаров. «Истор. монографии и исследования». «Собр. сочинений», С. П. Б. 1903 г.

сящийся с жалостью к человеку? Н. М.) и зрачен и всякой мудрости доволен». ¹⁾

Строгановская Летопись говорит о Ермаке: «велеумный воин Ермак», «родом неизвестный (очевидно, в смысле незнатного простого происхождения. Н. М.) душой знаменитый».

Как военачальник, Ермак был прежде всего прекрасным организатором. Дружина его не была бандой грабителей, как желают ее изобразить некоторые недоброжелатели казачества, — это был прекрасно организованный отряд, с безукоризненной дисциплиной, «дружина единомысленная и предобрая», «храбрые предобрые воины», как характеризует летописец. ²⁾ Отряд отлично по тем временам вооруженный: «на всякого человека по три фунта пороху и свинцу и ружья и три полковые пушки... и знамена полковые с иконами всякому сту (т. е. каждой сотне. Н. М.) по знамени». ³⁾

Мы уже говорили, что, возвращаясь в Искер после покорения улусов по берегам Оби, дружина во время остановок выходила на берег в праздничных чекменях и с музыкой, производя на туземцев большое впечатление.

Что касается стороны внутренней в смысле порядка и дисциплины, мы также приводили выше свидетельство летописца ⁴⁾ ⁵⁾. Строгое наказание за блуд ограждало и женщин туземок от насилий. И сам верховный вождь подавал пример. Выступив в поход «с сбетом доблести и целомудрия», Ермак выполнил этот обет свято.

«Пишут, — отмечает Н. М. Карамзин — что грозный неумолимый Ермак, жалея воинов христианских в битвах, не жалел их в случае преступления и казнил за всякое ослушание, за всякое дело студное, ибо требовал от дружины не только повиновения, но и чистоты душевной, чтобы угодить вместе и царю земному и

1. «Сибирские Летописи», стр. 344.

2. Там же, стр. 8, 9, 10.

3. «Сибирские Летописи», стр. 314, 315, 316.

4. Старинное Донское: «в куль да в воду». Н. М.

5. «Сиб. Лет.», стр. 315, 316.

Царю Небесному. Он думал, что Бог даст ему победу скорее с малым числом добродетельных воинов, чем с большим закоснелых грешников, и казаки его, по сказанию Тобольского летописца, и в пути и в столице Сибирской вели жизнь целомудренную, ибо опасности еще не миновали».

Сколько дипломатической мудрости было у этого — со всех точек зрения исключительного — человека! Туземцы, привыкшие к тому, что победитель требует, как они и сами это практиковали, выкупа за пленных или продает их в рабство, а женщин обращает в наложниц или насилует, на собственном опыте убеждались, что этот необыкновенный для той эпохи витязь обращается с ними ласково и без всяких условий отпускает домой, облагая данью в государеву казну самой умеренной, «божеской»...

Несмотря на то, что взятый им в плен царевич Маметкул был обильно обагрён казачьей кровью, Ермак далек от торжества над побежденным врагом и от мести: учитывая значение этого выдающегося вождя в глазах населения, Ермак обращается с ним, скажем по современному, по джентельменски и с почетом — но под надежной стражей — отправляет царевича в Москву.

Мы выше уже отмечали, что после ласкового приема, с каким был встречен Ермаком в Искере князь Бояр, в столицу доверчиво вернулось множество татар с женами и детьми.

И как администратор, в течении всего лишь двух лет правления Ермак сумел не только создать нормальную жизнь в завоеванной столице, но и наладить торговые отношения с богатой Бухарой, караваны которой шли в Искер-Сибирь мимо Аральского озера — моря на границе с Туркестаном через степи Киргиз-Кайсацкой, называвшейся также Казачьей, Орды.

Спровоцированный поспешить на выручку Бухарского каравана, Ермак и погиб.

В конечном результате завоевания Ермаком Тимофеевичем Сибирского царства Кучума и обезпеченного этим завоеванием продвижения на север и восток

Ермак. — Скульптура С. Г. Королькова.

его соратников и продолжателей, Россия приобрела обширную Сибирь — «золотое дно» — с ее необозримым пространством и неисчерпаемыми богатствами. Сибирь, граничащая с Европейской Россией, со среднеазиатскими владениями, с Китаем и Кореей, занимает площадь в 12.518.489 квадратных километров. Ее колоссальные богатства — золото, серебро, медь, железо, свинец, олово, каменный уголь, графит, нефть, сера, торф, леса, драгоценные камни, в числе которых недавно найдены и алмазы, меха, рыба и т. д. — на многие века обеспечили Россию.

Завоевание Сибири на долгие столетия определило иностранную политику России, так как ей не нужны стали колонии, не было надобности вести колониальные войны в поисках «жизненного пространства».

Не говоря уже о том, как теперь во всех отношениях используют Сибирь коммунисты, уже в 1586 году, менее, чем через два года после смерти Ермака на поле брани за Россию и за честь казачью, Сибирь дала казне 200.000 соболей, 10.000 чернобурых лисиц и 500.000 белок, кроме бобров, горностаев и пр. — драгоценную валюту того времени в международном обмене.

Ермак открыл казакам землепроходцам и русским воеводам широкую дорогу, ведущую к берегам Тихого и Ледовитого океанов.

Он же положил начало Сибирскому Казачьему Войску Всеначальному, за которым официально признано «старшинство» с 1582 года.

Трудно найти другого человека — кто бы он ни был и на каком бы то ни было поприще — за все время существования Российского государства, который сделал бы для России столько, сколько сделал Донской казак Ермак — Покоритель Сибири... И притом почти без пролития русской крови, даже без ведома властей, без издержек для государственной казны, не будучи к этому обязанным ни службой, ни положением...

Бессребренник, ничего для себя не искавший и ничего не приобретший.

Представьте себе отчетливо эту образцовую воинскую часть, строго дисциплинированную, «единомысленную», трезвую, не только не грабящую и не насилу-

ющую, но и бережно относящуюся к побежденному врагу... И это «на краю света» тогдашнего, после перенесенных всех трудностей похода, ни перед кем, кроме Бога, своей совести и вождя, не отвечающей, не имеющей над собой никакого другого контроля и ничем не перед кем не обязанной...

Представьте себе и этого вождя, давшего «обет доблести и целомудрия», «велеумного», «душой знаменитого», требующего от дружины не только повиновения, но и чистоты душевной и сумевшего твердо провести свои принципы в жизнь. Представьте себе все это и не забудьте, что «все это» было в 16-ом веке, почти четырехста лет тому назад...

Вспомните, что это было время, когда только что закончились жестокие «Средние Века», вспомните и сопоставьте, что делалось в это время в других странах «цивилизованного» мира, какие царили тогда повсюду нравы и обычаи. Вспомните, что делали в те давние ермаковские времена Кортес, завоевавший Мексику, Пизарро, покоривший государство Инков, оба проявившие крайнюю жестокость — первый в отношении покоренных ацтеков, второй — инков... Вспомните Тридцатилетнюю войну между христианскими государствами в Европе, в результате которой население Германии уменьшилось на две трети! А что делали в те же времена испанцы при завоевании Америки, феодалы на Западе, как вели себя тогда цари Московские... Какое колоссальное количество добра — золота, серебра, драгоценных камней, мехов и пр. — вывез из Великого Новгорода современник Ермака Иван Грозный.

А сколько добра пытались вывезти — на два века позже Ермака — в 1812 году Наполеон и его маршалы, как вели себя воины многих других Европейских армий во время и совсем недавних войн и оккупаций, что делали неказачьи части Красной армии при занятии Восточной Германии, насилующие женщин всякого возраста. ¹⁾... И «согрешивших» не держали «по три дни на чепи», как держали их у Ермака. Прочитайте

1. Сабик Вогулов. «В побежденной Германии». Борис Ольшанский. «Мы приходили с Востока». Колосов. «Прыжок из ада».

в «Записках» ген. бар. П. Н. Врангеля ¹⁾, как во время гражданской войны в 1919 г. подвизались по части «военной добычи» некоторые из прославленных военной доблестью полков Добровольческой армии, которые должны были выполнять «Московскую директиву» ген. А. И. Деникина. Ни тогда, на Украине, ни потом, в Крыму, начальники этих частей наказаны Врангелем не были. Показателен и красноречив приказ ²⁾ ген. Врангеля за № первым от 8 мая 1919 г. Кавказской армии: «Орлиным полетом перенесетесь вы и через пустынные степи калмыков к самому гнезду подлого врага, где хранит он награбленные им несметные богатства, к Царицыну». Указанием на эту приманку повторялось, в сущности, Ленинское «грабь награбленное»... К чести Кавказской армии надо сказать, что она эту индульгенцию не использовала.

Какая глубокая пропасть лежит между прославленными вождями армий цивилизованных наций 18-го, 19 и 20 веков и вождем казачьей дружины 16-го века Ермаком, думавшим и действовавшим так, как мы писали выше, четыре столетия назад... Те — герои, а к нему бесстыдно стараются иногда приклеить этикетку грабителя. И в отношении к побежденным разница не меньшая. Приведем пример из того же 16-го ермаковского века: погром в декабре 1569 года Иваном Грозным и его воеводами Тверской области. Без всякой вины со стороны жителей области, «дома, улицы наполнились трупами. Не щадили ни женщин, ни младенцев. От Клина до Городни непрерывно лилась кровь всех жителей. В Твери не оставили ни одного дома целым. Что не могли взять, все жгли. Мучили, вешали в забаву, убивали. Превзошли ужасы 1327 года — ужас мести хана Узбека. Иоанн смотрел на душегубство в Медном, Торжке. Сидевшие в башнях крымские и ливонские пленники, все были истреблены. Вышний Волочек и все места до Ильменя были опустошены огнем и мечем. Убивали всякого, кто встречался на дороге. 2-го января 1570 года вошли в Новгород. Ограби-

1. Ген. Врангель. «Белое Дело», т. 5, стр. 248. Изд. «Медный Всадник». Берлин. 1923.

2. Ген. А. И. Деникин. «Очерки Русс. Смуты». Берлин, 1926.

ли все храмы, монастыри, перебили духовенство, архиепископа увезли в Москву.

Судили царь и его сын: ежедневно представляли им до тысячи и более Новгородцев. Били, мучили, жгли каким-то составом огненным, привязывали головой или ногами к саням, влекли на берег Волхова, где сия река не мерзнет зимой, и бросали с моста в воду целыми семействами, жен с мужьями, матерей с грудными младенцами... «Ратники московские ездили на лодках по Волхову с кольями, баграми и секирами. Кто из вверженных в реку всплывал, того кололи, рассекали на части. Сии убийства продолжались пять недель и заключились грабежом общим: Иоанн с дружиной объехал все обители вокруг города, взял казны церковныя и монастырския, велел опустошить дворы и кельи, истребить лошадей, скот, хлеб... Погибло не менее 60.000. Кровавый Волхов, запруженный телами и членами истерзанных людей, долго не мог пронести их в Ладожское озеро»...

Так пишет летописец, а за ним, повторяя его, историк Карамзин...¹⁾ Вдумайтесь: ведь это погром не «бурсурман», а своих же русских братьев... И громил тверичан и новгородцев — главным образом, за то, что они были «вольными» по духу, — не один не вполне нормальный царь, но и его воеводы, православные христиане, в здравом уме, и их подчиненные...

И наряду со всеми ими их современник Ермак!

**

«Поглотив Ермака, волны Иртыша не поглотили его славы. Россия, история и церковь гласят Ермаку вечную память... Ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести его завоевания, величая доблесть его не только в Летописях, но и в святых храмах... Имя сего витязя живет на берегах Иртыша и в названиях мест и в преданиях изустных, там самые бедные жилища украшаются изображением АТАМАНА-КНЯЗЯ».¹⁾

Живет оно и на его родном Дону в песнях-были-

1. Н. М. Карамзин. «Ист. Гос. Росс.». Изд. 1903 г., т. 9, стр. 72 и 73. Москва.

нах, посвященных памяти Донского, Всеказачьего и Всероссийского национального героя. Заслуги Ермака признаны царями: Иван Грозный наградил его титулом князя, другие цари, опиравшиеся в данном случае на авторитет историков, признавших Ермака национальным героем, жаловали по «Высочайшим повелениям» полки, покрывшие свои знамена славой, шефством Ермака Тимофеевича, и полки — в частности, 3-й Донской Казачий Ермака Тимофеевича и 1-ый Сибирский Казачий Ермака Тимофеевича — считали это за честь, как «монаршую милость». Именем Ермака, не имевшим притом ничего общего с моряками, был назван первый ледокол русского военного флота, построенный по планам погибшего в Порт-Артуре адмирала Макарова. Признал Ермака, как национального героя, и русский народ, воздвигнувший памятник в Сибири, в Тобольске, признали и Донцы, соорудившие ему в Новочеркасске великолепный памятник работы Антокольского.

Н. М. Карамзин пишет, что «потомство не думало отнимать у Ермака полной чести его завоевания» — к сожалению, нашлись историки, которые пытаются, вопреки всем документам и очевидности, это сделать, и это не единственная попытка «свалить» Ермака с его пьедестала: с пьедестала и в буквальном смысле этого слова пытались после окончания гражданской войны 1917-1920 г. стянуть в Новочеркасске трактором и коммунисты, но после безуспешных усилий, когда канаты полопались, попытки своей не возобновляли, — величественная статуя Ермака и до сих пор украшает в бывшей Донской столице главную площадь, называвшуюся при нас Соборной. Легче им было перекрасить и перекрестить ледокол «Ермак» в «Красина» — с их точки зрения, очевидно, давшего народу больше, чем Ермак, плодами трудов и крови которого — Сибирью — они широко теперь пользуются.

Горсточка бесстрашных воинов справилась с силами громадного ханства, еще хранившими традиции полчищ Чингис-хана, руководимыми доблестным вож-

дем Маметкулом, воодушевляемыми энергичным царем-ханом Кучумом, под зеленым знаменем призывавшим правоверных к священной войне против «неверных».

Вдали от родины, не имея ни одной базы, откуда он мог бы получать пополнения живой силой и боевыми и другими припасами, оставаясь в течении более двух лет без всякой помощи, Ермак показал себя недюжинным, выдающимся военачальником. Из своей «вольницы» он сумел создать прекрасную воинскую часть, при малом числе бойцов справившуюся со многими тысячами врагов.

Если основной чертой хорошего полководца считать умение поддерживать дух своих воинов, Ермак в совершенстве обладал этим «умением». За ним шли беспрекословно. Он знал, куда вел, верил в свое дело и этой верой зажигал, заражал других, сумевши повести за собой дружину в неведомые ей страны. Когда Ермак, еще будучи на Волге, принял там решение предпринять Сибирский поход и не был уверен, пойдет ли за ним «на край света» дружина, он спросил об этом Ивана Кольцо: «Кольцо, ответь за всех» и тот, не колеблясь, ответил: «Не трушу, Атаман, за всех ответить: Коль взял ты наши души, так вместе ж головы возьми». ¹⁾

Летописи Сибирские отмечают, что в невероятно трудных условиях похода два раза заколебалось небольшое войско, оно не прочь было и вернуться, — и Ермак успешно справился с этими колебаниями. Авторитет его, вера в него были безграничны. Умел он в необходимых случаях применять и суровые меры по «донскому закону» — «в куль, да в воду»: по словам летописца, двадцать дружинников были утоплены в Сылве.

Вождь в «нуждах — говорит летописец — непоколимый, в смерти бесстрашный», как и дружинники его, Ермак, когда нужно было показать пример, в первых рядах рисковал своей головой: так было в битвах у Акцибар-Калла, у Бабасанских юрт, под Чувашьим мы-

1. Из стихотворения В. Гиляровского.

сом. В сражении при урочище Бабасан, на берегу Тобола, Ермак и Кольцо, в самый опасный момент выскочив из окопов, с громким обычным Ермаковским кличем «с нами Бог», «мужествовали, по выражению летописца, впереди».

Требовательный к подчиненным, Ермак был еще более строг к самому себе. Умел владеть собой. Выше было уже сказано, как обошелся он с пленным врагом царевичем Маметкулом и с красавицей Еличай.

Как полководец, Ермак был осторожен и предусмотрителен. Подойдя к границе Сибири, он останавливается и на случай неудачи и предвидя возможность отступления, приказывает рыть окопы и строить укрепление «Кокуй», следы которого сохранились до нашего времени. Те же предосторожности он принимает и перед решительной битвой за столицу Искер-Сибирь: взявши Атинский городок, находившийся недалеко от Искера, Ермак его укрепил.

Из описаний летописцами боев ярко выступают характерные черты Ермака - полководца: неожиданность для врага тактических решений, безграничная смелость в их выполнении, умение применять военные хитрости и, особенно, твердая воля вождя.

В битве при Акцибаре, после того, как артиллерийский обстрел укрепленного городка не дал ожидавшегося результата, Ермак отдает приказ небольшому отряду атаковать «в лоб». Эта атака поглощает все внимание противника, а в это время главные силы Ермака, совершив обходное движение, нападают на татар с тыла и врываются в Акцибар.

В другой битве, на реке Тоболе, когда князь Еличай в самом узком месте Тобола перегородил реку цепями, Ермак, одновременно с обходным движением, применил и другую военную хитрость: поделав из хвороста массу чучел, Ермак приказал одеть их в казачью одежду и с небольшим количеством бойцов направил это «хворостяное войско» на сооруженное на реке препятствие. Тучи стрел посыпались сверху, а в это время главная масса казаков обошла татар с тыла.

Летописцы отмечают, что в самое тяжелое для вождя время, когда Ермак потерял своего лучшего по-

мощника атамана Кольцо и 49 верных соратников, которых предательски вырезал ночью мурза Карача, и после гибели атамана Якова Михайлова, когда многие казаки погибли в Искере от цыгн, а самый город был ссажден несметными таборами врага, расположившимися вне обстрела крепостных пушек и надеявшимися взять крепость и самого Ермака, лишенных подвоза, измором, Ермак принимает героическое решение и организует, под начальством последнего своего атамана Матвея Мещеряка, отчаянно смелую вылазку почти всего гарнизона, оставшись в Искере буквально с горстью казаков. Под покровом темной ненастной ночи, в грозу и бурю, он направляет Мещеряка на жизненный нерв осаждавших — на ставку их военачальника далеко в тылу — и добивается снятия осады.

В бою у Чувашьего мыса Ермак вынудил Кучума принять бой на тесном прибрежном пространстве — в условиях невыгодных для противника, лишавших его возможности использовать выгоды огромного численного перевеса.

Известен и маневр Ермака в битве с Маметкулом, который «выманил» Ермака с реки на сушу, скрыв главную массу своей конницы. Ориентировавшись в обстановке, Ермак приказал вырыть окопы и когда многотысячная конница, как ураган, налетела на казаков, последние, встретив врага дружным залпом, исчезли под землей, а когда всадники перемахнули через окопы, вслед им раздались сосредоточенные залпы, вызвавшие панику и бегство противника.

Все это, и многое другое, подчеркивая недюжинные способности военачальника, показывает, что не у артельного котла — «ермака» — Ермак приобрел знания и опыт: сказалось его участие в войне с Ливонским Орденом на посту Походного Атамана Донского отряда в армии Ивана Грозного, а также и неизвестное нам грежнее боевое прошлое, которое только и могло выдвинуть Ермака на пост Походного Атамана. Не исключается возможность участия Ермака в завоевании Казанского царства, о чем повествует старинная «прадедовская» Донская песня.

Проявил Ермак и большой дипломатический такт

Ермак — статуя М. М. Антокольского.

и искусство. Сколько глубокого смысла в выборе главы посольства в Москву к Грозному — царю «гневному...» Выбор Ермака остановился на Иване Кольцо, григоворенном Иваном Грозным к смертной казни за разгром столицы Ногайского хана.

Взявши в плен заклятого врага своего Маметкула, Ермак, учитывая тот престиж, который имел царевич у татар, остяков и вогулов, подчеркивает свое уважение к врагу, оказывает ему всякое внимание и отправляет в Москву.

Той же тактики он придерживался при взятии в первых боях Кутугая, приближенного ко «двору» хана Кучума. Неожиданно обласканный Ермаком, Кутугай возвратился в столицу, пропагандируя великодушие врага и его непобедимость.

Принимая потом в Искере побежденных влиятельных остяцких князей, Ермак усаживает их рядом с собой, обходится с ними, как с дорогими гостями, — и они уезжают в свои владения, прославляя великодушного победителя.

В Тюмени он подчеркивает свое уважение к «тархану», верховному судье всех остяков, пользовавшемуся громадным влиянием во всех остяцких улусах, и приобрел в его лице благодарного друга.

Дойдя до Тары и подчинив своей власти население огромного пространства, Ермак, видя бедность населения, отказывается принять от него принесенные дары и освобождает от дани, которую туземцы платили Кучуму.

Когда перед взятием Искера женщины с детьми покинули столицу, Ермак так ласково обошелся с оставшимися и отпустил без всякого выкупа, обычного в те времена, всех пленных, успокоив их и сказав, что они могут спокойно жить, как жили раньше, все татарские семьи вернулись в покинутые дома.

Вообще, по выражению летописца — «чесне жалую их», к пленным Ермак относился не только следуя казачьему правилу «лежачего не бьют», но и всем разрешал возвращаться в свои улусы и юрты и жить там, «яко же жиша при Кучуме».

За короткое время своего правления Ермак — хо-

роший заботливый хозяин — сумел завязать торговые сношения с соседними богатыми странами и к нему приходили уже караваны из Бухары. Заслуживает внимания в этом отношении тот мотив, который был выдвинут провокатором мурзой, чтобы заманить Ермака в ловушку: «Бухарские купцы, которых ты ждешь, стоят у порога твоей земли, но Кучум заступил им дорогу».

Ермак бросился на выручку и погиб.

Оценил его, как правителя, и Иван Грозный, в ответной «жалованной» грамоте Ермаку, привезенной воеводой Болховским и Иваном Кольцо, предоставившей Ермаку право «распоряжаться и начальствовать по-прежнему, чтобы утвердить порядок в стране и верховную государеву власть над нею».

Мы уже приводили выше оценку Ермака Карамзиным не только, как дипломата, но и как администратора-правителя, исключительного по своим достоинствам для 16-го века. Стоит только вспомнить, как вели себя в Сибири после Ермака в следующих столетиях воеводы, «кормившиеся» в далекой от Москвы стране.

Разобрались, наконец, в Ермаке и большевики. Теперь они уже не думают стаскивать с пьедестала его статую, как это было в Новочеркасске вскоре после окончания гражданской войны.

Большая Советская Энциклопедия отмечает:¹⁾ «Ермак Тимофеевич — казачий атаман... сыгравший выдающуюся роль в освоении Сибири... поход Ермака имел прогрессивное значение. Главной заслугой Ермака является то, что он проложил дорогу в Сибирь... освободил из-под власти Сибирского ханства народы Западной Сибири... Предания и песни о Ермаке хранит русский фольклор».

Заговорили о нем и советские историки: профессор С. В. Бахрушин, А. Воронихин, В. И. Сергеев, Г. Кублицкий и другие. В. И. Сергеев пишет: «В Сибирском походе Ермак, атаман казачьей вольницы, проявил вы-

1. Большая Советская Энциклопедия, т. 15, ст. 529, 530.

дающиеся организационные способности, проницательность, силу воли и твердость в достижении цели». ¹⁾

Занял Ермак в СССР видное место и в советских исторических романах. А этот жест — поднесение Московскому царю короны Сибирского царства? Атаман казачьей вольницы, к тому же опальный, находившийся вне достижения Московских властей, никем не побуждаемый, неограниченный властелин... У другого закружилась бы от успехов голова перед открывавшейся возможностью стать главой царства с неисчерпаемыми естественными богатствами, с готовой ценной соболиной валютой, в обмен на которую в те времена он мог отовсюду получать все, что было необходимо, поднявшись на головокружительную высоту, сумел сохранить «холодную голову» и учесть все неизбежные трудности, сумел стать выше соображений и интересов личных — и заслужил бессмертие...

Всего лишь четыре года деятельности — и вот уже прошло почти четыре века, а память о нем не только не изгладилась, но и в грядущие столетия еще более укрепится и углубится в бессмертном сознании народа.

Поистине, витязь Казачества и национальный герой Великой России, раздвинувший границы государства до необъятных размеров и на много веков обезпечивший его будущность.

Особая заслуга Ермака в том, что своим завоеванием он на много столетий вперед предопределил основное направление внешней политики России, не имевшей и не имеющей с тех пор никакой надобности в политике колониальной в поисках «жизненного пространства», необходимого для безпрестанно возрастающего населения. Скольких материальных жертв для народного хозяйства, какого невероятного количества молодых человеческих жизней стоила колониальная политика другим державам, вынужденным искать выхода для избытков населения. Миллионы жизней Российских граждан были спасены в течении истекших

1. В. И. Сергеев. Журнал «Вопросы Истории». Том I, Москва, 1959 г.

2. С. В. Бахрушин. «Очерки по Ист. Колониз. Сибири». М. 1928.

после Ермака столетий и много других миллионов будут обязаны Ермаку высшим благом человека — здоровьем и жизнью — в грядущие века.

И народ оценил Ермака, воздвигнув ему памятники в Новочеркасске и Тобольске. Фигура Ермака красуется в Новгородском Кремле на памятнике «Тысячелетия Российского государства», образ славного витязя воплощен в художественной литературе: в творчестве Л. Н. Толстого — в его рассказе для детей «Ермак» —, Мамина - Сибиряка, Бажова, в скульптуре М. М. Антокольского и нашего Донца С. Г. Королькова, в живописи Сибирского казака В. И. Сурикова. Запечатлели его имя и подвиг А. Н. Радищев и В. Г. Белинский, воспел его декабрист К. Ф. Рылеев, посвятивший Ермаку стихотворение «Смерть Ермака» — «Ревела буря», — ставшее народной песнью.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Былины, песни и картины, связанные с именем Ермака.

Историческая жизнь Донского Казачества была насыщена событиями и запечатлела в народной памяти множество песен, в которых отразились отношения казака к его прошлому. Донские исторические песни охватывают огромный период с середины 16-го до конца 19-го века. Темами их служат Ермак, Разин, Пугачев, Булавин, Некрасов, Платов, Бакланов, «молодой охотничек» И. М. Краснощеков, «опальный атаманушка» С. Д. Ефремов, вспоминаются в песнях славные схватки с «турчином», «злым черкесином», войны, в которых принимали участие Донцы — Семилетняя, Отечественная 1812-го года, Кавказская, Русско-Турецкая, прославляются полководцы, под начальством которых воевали казаки: А. В. Суворов и другие. Казачьи песни, это живая история.

Много у Донцов песен: «прадедовских», «староотеческих»... Помимо былинных и исторических, военно-бытовые, свадебные, плясовые, любовные, хороводные, вечериночные... не одна их тысяча, многие уже и выветрились из памяти, не будучи своевременно записанными. К счастью, нашлись казаки, послужившие на этом поприще родному Дону: А. Пивоваров, А. Савельев, А. Чекунов и Секретев, Вс. Ф. Миллер, Н. Н. Голубинцев, Хрещатицкий¹⁾ и — особенно — казак Ека-

1. Хрещатицкий. «Казачьи песни Донского Войска». 1903 г.

1. Вс. Миллер. «Очерки Русской народной словесности». Том. 3, Москва, 1924 г.

терининской станицы, преподаватель Саратовской консерватории Александр Михайлович Листопадов, сын народного учителя этой станицы, умерший в 1949 году в Ростове на Дону. Первый его сборник песен вышел в 1911 году, а в 1950 году советское Музык. Госуд. Издат. напечатало четырех-томное собрание 1195 Донских казачьих песен, собранных Листопадовым и положенных им же на ноты. Из общего количества 1195 песен 224 исторических, 222 военно-бытовых, 208 семейных-любовных, 245 плясовых, 296 свадебных.

Известный литературный критик В. Г. Белинский¹⁾ высоко ценил историческое и художественное значение Донских народных песен: «Донские казачьи песни — писал Белинский — можно причислить к числу исторических, и они в самом деле более заслуживают названия исторических, чем собственно так называемые исторические русские народные песни. В них весь быт и вся история этой военной общины, где русская удаль, отвага, молодечество и разгул нашли себе гнездо широкое и привольное. В них и исторической действительности больше, в них и поэзия размашистей и удалей». Интересны и выводы критиков Музгиза — С. А. Кондратьева²⁾ и других: «Если тексты былинных и исторических песен Донских казаков по своему поэтическому удельному весу могут быть сравниваемы с лучшими образцами соответственных песен, записанных в разное время другими собирателями в различных районах России, то музыка Донских былинных песен по своему богатству далеко оставляет за собою все, с чем в этой области мы до сего времени были знакомы. В части напевной Донской эпос является совершенно самостоятельным и по своей многоголосной сущности полной противоположностью тому, что мы видим на Севере».

«Некоторые песни имеют лишь местное значение, зато иные поднимаются до высоты художественно-философских обобщений и проливают свет на психологию свободолюбивого народа».

1-2. Отзывы В. Г. Белинского и С. А. Кондратьева помещены в «Песнях Донских Казаков», М. Музгиз, 1950.

На Дону сохранилось много былин и притом не только на одни казачьи темы: в них отразились также жизнь и деятельность русских богатырей — Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алешы Поповича, Дюка Степановича. Отразились они потому, что их жизнь и деятельность так похожа на исторически сложившийся быт Донских казаков, и подвиги богатырей так понятны душе и сердцу казака: казаки тоже вели боевой образ жизни, охраняя границы и своего «Поля» и юго-восточные рубежи России.

«Степнякам-воинам — писал академик Вс. Ф. Миллер — понятия, мысли, чувства эпических Добрынь, Алешей, так же, как условия и обстановка их жизни, были близки и понятны».

Общерусские богатыри были в песнях казаками оказаны, они и заговорили в казачьих былинах по казачьи и поехали они по «шлях-дороженьке», и на конях их оказались «седельца черкесские». Илья Муромец называется в былинах «атаманом» и «старым казаком», Добрыня — Дончаком. Былины о русских богатырях в своей основе принесены на Дон из России, что же касается песен «служивского» быта и песен своей яркой истории, Донское казачество создало их само на берегах Тихого Дона.

«Донские песни — писал их знаток А. М. Листопадов ¹⁾ — овеяны вольным духом Донских степей».

С точки зрения исторической, нас сейчас интересующей, интересны песни о выборе Ермака атаманом «На степях Саратовских, на речке на Камышинке» и о призыве его к казакам идти вместе с ним в земли вольные бить лисиц-куниц, черных соболей, а также песни об участии Ермака в осаде и взятии Казани.

«Прадедовскую» песню-былину «Как на славных на степях Саратовских» мы уже привели почти полностью. В песне «Ермак под Казанью» в части, касающейся битвы под Казанью, говорится:

«Вот и взял Ермак суму старцовскую,
Надел платица, братцы, платья ветхая,

1. А. М. Листопадов. «Песни Донских Казаков». Москва, 1950. Музгиз.

Ну, пошел в Казань-город он за милостыню,
Побирался сам, братцы, христарадничал.
Заприметил Ермак там порховую казну,
Да и с тем-то вернулся к товаришам,
Ускричал, изгичал он громким голосом:
Ой, вы, братцы, вы, братцы, атаманы молодцы!
Вы копайте ров, братцы, под казну порхову!
Вот и вырыли ров да под Казань-город..
Как поставил свечу Ермак воску ярого,
Во боченочек поставил полный с порохом,
А другую-то поставил, где сам царь сидел.
Догорела свеча там воску ярого,
Поднялась вы Казани туча черная.
Как и крикнул Ермак казакам своим,
Всем Донским, Гребенским да Яиковским:
Ой, братцы, вы, братцы, атаманы молодцы!
Вы бегите в Казань-город на скорёхунько,
Вы гоните басурманов всех из города!
Не берите во полон вы ни одной души,
Как и плен казакам нашим не надобен!
Вот и взял атаман Ермак Казань-город.
Да за то царь жаловал казаков донских
Тихим Доном с Донцом вот сы проточинами,
Сы соляными жаловал сы озёрушками.
Вот возговорил Ермак да казачкам своим:
Мы пойдемте на Тихий Дон спокоимся,
Не женатые, братцы, да поженимся».

Былина эта не противоречит ни летописным сказаниям, ни бытовым условиям казачьей жизни, почему Е. П. Савельев¹⁾ считает былинные сведения достойными доверия, но действительно ли содержание песни «Ермак под Казанью» соответствует исторической правде, сказать трудно, так как нам неизвестен точно возраст Ермака, год его рождения. Если правильно говорит историк А. Г. Попов,²⁾ что Ермак родился в 1540 г., он не мог в 1552 году, когда была взята Казань, в возрасте двенадцати лет играть ту роль, которую ему при-

1. Е. П. Савельев. «Древняя История Казачества». Новочеркасск, 1915 г.

2. А. Г. Попов. «Ист. Войска Донск.». Новочеркасск 1812 г.

писывает песня. Но, с одной стороны, А. Г. Попов не указывает, на основании каких данных, каких документов он дает эту цифру, почему она не может считаться вполне достоверной, с другой — неупоминание имени Ермака в описаниях взятия Казани тоже ничего не доказывает, так как историки не имели привычки уделять достаточно внимания казакам и тогда, когда казаки этого вполне заслуживали. Так и в Казанском деле, хотя казачьих отрядов, и притом разных Казачьих Войск, было несколько и в каждом отряде был свой Походный атаман, упоминается лишь один Главный предводитель казачьих отрядов Донской атаман Сусар Федоров. А что казачьих отрядов было несколько, видно, хотя бы, из такой записи историка Н. М. Карамзина ¹⁾: «отпустив воевод, ... Иван Грозный распорядил приступ — велел быть впереди Атаманам с казаками» ... «Атаманам», а не одному атаману.. И, конечно, как всегда, в опасные моменты «Казакам быть впереди»... Среди этих атаманов мог быть и Ермак, если он родился не в 1540 году, а раньше. И Донская былина, о которой мы говорили раньше, повествующая об избрании Ермака атаманом, называет его стариком: «ну, братцы, Старик-то Ермак не глупой казак»... При данном положении вопрос об участии Ермака в завоевании Казанского царства остается открытым. Если правы былины, Ермак родился не в 1540 году, а раньше, если прав А. Г. Попов, ошибается народное сказание. К несчастью, пожар 1744-го года, уничтоживший весь Черкасск, уничтожил и Войсковые архивы.

Народные песни, посвященные Ермаку, напечатанные в «Донской Хрестоматии», изданной в Новочеркаске в 1918 году.

«Не буря шумит и не гром гремит,
От царя к Ермаку курьер бежит,
Прибегает к Ермаку Тимофеевичу,
Подает он указы государевы.
Принимал Ермак указы, речь возговорил:
«Я тебя, посланничка, не слушаю,

1. Н. М. Карамзин. «Ист. Гос. Росс.», т. 8, стр. 85. М. 1903 г.

А я сам к царю на ответ пойду.»
Надевает Ермак свою кунью шубу,
Подпоясывает саблю булатную,
А шапочку вздевает, молодец, трухменочку.
Ермак идет вдоль по улице,
У куньей шубы полы развеваются,
Князя-то бояры удивляются,
Что хорош-пригож молодец уродился.
Тут стал Государь его спрашивать:
«Не ты ли Ермак сын Тимофеевич?
Не ты ли Донской воровской атаманушка?
Не ты ли гулял там по синю морю?
Не ты ли разбивал мои корабли?»
Тут ответ держал добрый молодец:
«То-то я, то Ермак Тимофеевич,
То-то я, то казачий атаманушка,
То-то я, то гулял по синю морю,
То-то я, то разбивал корабли,
Но корабли были не орленые,
Не орленые были не тавреные,
Не платили Государю дани-пошлины.»
«За все загадки, за все прошлые
И за эту беду тебя Бог простит.
«Сослужи ты, Ермак, мне службу верную —
Возьми ты, Ермак, мне Казань город.»

В другой песне говорится и о самом взятии Казани:

... «Как вы думайте, братцы, да подумайте,
Меня, Ермака, вы послушайте.»
Ермак говорит, как в трубу трубит:
«Пойдемте мы, братцы, под Казань город,
Под тем ли под городом сам царь стоит,
Грозный царь Иван Васильевич.
Он стоит, братцы, ровно три года
И не может он, братцы, Казань город взять.
Мы пойдемте, братцы, ему поклонимся
И под власть его ему покоримся.»
Как пришел Ермак к царю, на колени стал,
Как возговорит царь Ермаку казаку:
«Не ты ли, Ермак, воровской атаманушка?
Не ты ли разбивал бусы корабли мои военные?
— «Я разбивал, Государь, бусы корабли,

Бусы корабли не орленые, не клейменные.
Отслужу я тебе, Государь, службу важную:
Ты позволь мне, Царь, Казань город взять,
А возьму я Казань ровно в три часа.
Да и чем меня будешь жаловать?»
Как надел Ермак сумку старческую,
Платье ветхое, все истасканное,
Да пошел Ермак в Казань за милостыню —
Побираться, христарадничать,
Заприметил там Ермак пороховую казну
И с тем вернулся он к товарищам.
«Ой вы, братцы мои, атаманы-молодцы,
Да копайте вы ров под пороховую казну.»
Скоро вырыли глубокий ров Донские казаки.
Как поставил там Ермак свечу воску ярого,
В боченок ли поставил полный с порохом,
А другую он поставил, где с царем сидел.
И сказал Ермак царю Грозному:
«Догорит свеча — я Казань возьму.»
Догорела свеча — в Казани поднялося облако...
Как крикнет Ермак Донским казакам,
Донским казакам, Гребенским и Яиковским:
«Ой вы, братцы мои, атаманы молодцы!
Вы бегите в город Казань скорехонько,
Вы гоните из города вон всех басурман,
Не берите вы в полон ни одной души:
Плен Донским казакам ненадобен.»
Ермак тремя стами казаками город взял,
Город взял он Казань и царю отдал,
Избавил Ермак войско царское от урона,
За то царь пожаловал Ермака князем
И наградил его медалью именною,
Да подарил Ермаку славный Тихий Дон
Со времени его речками и проточками.
Как возговорит Ермак Донским казакам:
«Пойдемте, братцы, на Тихий Дон, покаемся,
Неженатые, братцы, все поженимся.»

Вот как о покорении царства Сибирского образно, в эпических тонах, рассказывает народная песня:

«Как на славных на степях было Саратовских,
Что пониже было города Саратова,

А повыше было города Камышина,
Собирались казаки — други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый круг,
Как Донские, Гребенские и Яицкие,
Атаман у них Ермак, сын Тимофеевич,
Есаул у них Асташка, сын Лаврентьевич.
Они думали думушку все единую...

Как не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная речь громко возговорила —
Речь возговорил Ермак сын Тимофеевич:
«Ой вы думайте, братцы, вы подумайте
И меня, Ермака, братцы, послушайте!
Зазимует мы, братцы, все во Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся,
А как вскрыется весна красная,
Мы тогда то, други-братцы, во поход пойдем,
Мы заслужим перед Грозным царем вину свою,
Как гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю, по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы корабли,
Как и те-то, братцы, корабли не орленые.
Мы убили посланничка все царского,
Как того-то ведь посланничка Персидского.»

Как во славном было городе во Астрахани,
На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки во единый круг,
Они думали думу крепкую,
Да и крепкую думушку единую:
Как зима то проходит все холодная,
Как и лето настанет, братцы, лето теплое,
Да пора уж нам, братцы, во поход итить.
Речь возговорит Ермак Тимофеевич:
«Ой вы гой еси, братцы, атаманы - молодцы!
Эй вы делайте лодочки-коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,

Накладайте бабаички сосновые,
Мы поедемте, братцы, с Божьей помощью,
Мы пригрянемте, братцы, вверх по Волге реке,
Перейдемте мы, братцы, горы крутые,
Доберемся мы до царства басурманского,
Завоем мы царство Сибирское,
Покорим мы его, братцы, Царю Белому,
А царя-то Кучума во полон возьмем,
За то-то Государь Царь нас пожалует.
Я тогда-то пойду сам ко Белому Царю,
Я надену тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку под мышечку,
Принесу я Царю Белому повинную:
Ой ты гой еси, надежда, православный царь!
Не вели меня казнить, да вели речь говорить:
Как и я-то Ермак сын Тимофеевич,
Как и я-то воровской Донской атаманушка,
Как и я-то гулял, ведь, по синю морю,
Что по синю морю, по Хвалынскому,
Как и я-то разбивал, ведь, бусы корабли,
Как и те-то корабли все не орленые.
А теперича, надежда, православный царь,
Приношу тебе буйну головушку
И с буйной головой — царство Сибирское.»
Речь возговорит надежда православный Царь,
Как и Грозный царь Иван Васильевич:
«Ой ты гой еси, Ермак сын Тимофеевич,
Ой ты гой еси, Войсковой Донской атаманушка!
Я прощаю тебя, да и со войском твоим,
Я прощаю тебя, да за твою службу,
За твою-то ли службу мне за верную
И я жалую тебе, Ермак, славный Тихий Дон.»

В той же «Донской Хрестоматии» напечатаны стихотворения А. Леонова, И. Дмитриева и А. А. Д., посвященные Ермаку:

Е Р М А К

В чертогах, в хижине убогой,
В лубках иль в раме золотой,
С осанкой величаво строгой

Стоит он вечно, как живой.
В его руках булат и пика,
Тяжелый панцырь на груди,
Златая гривна, дар великий,
Висит на шее. Впереди,
Во славу чести богатырской,
Написан герб страны Сибирской.

И мнится: думою великой
Еще доселе он томим
И грудь полна могучим криком:
«Пойдем и царство покорим!
Пойдем, товарищи и други,
Забудем буйство и разбой
И за бессмертные заслуги
Потомство грянет нам хвалой.»

И мнится: взор его сверкает,
Копьем он грозно потрясает
И на груди богатыря
Гремит кольчуга, дар царя.

Из «Стихотворений Ал. Леонова». Москва 1882 г.
«Доская Хрестоматия». Новочеркасск 1918 г.

Е Р М А К

Отрывки из стихотворения И. Дмитриева. «Дон-
ская Хрестоматия». Новочеркасск 1918 г.

... Я зрел с ним бой Магмета-Кула,
Сибирских стран богатыря:
Рассыпав стрелы все из тула
И вящим жаром возгоря,
Извлек он саблю смертоносу:
«Дай лучше смерть, чем жизнь поносну
Влачить мне в плене!» он сказал
И вмиг на Ермака напал.

Ужасный вид! Они сразились:
Их сабли молнией блещут,
Удары тяжкие творят —
И обе разом сокрушились...
Они в ручной вступили в бой:
Грудь с грудью и рука с рукой.
От вопля их дубравы воют,
Они стопами землю роют.
Уже с них сыплет пот, как град,
Уже в них сердце страшно бьется
И ребра обоих трещат,
То сей, то оный на бок гнется,
Крутятся — и Ермак сломил!
«Ты мой теперь» — он возопил —
«И все отныне мне подвластно!»
Сбылось пророчество ужасно:
Пленил, попрали Сибирь Ермак!

**

...Мир праху твоему, Ермак!
Да увенчают россияне
Из злата вылитый твой зрак,
Из ребр Сибири источенна
Твоим булатным копием.
Но что я рек, о тень забвенна!
Что рек в усердии моем?
Где обелиск твой? Мы не знаем,
Где даже прах твой был зарыт...
Увы! Он вепрем попираем,
Или остяк по ним бежит
За ланью быстрой и рогатой,
Прицелясь к ней стрелой пернатой.
Но будь утешен ты, герой!
Парящий стихотворства гений
Всяк день с Авророю златой,
В часы божественных явлений,
Над прахом плавает твоим
И сладку весть гласит над ним:
Великий! Где б ты ни родился,
Хотя бы в варварских веках,

Твой подвиг жизни совершился!
Хотя б исчез твой самый прах,
Хотя б сыны твои — потомки,
Забыв деянья предка громки,
Скитались в дебрях и лесах
И жили с алчными волками, —
Но ты, великий человек,
Пойдешь в ряду с полубогами
Из рода в род, из века в век!
И славы луч твоей затмится,
Когда померкнет солнца свет
И с треском небо развалится!

За Уральским хребтом, за рекой Иртышем,
На далеких отрогах Алтая,
Стоит холм и на нем, под кедровым шатром,
Есть могила совсем забытая.

Много лет уж стоит и курган сторожит
Этот кедр одинокий угрюмо.

Вкруг него ни куста... Вся дорога пуста
И тиха. Нет ни звука, ни шума.

Хищный вран не летит, дикий зверь не бежит
Этим местом: здесь кроется диво...

Заколдован курган... С ним и кедр великан,
Что разросся так пышно, красиво.

Говорят, что под ним великан исполин,
И в броню и в кольчугу одетый,

Безпокойно лежит, потому что зарыт
По обряду отцов не отпетый.

Триста лет, говорят, это было назад,

Рыбаки в Иртыше неводили,

И в мереже одной здесь на берег крутой,

Вместо рыб, мертвеца притащили.

Был в броне боевой, был в кольчуге стальной

Росту страшного пойманный в сети,

И дивились ему, великану тому,

Рыбаки простодушные эти.

Но не зная, как быть, как покойника сбыть,

Чтоб на грех не затеять бы дело,

Порешили все скрыть и скорее зарыть
Это мертвое страшное тело.

И с тех пор, только день перейдет в ночь и тень,
Из могилы покойник выходит
И всю ночь напролет по холму взад-вперед
С тяжким стоном задумчиво бродит.

Этот стон гробовой над уснувшей змлей
По расселинам гор раздается,
Ужасая собой даже кедр вековой,
Что от стонов от этих трясется.

Есть в народе молва, что порою слова
Можно слышать: «к могиле склонитесь:
Я Донской был казак, по прозванью Ермак,
О покое моем помолитесь».

А. А. Д.

Отозвались и наши современные поэты:

Е Р М А К

При мудром и грозном царе Иоанне
Навеки, навеки прославлен казак:
Сибирь покорил, обложил ее данью
Бесстрашный воитель Ермак.

Он шел неуклонно с боями к востоку,
С ним было всего лишь семьсот казаков...
Шли бодро, ведомые небом иль роком,
Их путь был далек и суров.

Ермак поклонился могучей Сибирью
Царю Иоанну, смирил дикарей,
И новое царство с невиданной ширью
Добыл для державы своей.

И славу поют Ермаку неустанно
Не только потомки его казаков:
Ермак и поныне живет осиянный
На шляхе Российских веков.

Он высится в сердце казачьего края,
Грозя атаманской своей булавой.
Он вылит из бронзы и смерти не знает
Донской вековечный герой.

Николай Евсеев.

ЕРМАК — ПОКОРИТЕЛЬ.

Всю ночь не спал и крепко думал думу.
Он стал другим, себя он перерос:
Под внешней неприступностью угрюмой
Неведомое, новое зажглось!

Не так давно искатель приключений,
Не так давно «разбойник» удалой,
Он из низов на высшие ступени
Поднялся здесь — правитель и герой!

Он прожил век в погоне за добычей,
А ныне в нем — лишь доблесть и закон.
Душе дано спокойное величье,
Уму дано проникнуть в даль времен...

Тоска-печаль припала к изголовью
Глаза горят, бессильные уснуть.
Проходит всё... но подвиг вписан кровью,
И труд трех лет другим откроет путь!

Омыты все былые «злодеянья»,
Он может жить свободно, не таясь:
Среди князьков, к нему ползущих с данью,
По царской воле он — Сибирский князь!

Всю ночь шатры свирепо треплет буря,
На ветхий холст струями льется дождь, —
В одном из них, крутую бровь нахмуря,
Глядит во тьму забытый всеми вождь.

Среди врагов в глухой стране затерян,
Подмоги ждет и не дождетсЯ он!
Забот не счесть, и каждый шаг неверен,
И смерть в степи грозит со всех сторон.

Коль смерть, так смерть: она — сестра победам,
Воитель с ней в боях — плечом в плечо!
Сомкнулся круг... но час еще неведом
И мужество казачье горячо!

Что жизнь дала? — Улыбки были скупы...
Ни близких нет, ни милых сердцу мест...
И жаль, так жаль, что вот нельзя нащупать
Под панцырем нательный медный крест!

Что жизнь дала? Набеги и скитанья,
Походы, власть, бунты в своих рядах
И, как венец, последнее познание
Тщеты всего, клонящее во прах...

Что мог свершить, свершил он, Бог — свидетель!
С ним только горсть сподвижников — не рать,
Но весть о нем прослышится на свете:
Исполнен долг... и можно умирать...

Тянулась ночь... Выл ветер неустанно...
Взрывался гром, шум битв превосходя...
А враг кругом подтягивался к стану,
И Рок уже подстерегал вождя!

Мария Волкова.

Напомним известное стихотворение-песню, авторство которой принадлежит декабристу К. Ф. Рылееву:

СМЕРТЬ ЕРМАКА

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния блистала,
Безперерывно гром гремел
И ветры в дебрях бушевали.
 Ко славе страстию дыша,
 В стране угрюмой и суровой,
 На диком берегу Иртыша
 Сидел Ермак, объятый думой.
Товарищи его трудов,
Побед и громкозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Безпечно спали близ дубравы.
 О, спите, спите, мнил герой,
 Друзья, под бурею ревущей
 С рассветом глас раздастся мой,
 На славу иль на смерть зовущий.
Вам нужен отдых, сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит,
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
 Кто жизни не щадил своей,
 Опасность в сечах презирая,
 Тот будет думать ли о ней,
 За Русь святую погибая?
Своей и вражьей кровью смыв
Все прегрешенья буйной жизни

И за победы заслужив
Благословение отчизны?

Нам смерть не может быть страшна,
Свое мы ^{дело} совершили:
Сибирь ~~царю~~ покорена
О, мы не праздно в мире жили...

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния блистала,
Безперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздыхались седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег казачьи челны...

С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала,
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала.

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.

Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала, грозная в боях,
Не обнажив меча, дружина...

Ермак воспрянул ото сна,
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега челны...

Иртыш волнуется сильнее...
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает.

Плывет... уж близко челнока,
Но сила року уступила,
И закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.

Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,

Покорение Сибири — картина В. И. Сурикова.

Тяжелый панцырь — дар царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... Вдруг луною
Иртыш на миг осеребрился,
И труп, извергнутый волной,
В стальной кольчуге озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
Во мраке молния блистала,
И гром вдали еще гремел,
Но Ермака уже не стало...

К. Ф. Рылеев.

Закончим главу о Донской песне отзывом об этой песне советского критика С. А. Кондратьева¹⁾, который отмечает «пластичность и полноту широких мелодий, ладовое разнообразие и развитую форму песни», а о работе А. М. Листопадава дает такое заключение: «Труд А. М. Листопадава — ценнейший вклад в золотой фонд отечественной музыкальной культуры, наиболее значительная, как нам кажется, работа в области народной музыки за весь послеоктябрьский период. Это не только музыкально-этнографический документ, но и памятник истории, не только исторический памятник, но и художественная антология». Отметим и то, что пишет о Донской песне М. Шолохов²⁾ в «Тихом Доне»:

«Вдруг, впереди, над притихшей степью, как птица, взлетел мужественный голос запевалы:

«Ой, как на речке было, братцы, на Камьшинке,
На славных степях на Саратовских...

«И многие сотни голосов мощно подняли старинную казачью песню о Ермаке, и выше всех всплеснулся изумительной силы и красоты тенор подголоска. Покрывая стихающие басы, еще трепетал где то в темноте звенящий, хватающий за сердце тенор. Песенники уехали далеко, а из темноты издалека плыла, ши-

1. С. А. Кондратьев — в труде А. М. Листопадава «Песни Донских Казаков», Москва, 1950. Музгиз.

2. М. Шолохов. «Тихий Дон».

рилась просторная, как Дон в половодье, песня... Уж и песенников не стало слышно, а подголосок звенел, падал и снова звенел...

Что касается картин, сюжет которых связан с именем Ермака, считаем необходимым остановиться на картине «Покорение Сибири». Автор ее знаменитый художник, один из членов группы «передвижников», Василий Иванович Суриков, казак Сибирского Казачьего Войска, отдавший картине «Покорение Сибири Ермаком» несколько лет своей жизни. Кисти В. И. Сурикова принадлежат такие известные всей образованной России картины, как «Боярыня Морозова», «Меншиков в Березове», «Утро Стрелецкой казни», «Переход Суворова через Альпы», «Степан Разин», «Взятие снежного городка» и др.

Перед тем, как приступить к созданию картины «Покорение Сибири Ермаком», Суриков изучил эпоху Ермака, а заодно и историю Донского казачества, проехал по всему пути, по которому шел Ермак со своей дружиной, побывал в Сибири во всех местах, где жил и сражался Ермак, пожил и на Дону, изучая там и зарисовывая типы казаков, как и типы сибиряков в Сибири. Между прочим, ознакомившись с историей Донского Войска, В. И. Суриков писал из Новочеркасска своему брату: «Мы, Сибирские казаки, происходим от Донских казаков... Душа так и радуется, что мы с тобой роду хорошего».

Из рецензий по поводу картины «Покорение Сибири Ермаком» — у казаков известной под названием «Битва на Иртыше» — ограничимся отзывом такого крупного авторитета, как академик И. Е. Репин: «Впечатление от картины неожиданно и могуче... Зритель ошеломлен... воображение его потрясено». Картина огромная: восемь аршин на четыре аршина. Задумана Суриковым в 1889 году, закончена в 1895. На картине могучие фигуры казаков, воины Кучума и необъятные просторы, которые открывались в шестнадцатом веке взгляду Ермака: «окно в прошлое»... Художественные критики отмечали суровую красоту богатыр-

Ермак — картина С. Г. Королькова.

ских фигур и лиц, отсутствие какой бы то ни было суеты, спешки у казаков, спокойно уверенных в победе. В центре — мощная фигура вождя, протянувшего вперед руку. Сколько уверенности в этом властном жесте! Сремительным движением руки он увлекает свое войско вперед, глаза его из-под островерхого шлема зорко и спокойно смотрят вперед.

Над Ермаком развеваются два знамени. На переднем знамени лик Спасителя. Ермак спокоен, а стоящий рядом с ним атаман Иван Кольцо — олицетворенное нетерпение... В середине крайней лодки сидят с невозмутимым спокойствием два казака: один заряжает пищаль, другой поднимает ружье, выбирая цель.

«От всей картины веет неувядаемой свежестью былин, очарованием старинных казачьих песен и сказаний» — говорят об этой картине художественные критики. По выражению самого создателя картины В. И. Сурикова, в этом сражении «встречаются две стихии». Это не отдельный эпизод из далекого прошлого, это — событие мирового значения, в результате которого к России присоединена колоссальная страна.

И сам Ермак для Сурикова не только крупная историческая фигура: для него он и герой народных дум, былин и песен.

Большой популярностью пользовалась картина «Иван Кольцо бьет челом Ивану Грозному Сибирским царством». Установить, кто был автором этой картины, не удалось.

До недавнего времени на Дону сохранялись старинные портреты Ермака. Некоторые из них были напечатаны в 1902 году в Харькове в Трудах Харьковского Комитета по устройству 12-го Археологического Съезда.

Очень интересные миниатюры, исполненные еще в семнадцатом веке и живописующие основные события из подвигов Ермака в Сибири, имеются в Кунгурской Летописи.

Отметим также картину «Ермак» нашего современника Донского художника и скульптора С. Г. Королькова, находящуюся в Соединенных Штатах Северной Америки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Легенды Сибирские, связанные с именем Ермака. Панцыри и знамя Ермака.

«Легенда, сопоставленная и согласованная с книжной литературой — говорит профессор С. В. Бахрушин¹⁾ — являлась одним их первостепенных источников исторического исследования.»

Эпопея Ермака оставила глубокий след среди туземцев. У Сибирских татар, остяков и других племен сохранилось множество изустных преданий, так или иначе связанных с именем Ермака. Мы не имеем возможности сейчас далеко углубляться в эту сферу и остановимся лишь на некоторых «повестях». Среди преданий имеются такие, которые истолковываются, как предзнаменования гибели Сибирского царства. Например, в северном сиянии туземцы видели «огненный столб и до небеси и в том огне многи видения различны... Людие же видеша в столбе ужасное видение различное и битвы и звук. На облацех царь велий и прекрасный зело в свете велице и мнози вооружении воины летящи на крылех и несущи престол его на плещу свою»¹⁾. Огонь — огнестрельное оружие — особенно поразило воображение.

С именем Ермака связаны многие легенды о падающих с неба камнях, «от них де временем восходит стужа, дождь и снег»¹⁾.

Татарские предания выливались часто в форму

1. С. В. Бахрушин. «Исторические Известия» О-ва при Имп. Моск. Унив. В. 4 и 3, 1916 г.

песен или причитаний, которые татары «поют с плачем при беседах в песнях»: «егда глаголати им и в повестех между собою без слез не пребудут». Про Ермака пели: «и тако чуден и страшен»¹⁾.

В связи со сражениями Ермака с татарами на Усть-Ишиме, летописец Ремезов записывает в «Истории»²⁾ в русском переводе слова «Царицына плача»: «припевают: яным, яным, биш казак, биш казак, сиречь: воины, воины — пять, пять человек победиша и разориша, один казак шел против пяти воинов и победил». Именем Ермака и «доднесь божатся и клянутся».

Намекая на борьбу православия с магометанством, предания шейхов, известных в магометанском мире святостью жизни, рассказывают об единоборстве маленького черного зверя с большим белым зверем, об убийстве большого маленьким и об оживлении убитого зверя через три дня. Автор Ремезовской Летописи, разъясняя смысл «повести», говорит: «и по сему проклятию бусурманы о Сибири велми блазнятца, понеже шейхи их в повестех истолковаша им, яко малый зверек — Ермак, бусурманство яко большого зверя, третий день мертвый оживя — по времени паки возмут Сибирь бусурманы во владение не надолго».

Интересны легенды, касающиеся панцырей Ермака. Благодаря легендам выясняется и судьба панцырей.³⁾

По берегам Зайсан-Нора кочевал со своим народом Аблай-тайша, владетельный князь одного из калмыцких племен, ведущий свое происхождение от Чингис-хана. Князь поддерживал связи с русскими властями, давал у себя приют путешественникам. В 1660 году князь прислал к Тобольскому воеводе князю И. А. Хилкову посольство и просил отдать ему «в жалованье» панцыри, принадлежавшие Ермаку и по словам послов находившиеся у Кайдаула-мурзы и у Кодско-

1. С. В. Бахрушин. «Исторические Известия» О-ва при Импер. Моск. Унив. В. 4 и 3, 1916 г.

2. «Сибир. Летописи», стр. 342, 346.

3. С. В. Бахрушин. «Ист. Известия». О-ва при Моск. Унив. Выпуск 3-4, Москва, 1916.

го князя Алачева. Воевода Хилков по указу государя взял у старшего сына Кайдаула-мурзы, тогда уже умершего, Бек - Маметко (т. е. князя Мамета, мурзы Магомета. Н. М.) — панцырь, «с великим пристрастием», добавляет летописец. Панцырь был отослан Аблай-тайше. В составе посольства, отправленного с панцырем князем Хилковым к Аблаю, был родственник летописца Семена Ремезова стрелецкий сотник Ульян Ремезов — в других источниках Ульян именуется «литовского списка казаком» — которому князь Аблай, принявши панцырь, рассказал, что он узнал от татар про Ермака: «Нача Аблай повести деяти с ним ¹⁾ — о Ермаке — «по своей истории» — (т. е. по словесным преданиям. Н. М.) — «поведа о Ермаке все подробну по своему писму».

Аблай заявил, что все, касающееся Ермака, татары от русских скрывают: «татары смертной завет положиша про него, Ермака, русакам не вещати», ему же, Аблаю, рассказывали, как Ермак «приехал в Сибирь и от Кучума на перекопе побежа и утопе, и обретен и стрелян и кровь течаше и панцыри разделиша развезоша и как от панцырей и от платья чудес было»¹⁾.

Сообщив это, Аблай-тайша добавил, что и он сам исцелился от могилы Ермака: «егда же аз был мал и утробю болен и даша мне с земли с могилы его пить, — здрав явихся до ныне. Егда же земли с могилы взято и еду с нею на войну — побиваю, егда же нет земли, тощъ возвращаюсь».

Панцырь Ермака вообще был окружен у сибиряков суеверным почитанием. Принимая посольство князя Хилкова, князь Аблай «по росписи чин весь оставил» — (т. е. нарушил церемониал. Н. М.) — и, взяв панцырь, «вселюбезно его облобыза и на главу свою поднял, хваляще царское величество и любовь». При этом Аблай добавил, что с этим бесценным для него талисманом он теперь пойдет в поход на киргизов: «да пойду в казачью орду». ²⁾

Приобрести этот «талисман» мечтал еще его отец

1. «Сибирские Летописи», стр. 348.

2. С. В. Бахрушин. «Ист. Изв.» О-ва при Имп. Моск. Унив. Вып. 3 и 4. Москва. 1916 г.

Байбагиш-тайша, который «давал за тот пансырь десять семей ясырей, да пятьдесят верблюдов, да пятьсот лошадей, двести быков и коров, тысячу овец, но отец Бекмамбеткова того пансыря не дал».

Понятная, в связи с этим, радость Аблая-тайши была недолгая: к нему в улус приехал Бек-Мамет и, осмотрев панцырь, заявил, что панцырь не тот, который был взят у него князем Хилковым... И в 1668 году Аблай-тайша отправил в Москву послов Ирки-муллу и Карачи Мергенева с жалобой на подлог.

Выслушав послов, царь послал в Тобольск царскую грамоту о «сыску пансыря Кайдаула - мурзы»... но волшебный панцырь бесследно исчез...

В 1670 году, после смерти князя Аблая, в Москву снова явились послы Чагана-тайши, сына Аблая, по делу о том же панцыре, «о котором били челом наперед сего, что тот пансырь по се время не сыскан». В Посольском Приказе в Москве сохранилась отметка: «и каков ответ о том пансыре послам Чагановым учинить — о том в Посольском Приказе неведомо». Отсутствие сведений в Посольском Приказе объясняется тем, что сношения с Тобольскими властями были переданы в ведение Приказа Сибирского.

Аблай-тайша рассказывал Ремезову, что при дележе татарами одежды утонувшего Ермака один из панцырей, присланных царем Иваном Грозным Ермаку, достался Кайдаулу, а другой святилицу Белогорского шайтана, откуда панцырь был взят князем остяков Алачем. Об этом втором панцыре в переписке по поводу послов Аблая-тайши ничего не говорится и профессор Бахрушин по этому поводу пишет¹⁾: «возможно, что послы и не подымали официально вопроса об этом втором панцыре, так как княжества Алачевых уже не существовало в 1658 году, а арсенал последнего представителя этого рода, после его смерти в Москве, при уничтожении самостоятельности Коды отобран в государеву казну».

В Ремезовской Летописи имеется описание Кайдауловского панцыря Ермака: «Бит в пять колец муд-

1. С. В. Бахрушин. «Историч. Известия», стр. 27.

ростно, долиною в два аршина, в плечах с четью аршина, на грудех и меж крылец печати царские золотые орлы, по подолу и рукавам опушка медная в три вершка».

В делах Сибирского Приказа есть другое описание ¹⁾: «длинен и около грудей на переди кольца часты, на переди ж ниже пояса прострелено, испорчено одно кольцо».

В записях того же Сибирского Приказа имеется и еще одно описание ²⁾: карательная экспедиция против Самояди, кочевников около устьев реки Оби, захватила панцырь, «а на том панцыре на грудех мишени золоты, а на них вырезано на одной государево имя, а на другой орел». При ближайшем, более тщательном, осмотре, оказалось, что мишени не золотые, а медные, и «на одной вырезан двуглавый орел, а на другой подпись князя Петра Ивановича Шуйского», павшего в бою с Литвой в 1564 году». «Невольно напрашивается — пишет проф. Бахрушин — что это и есть жалованный панцырь Ермака». О пожаловании царем Ермаку панцырей сообщается лишь в одной Ремезовской Летописи. Летописи же Строгановская и Есиповская говорят лишь о «множественном жалованьи, деньгах и золотых, сукнах и иных товарах и запасах» ³⁾.

В «Справочной книге Императорской Главной Квартиры»⁴⁾ имеется описание знамени Ермака: «простое, с изображением с одной стороны Св. Михаила, а с другой Св. Димитрия. Принадлежало Тобольскому Казачьему пешему батальону и носит название «Знамя Ермака».

Очевидно, к батальону знамя перешло от «Старой сотни» Ермаковцев, о которой мы говорили раньше. «Старая сотня» стояла после смерти Ермака в Тобольске.

1. С. В. Бахрушин. «Сибир. Приказ», ст. № 623.

2. Там же, ст. № 1402.

3. «Сибирские Летописи», стр. 209.

4. Справ. Кн. Имп. Гл. Кв. «Сибирские Казачьи Войска», стр. 277. С.П.Б. 1912 г. Изд. Сытина.

Знамя Ермака.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Судьба Кучума и его семьи.

Несмотря на свою слепоту, хан Кучум проявлял удивительную стойкость и упорство. Неоднократно разбитый — каждый раз, казалось, окончательно — он снова появлялся на горизонте, обрастал новыми силами и снова нападал. После смерти Ермака вернувшийся ненадолго в столицу и вскоре низложенный ханом Сейдаком, Кучум в ответ на предложение царя Федора Ивановича приехать в Москву, где уже жил царевич Маметкул и его мать, и тут дожить остаток своей жизни в покое и довольстве, гордо ответил отказом, добавив, что он не уступал Сибири даже Ермаку (подчеркнуто мною. Н. М.).

В конце 16-го века неутомимый, непреклонной твердости, Кучум снова появился на берегах Оби с отрядом численностью около 500 воинов. В схватке с отрядом воеводы Андрея Воейкова, в котором было 397 казаков, Кучум был разбит наголову, отряд его был уничтожен, но сам Кучум с кучкой верных ускользнул и на этот раз, оставив в руках Воейкова восемь жен, пять сыновей, восемь дочерей и невесток и пять князей. После скитаний в степях в верховьях Иртыша и около озера Зайсан-Нора, уже не преследуемый русскими, он, почти один, всеми покинутый, явился в улус ногаев, которые убили слепого старца, горячего, стойкого патриота.

В январе 1599 года Борис Годунов устроил для

Московского населения зрелище¹⁾: «жены, дочери, невестки и сыновья Кучума — юноши Асманак и Шаим, отрок Бабадша, младенцы Кумуш и Молла — ехали по Москве в богатых резных санях, царицы и царевны в шубах бархатных, атласных и камчатных, украшенных золотом, серебром и кружевом, царевичи в ферезах багряных на мехах драгоценных. Впереди и за ними множество всадников, детей боярских, по два в ряд, все в шубах собольих, с пищалями. Улицы были наполнены зрителями, россиянами и чужеземцами. Цариц и царевичей разместили в особенных домах — купеческих и дворянских, давали им содержание приличное, но весьма умеренное.»

Наконец отпустили жен и дочерей ханских в Касимов и в Бежецкий Верх к царю Ураз - Магмету и к царевичу Сибирскому Маметкулу, согласно с желанием тех и других. Сын Кучума Абдул - Хаир, взятый в плен еще в 1591 году, принял христианскую веру.

О Кучумлянах летописец Ремезов в своей «Истории» сообщает, что «овии крестившаяся в христианство и поверстаны в службу в новокрещеный список, овии же мурзы и мырзичи триста человек поверстаны в службу».

Все сыновья Кучума, включая Маметкула, после приезда их в Москву и поступления на царскую службу, титуловались «царевичами Сибирскими». В первой половине 17-го века одна линия Кучумовичей была переведена из «царевичей» на нисший титул князей Сибирских, а в начале восемнадцатого столетия Петр Великий лишил и всех Кучумовичей звания царевичей и все они стали титуловаться князьями Сибирскими.²⁾

Постепенно вся фамилия вымерла. Последний князь Сибирский, археолог, умер в 1879 году.

1. Н. М. Карамзин. «Ист. Гос. Росс.», т. 11, стр. 13. Москва, изд. 1903 г.

2. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона: «Князья Сибирские».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Казаки землепроходцы — продолжатели дела Ермака.

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ.

Закрыв глаза, я вижу их
В угрюмых шрамах боевых,
Таких могучих и суровых...
Их поступь звонко тяжела,
На лбу забота залегла,
Но ищет взгляд просторов новых...
Силен и верен взмах руки,
Прямые плечи широки,
Скупы слова, улыбки редки.
Вояки с ног до головы —
Они все были таковы,
Во тьме исчезнувшие предки.
За доблесть дел, за горечь ран
Им песни не слагал баян:
Их славный путь прошел украдкой.
Лишь в старой записи порой,
Про подвиг чейнибудь лихой
Расскажут сдержанно и кратко...
Манил восток... Сияли льды...
Влекли звериные следы
В тайге загаочно-дремучей...
В засадах ждал раскосый враг...
Но шли они — за шагом шаг —
Ничем неотвратимой тучей

С равнин родного Иртыша
Все дальше-дальше, не спеша,
 По диким странам, без дороги
Несли победу казаки,
И выросли городки,
 И мрачно щерились остроги.
В забытых малых крепостцах,
Преодолевши женский страх,
 Казачки век свой каратали,
Глубоко прятали печаль,
Мужей напутствовали в даль
 И, не дождавшись, умирали...
У тех была прямая цель:
Искать невиданных земель,
 Терпеть тоску полярной ночи,
Блуждать, где не был человек,
И к берегам сибирских рек
 Влачить дощанники и кочи.
Застывших мамонтов стада
Они встречали иногда
 В печальном неживом просторе,
И колыхало смельчаков,
Средь грозно наплывавших льдов,
 Студеное седое море...
Чутьем весенних птичьих стай
Нашли они Даурский край,
 Где виноград обнялся с дубом.
И шелк амурских соболей
В подарок слали для царей
 С тысячелетним «рыбьим зубом».
Был туг и медлен ход веков.
И вот руками казаков
 Разрушен заговор природы.
И грудь нетронутой земли,
Что тишь с безлюдьем берегли,
 Одели ласковые всходы.
Давно покорны дикари,
Везде, куда ни посмотри,
 Все тонет в сытости и мире.
И медный православный звон
Гудит-летит со всех сторон

По, русской ставшею, Сибири.
Прекрасна юная страна,
Глядит в грядущее она,
Но сказ времен о ней неведом,
Ее узнать и впрямь и вкось
Лишь в трех столетьях удалось
Моим неутомимым дедам.
Они стреляли, хмурия бровь,
В несчетных стычках лили кровь,
Они рождались, чтоб бороться,
И в строгой ревности своей
Обогатили трон царей
Безвестные землепроходцы.

Мария ВОЛКОВА.

Землепроходцы — духовные дети Ермака, продолжатели его дела, не имеющего себе равного в сфере расширения государственных границ. Казак Ермак Тимофеевич начал, землепроходцы продолжили, казак Семен Иванович Дежнев, названный А. С. Пушкиным «Камчатским Ермаком», завершил.

Преодолевая бурное течение Ледовитого океана и Сибирских рек, горные кряжи и безконечные безкрайние степи Сибири, необозримую тундру и девственную лесную тайгу, продвигаясь маленькими группами без необходимого оборудования — можно сказать: «с голыми руками» — но с оружием, казаки землепроходцы в своих поисках-походах проявили исключительную находчивость, сверхчеловеческую выносливость и ум, на деле выявляя любовь к родине, расширяя ее пределы, способствуя России большой превратиться в Россию Великую. Большой китайский дипломат дал верную оценку тогдашним роли и значению казаков: «Границы Русского государства лежат на арчаке казачьего седла». Советский ученый географ Д. М. Лебедев ¹⁾ пишет: «Было бы совершенно неправильно

1. Д. М. Лебедев. «География и Россия 17 века». Изд. Академии Наук. Москва, 1949 г.

объяснять стремление землепроходцев на Восток исключительно одной наживой. Мотивы поведения значительно сложнее. Самая обстановка путешествий, полная огромных лишений и грозящая на каждом шагу гибелью, была такова, что требовала наличия и особых качеств и особого интереса. Этих людей, иногда даже неграмотных, каким был, например, Бугор (казак Василий Бугор. Н. М.), влекло, помимо наживы, ненасытное любопытство, стремление к неизвестному, переходящее в настоящую любознательность, и исключительную зоркость наблюдения. Ими руководило также — может быть, и не вполне осознанное — представление о том, что они выполняют полезное, патриотическое дело, ведущее к возвеличению их отечества. Ряд советских ученых обращал внимание на эти качества».

Приведу и несколько слов из песни «Смерть Ермака», авторство которой принадлежит декабристу К. Ф. Рылееву:

«Нам смерть не может быть страшна:

Свое мы дело совершили:

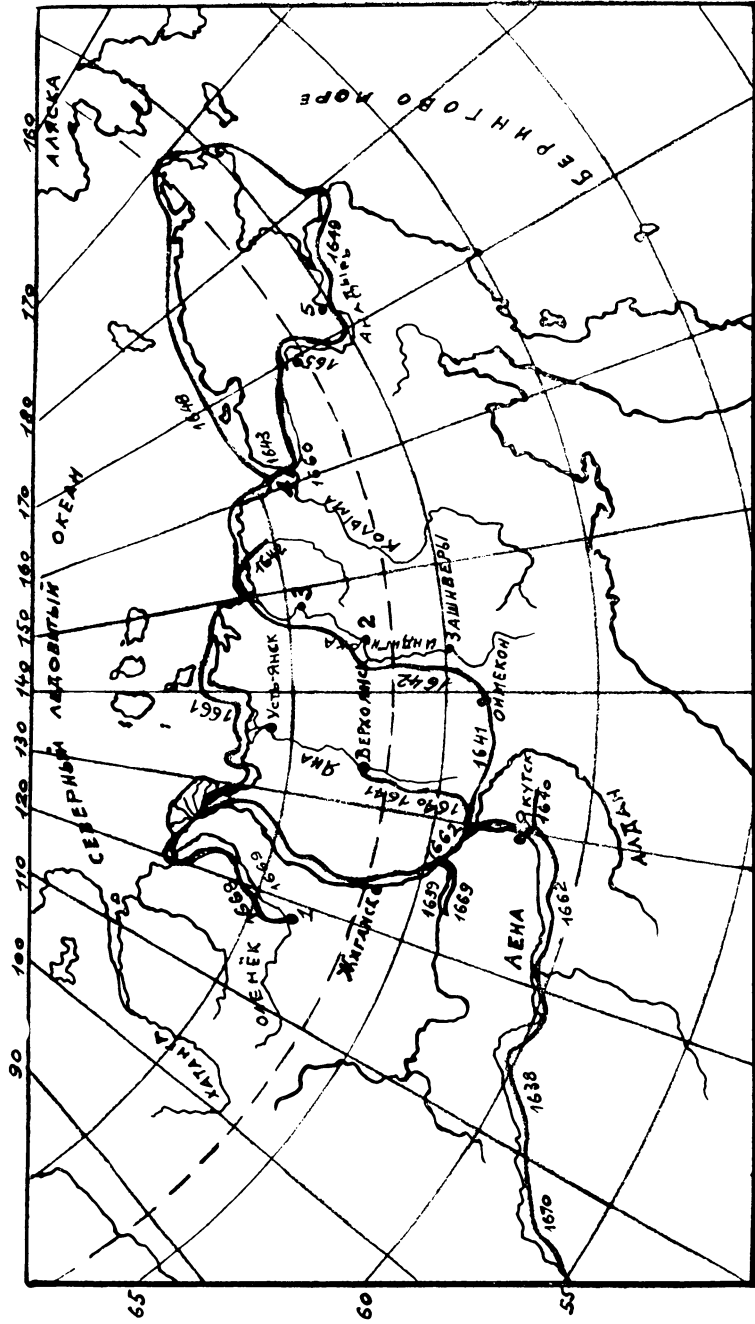
Сибирь царю покорена

И мы не праздно в мире жили...»

Заслуги казаков были высоко оценены и иностранцами: знаменитым шведским исследователем Н. А. Норденшельдом, немецкими учеными-землеведами с мировым именем Оскаром Пешелем и И. Мюллером, профессором Иоганном Фишером¹⁾, маршалом Франции Лиотэ «Африканским», организатором Колониальной выставки в Париже в 1931 году: на обелиске при входе на выставку сияли имена казаков Ермака, Дежнева и Челюскина рядом с именем Христофора Колумба.

Сколько казаков, «имена же их Ты, Господи, веши», сложило свои головы во времена походов-поисков для родины «новой землицы» и «новых неясчных людей», сколько их потеряло зрение, ничем тогда не за-

1. И. Ф. Фишер: «Сибирская История», изд. 1774 г., Н. А. Норденшельд: «Путешествие „Веги“ вокруг Азии и Европы». О. Пешель. «История географ. открытий», на немецком яз., стр. 337.

Зимовья: 1. Оленокское, 2. Средне-Индигирское, 3. Улдинское, 4. Нижне-Колымское, 5. Анадырское. (Снимок с карты, составленной географом М. И. Беловым).

щищенное, из-за ослепительной белизны полярных снегов... В каких кошмарных условиях происходили эти поиски: в океане вели непрерывную борьбу со льдами, на суше мёрзли в дымных зимовьях в избушках из плавника, хоронили соратников, погибавших от цынги и невероятных лишений и от оперенных стрел врага.

Поздней осенью и зимой, когда над тундрой свистят встречные вихри с материка и с океана, когда солнце почти не греет, а ночи безконечны, когда при пятидесятиградусных морозах железо делается хрупким и птица мерзнет на лету, когда одежда смерзлась и при резких движениях ломалась... Когда кончались запасы ржаных сухарей и толокна, жевали бересту, из которой была сделана легкая походная посуда, сосали сыромятные ремни и раздробленные кости песцов, ели кислые ягоды тундры...

Над головой, вместо крыши, часто одно холодное небо, постель из влажного мха... Летом, при ночевках в тундре, комары и мошки облепляли лицо и руки, забирались в каждое отверстие, а по утру казаки вставали с распухшими веками, с опухшими лицами... И шли дальше, все вперед и вперед, творя великое национальное дело. До земли им низкий поклон...

Вслед за великим Ермаком они стремились первыми «проторить Сибирь», открыть «великую тропу», и в следующем семнадцатом столетии завоевали для России, освоили и закрепили и Восточную Сибирь.

Непревзойденный «Камчатский Ермак» атаман Семен Иванович Дежнев, как и увековечивший вместе с ними свое имя казак штурман Семен Челюскин, — о них мы позже скажем подробнее — сотник Бекетов — «открывший реку Лену», есаул Козыревский — «проведавший Японскую землю», Пономарев — «открывший Алеутские острова», Хабаров, Протопопов, Чекин, Потанин, Атласов, Томский атаман Димитрий Копылов, Шелехов, Василий Бугор, Ребровы, Илья Перфильев, Юшка Селиверстов, Иван Москвитин, Иван и Михаил Стадухины, Яков Семенов, Семен Можора, Иван Грыцкой, Иван Андреев и много-много других казаков, имена и фамилии которых пестрят в научных

трудах отечественных и иностранных ученых. А сколько их пропало без вести, не оставив следов...

Постепенно покорили они все сибирские племена и обязали их платить Московской казне ясак, построили, закрепляя свое продвижение, «остроги» — маленькие крепости, превратившиеся потом в крупные Сибирские города. «Казак — по словам Сибирской Ремезовской Летописи — прославили себя не суетным писанием о себе», и Ермаковы «дети», как и сам Ермак, были настолько скромны, что, например, Семен Дежнев, открывши самый восточный пункт Азии, назвал его не своим именем, а «Мысом Восточным Большим», а Семен Челюскин, добравшись на оконечности Старого Света до самой северной точки Азии на Таймыре, скромно назвал ее «Восточно-Северным Мысом. Потребовалось более 150 лет, чтобы по настоянию шведского ученого исследователя Н. А. Норденшельда, узнавшего по трудам немецких ученых О. Пешеля и И. Мюллера о роли в области мировых открытий казаков землепроходцев, Российское Географическое Общество переименовало Восточный Большой Мыс в «Мыс Дежнева», а Восточно-Северный — в «Мыс Челюскина».

Когда, спустя 136 лет после открытия 9 мая 1742 года Семеном Челюскиным, этот мыс 19 августа 1878 года обогнул морем путешественник Норденшельд, он записал в своем журнале: «мы достигли великой цели, к которой люди стремились в течение столетий». А Челюскин, первый в мире достигший с суши самой крайней точки Азии, скромно записал тогда в своем путевом журнале: «Приехали к мысу. Здесь поставлен маяк — одно бревно, которое вез с собою. Именован мною оный мыс: Восточно-Северный мыс». И ни слова о себе, о самом подвиге... Я говорю это не в осуждение Норденшельда — он имел полное право и все основания отметить так великое событие — хочу лишь подчеркнуть необычайную скромность С. Челюскина, этого, по выражению ученого географа Г. Кублицкого, «железного штурмана с деревянного корабля». ¹⁾

Научные работы иностранных и русских землеве-

1. До открытия мыса с суши, С. Челюскин пытался, но неудачно, достигнуть этой точки с моря на судне «Якутск».

дов наполнены именами казаков, которые по Сибири «мерили немеренные пространства». Много их — всех не перечислишь. Кроме упомянутых раньше, отметим для памяти потомства Ивана Баранова, Тобольского казака Супоньку Васильева, открывшего реку Оленек, Мангазейского казака Бажена Кокулина, Анику Никитина, Нехорошко Колубова, Елисея Рожу, Т. Хомяка, Ив. Коколку, атамана И. Галкина, С. Чуфариста, Ив. Казанца, Ст. Копытова, С. Харитонова, К. Нифантьева, Пр. Калугу, Дм. Зыряна, Фофанова, Второго Гаврилова, А. Шестакова, Романа Немчина, С. Шелковникова, М. Телицына, А. Горелова, Ф. Чурку, Заварзу... Нет времени и места, чтобы рассказать о подвигах и о хождениях по мукам всех и каждого — остановим наше внимание лишь на самых выдающихся.

Историк Н. М. Карамзин рассказывает о путешествии по Сибири «храбрейших и мудрейших» казаков Бурнаша Елычева и Ивана Петлина «со товарищи». В других источниках второго атамана называют Иваном Петровым.

Эти два атамана, снаряженные в путь в 1567 году царем Иваном Грозным, пересекли всю Сибирь до Кореи, побывали в Пекине и привезли удивительные по полноте и точности описания земель до Тихого океана с подробными сведениями о Китае, Монголии и Тибете. Сведения эти, впервые проникшие в Москву в 16-ом веке, были огромным вкладом в Европейскую сокровищницу знания, обогатившуюся верными сведениями о странах, в которых побывали атаманы — первые путешественники, проникшие в Китай сухопутным путем. До Елычева и Петлина — Петрова Европа имела редкие сношения с Китаем лишь кружным далеким путем морским. В описании атаманов поражает точность сведений о жизни и нравах до тех пор неизвестных по существу стран, их необычайная наблюдательность и красочность суждений.

Отправившись в путь с миссией «проведывать за Сибирью государства», атаманы с необыкновенным мужеством и терпением сумели преодолеть все невзгоды и опасности дальнего пути через реки, горы и степи и кочевья варваров. В представленной ими царю

«росписи» ¹⁾ приведены подробные географические сведения, говорится о состоянии дорог, о предметах производства, о земледелии, о религии и архитектуре, указаны расстояния между городами, измеряемые временем, необходимым для переезда из одного места в другое.

Перечислив города и царьков в улусах западной «черной» Монголии, атаманы подробно рассказывают о Монголии восточной «желтой», о «Мунгальской» царице Мачикатуне, которая «указывает по своей Мунгальской земле, по всем городам, а кто от нее пойдет в Китайскую землю, она дает грамоту и печать и они пропустят за рубеж в Китайскую землю, а буде нет от нее печати и грамоты — не пустят».

Атаманы сообщают, как и из какого материала построены в Монголии города, храмы, башни, стены и частные дома: «во дворе палаты кирпичные, а потолки у палат высокие, писаны всякими травами и красками, цветы разными украшены — не хочется вон идти». Рассказывается и о внутреннем убранстве храмов и о богослужениях, о полеводстве, огородничестве и садоводстве. «А люди в Мунгальской земле мужеский пол нечистый, а женский чистый добре, а платья носят по своей вере хорошо, бархатное и камчатное, а у кафтанов ожерелья. А лошадей в Мунгальской земле катырей ищечков много, а орют плугом. И вино курят из всякого хлеба, без хмелю... А камню дорогого нет, а жемчуг недобрый есть, а серебра много из Китайской земли».

Дают сведения и о «патриархах»: «два, бритые, как сядут они в храме, все им поклоняются, даже цари».

По поводу сообщения туземцев, что один из патриархов — «кутухт», которых видели казаки, «умер и пять лет лежал в земле, но потом ожил», атаманы пишут: «враки это, что умер и опять ожил».

1. Бурнаш Ельчев и Иван Петлин. «Роспись, которые за Сиб. государства — Китайскому, Мунгальской земле и государствам жилым и кочевым и великой Оби реки и прочим рекам». Н. М. Карамзин. «Ист.», изд. 1821 г., т. 9, прим. 648.

Посетив Китай, обстоятельные казаки подробно описали Китайскую стену и башни на стене — «от моря и до Бухар», — отделяющую Китай от Монголии. Привезли они и сведения о лавках и о товарах в них, о харчевнях.

«А за татьбу у них татей вешают, разбойников на кол сажают, за приписку руки секут». Не забыли атаманы собрать сведения и о пернатых: попугаях, павлинах, соколах. «А царь-богдыхан Китайский Тайбун живет в Мраморном дворце, в городе добре великом, белом, как снег, а по углам его 4 башни высоки и с подзоры с красками лазоревыми и с желтыми, и украшен тот город всякими мудростями».

Атаманы выражают сожаление, что, добравшись до Пекина, они не могли видеть самого императора, так как не имели от государя подарков для богдыхана. Не забыто в «Росписи» и перечисление стран, находящихся в торговых сношениях с Китаем. «А люди в Китайской земле мужеский и женский пол чисты, платья носят своим образцом, а люди жилецкие, а бой у них огненный, а воюются они с мунгалы и желтыми, а у мунгалов ручной бой». «Люди робливы и про Обь великую реку и вершины и устья не знают».

Я нарочно так подробно изложил содержание «Росписи» атаманов, не бывших к тому же в числе «продолжателей» дела Ермака, чтобы дать ясное представление о том, какую наблюдательность и добросовестность проявляли казаки при исполнении возлагавшихся на них поручений, какие обстоятельные и подробные рапорты о всем найденном, виденном и слышанном во время «поисков новых земель» они вообще представляли властям при возвращении своем.

Перейдем теперь к С. Челюскину. В «поиске новых земель» казак Семен Челюскин впервые принял участие в 1741 году в качестве штурмана на судне «Якутск» под командой известного морехода Лаптева. Недалеко от полуострова Таймыря, за 75 градусов северной широты, «Якутск» в Ледовитом океане был

раздавлен льдами. Харитон Лаптев и Семен Челюскин покинули судно и сошли на лед последними, когда вода поднялась до палубы.

Тяжко было морякам в условиях надвигавшейся суровой зимы, когда над головами, вместо крыши, было холодное небо, но они не сдались и решили до тех мысов, к которым морским путем их не пустили льды, добраться по суше, через мерзлую тундру. Препятствия оказались, однако, непреодолимыми, и моряки направились в Туруханск. Лаптев, после всех перенесенных лишений, тяжело здесь заболел. Настойчивый, волевой Челюскин не сдается. Устроив Лаптева в Туруханске и взяв с собой трех казаков, в декабре 1741-го года при пятидесятиградусном морозе, когда птица мерзнет на лету и человек слышит свое дыхание, Челюскин снова отправляется в путь к северному краю материка. Пять месяцев идет он со своими спутниками через тундру, пересекает весь Таймырский полуостров и добирается до мыса Фаддея, до которого доходил погибший во льдах «Якутск». Дальше продвигается уже вдоль побережья, заноса при этом аккуратно в свой журнал описания встречаемых бухт, мысов, островов. Пересекши 77-ую параллель, 9 мая 1742-го года Семен Челюскин записывает в свой журнал: «Погода пасмурная, снег и туман. Пополудни в пятом часу поехали в путь свой около морского берега. Приехали к мысу. Здесь поставлен маяк — одно бревно, которое вез с собой. Сей мыс каменный, приярый, высоты средней, около него льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мною оный мыс: Восточно-Северный мыс».

На всем материке не было тогда человека, который находился бы севернее Семена Челюскина. Редкое событие и подвиг в истории полярных открытий...

«Первым в мире достигнуть с суши крайней северной точки Азии и не написать об этом ни одного торжественного слова, не похвалиться перед потомством хотя бы чуть-чуть!..», пишет ученый советский географ Георгий Кублицкий. Да, скромны были казаки...

С. Челюскин описал и нанес на карту берега Таймыра — и еще целое столетие внутри этой рамки зия-

ла пустота. Целое столетие после Челюскина не проникала нога человека в эти гиблые места, где — все же — еще раньше, чем стает снег, расцветает ярко-желтая сиверсия — Таймырская роза.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ ДЕЖНЕВ.

Закончим наше повествование о землепроходцах и мореходцах одним из величайших не только среди казачьих и общерусских, но и всемирных, полярных мореходцев 16 и 17 веков: в истории борьбы человечества за освоение Арктики казаку Семену Ивановичу Дежневу принадлежит одно из самых почетных мест. Подвиг Дежнева оказал громадное влияние на весь последующий ход географических открытий в Сибири и произвел полный переворот во всей русской и западной картографии.

Великим — равным Христофору Колумбу и Фердинанду Магеллану, знаменитому португальскому мореплавателю, в 1520 году открывшему Тихий океан и пролив, отделяющий Южную Америку от Огненной Земли — признали Дежнева такие всему культурному миру известные землеведы, как Оскар Пешель¹⁾, проф. Иоганн Фишер²⁾, шведский исследователь Н. А. Норденшельд³⁾.

Оскар Пешель говорит о Семене Дежневе, как о великом продолжателе Христофора Колумба, разрешившем вторую половину Колумбовой задачи: открывшем раздельность материков. О. Пешель пишет:

1. О. Пешель. «История географич. открытий», на нем. яз. стр. 337.

2. И. Фишер. «Сибирс. История». Русс. перевод С.П.В 1774 г.

3. Н. А. Норденшельд. «Путешествие «Веги» вокруг Азии и Европы».

«Путешествие казака Дежнева с реки Колымы вокруг северо - восточной Азии к Анадырю... обнаружило, что Старый Свет отделен от Нового. Это важнейшее для землеведения из всех открытий с 1494 года (т. е. после открытия Колумба. — Н. М.) оставалось совершенно неизвестным.

Кто же был С. И. Дежнев? Советский географ М. И. Белов¹⁾ считает, предположительно, что С. Дежнев родился в первом десятилетии 17 века. Место рождения остается неизвестным. Высказывалось предположение, что Дежнев, **повидимому**, для Сибири человек пришлый и родиной его надо считать Устюг Великий — на том основании, что в своей челобитной царю от 25 февраля 1665 года Дежнев говорит о племяннике своем Ивашке Иванове, который «в Устюге живет ни в тегле, ни в посаде — скитаецца меж двор». В сущности, следовательно, бездомный бродяга, и на основании этого сообщения никак нельзя выводить заключение, что Дежнев Семен родился в Устюге. Предположение это надо, думаю, считать окончательно отпавшим после исследования, произведенного Н. Найденовым²⁾, установившим, что в писцовых книгах Устюга Великого, составленных в 1630 и 1676 годах и перечислявших все население, фамилии Дежневых нет. С другой же стороны, все Сибирские данные неоспоримо говорят за то, что Дежнев был Сибирским казаком: в 1629 году, т. е. в возрасте совсем молодом, мы находим Дежнева в списках КАЗАКОВ Тобольского отряда, а затем, до 1637 года, в списках казаков отряда Енисейского, в 1638 г. он на Лене в отряде казачьем Бекетова, в 1640 году в группе Енисейских казаков, подавших челобитную царю Михаилу Федоровичу, состоит и казак Семен Иванович Дежнев. Считаю, что приведенных доказательств более, чем достаточно, а потому опускаю данные промежуточных годов и упомяну лишь 28 февраля 1665 года — дату назначения Дежнева казачьим атаманом — и добавлю, что и Сибирский При-

1. М. И. Белов. «Рус. мореходы в Ледов. и Тих. океане». Москва, 1952 г.

2. Н. Найденов. Писцевые книги Устюга Великого.

каз и иностранные землеведы всюду именуют Дежнева казаком. Умер С. И. Дежнев в 1673 году в Москве.

Кипучая деятельность Дежнева была многообразна. Неизменно состоя «на службе государевой», он «приискивает реки», а также «новые землицы», «ставит острожки» и «зимовья», «имает аманатов», «збирает государев ясак», громит «непослушных юкагирских мужиков-оймоков», «обыскивает» Обь, Енисей, Лену и Колыму. У Колымы кончаются «тропы пробитые», за нею — «земли незнаемые»... Дежнев углубляется и в них и добирается до Тихого океана. Пошел бы он и дальше, да некуда: дальше Камчатки идти невозможно... Где только он не был! Из Якутска поход на Амгу и Тату на батаруских якутов — весной 1640 г., в Оргутскую область на Якутского князя Сахей Отнакова — зимой того же года, в 1641 году — в Верхоянск, вместе с Димитрием Зыряном, на Яну для сбора ясака с янских якутов, весной 1642 года — в отряде Михаила Стадухина поход на реку Оймекон, в том же году с тем же Стадухиным плавание вниз по Индигирке и с устья Индигирки на Алазею, в 1643 году морской поход с Алазеи на Колыму, с 1643-го по 1647-ой год служба в Нижне - Колымске, летом 1647 года первый поход с Алексеевым на Анадырь, а с 20 июня по 1 октября 1648 года обессмертивший Дежнева исторический морской поход его «Великим морем-океаном» с Колымы на Анадырь... С 1648 по 1659 год Дежнев — правительственный «приказчик» Анадырского зимовья, осенью 1659 года Дежнев переходит с Анадыря на Колыму через Анюйский хребет с «костяной казной*»). Годы 1661-1662 — зимовка в Жиганске и плавание от Жиганска в Якутск, с июля 1662 по январь 1665 г. первая поездка в Москву с государевой казной, 28 февраля 1665 года «поверстка» в атаманы, 1665-1666 — возвращение из Москвы в Якутск, 1667 г. службы на Чечуйском волоке, 1669 — служба на Оленеке, 1669 — служба в Верхоянске и в Средневиллюйском зимовьи, 1670-1671 — вторая поездка в Москву, 1673 г. — смерть в Москве¹⁾.

*) Костяная казна — «Рыбий зуб» — моржевые клыки.

1. Перечень составлен географом М. И. Беловым. «Русс. мореходы в Ледов. и Тих. океане». М. 1952.

Во время поисков - походов нередко происходили боевые схватки или, как называет их Дежнев, «драки». Так, при возвращении в Якутск из Янской экспедиции с «государевою ясашною казною» на Дежнева, ехавшего «сам-четверт», напали «ламуцкие тунгузы» — «человек сорок и больши» — и «в том бою» — пишет Дежнев — убил я у них лутчево мужика до смерти, а иных тунгузов мы многих поранили... «казна» была спасена, но Дежнев был ранен: «а меня на том бою они ламуцкие мужики стрелою ранили в левую ногу по колену, а другою стрелою в ту же ногу в икру» ¹).

В другом случае Дежнев пишет «великому государю»: «будучи на тех твоих государевых службах в те многие годы всякую нужу и бедность терпел и сосновую и лиственную кору ел и всякую скверну принимал — двадцать один год». На одной из «имок аманатов» «левую руку по завити железницею наскрозь прострели», а когда Дежнев, после ухода Стадухина с товарищами в Якутск, остался с 14 казаками начальником острожка, «те иноземцы юкагири, видя нас немногих, собрався сот пять и больши, приходили к острожку приступом и обсадили нас в острожке и многих переранили, меня, холопа твоего Семейку, в голову стрелою железницею ранили и в острожек многие иноземцы к нам сильно вломились». Нападение было отбито, а по возвращении из отряда Стадухина казаков во главе с Михайловым предпринимается поход «большими силами» — «человек с 30 и больши» — на тех «государевых изменников, что к острожку приходили приступом». В этой «драке» Дежнев был ранен «в левую руку, в мышку».

Много трудов, много «нужи», много всего было в, с избытком наполненной, жизни «приискателя» - «открывателя» — всего не перескажешь, а потому перейдем прямо к увековечившему, обессмертившему его имя, историческому походу Дежнева «Великим морем-океаном» с Колымы на Анадырь.

20 июня 1648 года, больше 300 лет тому назад, с

1. Первая челобитная Дежнева 1662 г. — Сибир. Приказ, столб. 768.

реки Колымы вышли на шести кочах девяносто казаков и промышленников в Ледовитый океан — в «Студеное море». Жившие вместе с казаками в Нижне-Колымском остроге промышленники прослышали от Исаия Игнатьева, вернувшегося с реки Погичьей, про остров в море у реки Анадыри, изобилующий «рыбьим зубом», *) и образовали «дружество» для приискания реки Анадыри и собрали капитал. В это дружество вступил пайщиком и Дежнев, и промышленники, во главе с Федотом Алексеевым, представителем Московского «гостя» Усова, обратились к «правительственному прикащику» Василию Власьеву с просьбой «отпустить по государеву указу на новую Анадыр-реку для приску новых неясчных людей». Власьев соглашается и назначает начальником экспедиции С. И. Дежнева, как человека опытного, уже не один раз удачно выполнявшего поручения правительства, и как победителя юкагиров. В инструкции — «наказной памяти» — поручалось Дежневу собирать в казну с туземцев ясак, а с промышленников «десятые» и вообще блюсти государев интерес. На собранные пай построили и оборудовали кочи, приготовили запасы и 20 июня вышли в море.

Недалеко от «Большого Каменного Носа», не доходя до этой самой северо-восточной точки Азиатского материка, половина кочей отделилась. Потому ли, что между членами дружества произошло какое-то разногласие, или по какой либо другой причине — осталось неизвестным. Дежнев, вообще скупой на писания, нигде об этом не сказал ничего, а отделившиеся «безвестны стали»... навсегда. Много-много позже, по прошествии после этого события 150 лет, казачий сотник Иван Кобелев, побывав на одном из Гвоздевских островов в Беринговом проливе, узнал и сообщил, что на Американском берегу под ручьем Хуеверен, в деревне Кинговей, живут старинным дедовским укладом русские, «которые от американцев большими бородами отличаются, из книг молятся и иконам поклоняют-

*) Рыбьим зубом назывались моржевые клыки, которые шли на художеств. изделия и очень высоко ценились.

ся, а также язык свой и писание сохраняют», ¹⁾ и долго впоследствии на Анадыре сохранялось предание, что эти русские — потомки тех дежневских казаков, которые в 1648 году из реки Колымы объехали северный берег Азии к востоку...

Дежнев продолжает продвигаться дальше и его три коча входят в горло Берингова моря. Огибают Каменный Нос, выходят из «Студеного моря» и попадают в страшную бурю. Коч Анкудинова гибнет, «розбойные», т. е. потерпевшие крушение, размещаются на двух оставшихся судах, а сам Анкудинов переходит на коч Федота Алексеева. ²⁾

Мореходцы 20 сентября 1648 года вынуждены высадиться недалеко от Каменного Носа среди становой чукчей. «С западной стороны — пишет Дежнев в своей «отписке» — вышла река, на ней становые чукчей с укреплениями на подобие башни из кости китовой и живут здесь люди чухчи, добре много, а против берега есть остров, на котором проживают чухчи, прозываемые зубатыми, потому что пронимают сквозь губу по два зуба — не малых, костяных...»

С чукчами произошла, по выражению Дежнева, «драка», во время которой был серьезно ранен Ф. Алексеев, и с этого момента единственным начальником экспедиции становится Дежнев. После короткого отдыха поредевшая флотилия снова выходит в океан, но сразу же попадает в новый шторм, и коч Алексеева - Анкудинова гибнет. О судьбе Алексеева, Анкудинова и их спутников Дежнев долгое время не имеет никаких сведений, и только значительно позже, будучи уже начальником Анадырского зимовья, во время экспедиции против коряков Дежнев, «отгромив у коряков якутскую бабу Федота Алексеева», узнал от нее, что «Алексеев и Анкудинов померли цынгою, а другие были побиты», «остались лишь невеликие люди, которые побежали в лодках с одною душою неведомо куда». Есть сведения, что этим «невеликим людям» удалось

1. «Полное собр. ученых путешествий по России», изд. Император. Акад. Наук. Описание земли Камчатки, сочиненное проф. Ст. Крашенинниковым, 1818 г., стр. 224.

2. Первая «отписка» С. Дежнева 1655 г.

добраться до Камчатки, где память о них жила до 1700-ых годов, до прибытия на Камчатку Атласова. «Память» одна, так как сами они были перебиты камчадалами...

Остался один «адмиральский корабль»... Отважный атаман снова пускается в путь, но после «Покрова Богородицы» на последний коч казачьей флотилии налетает ледяной ураган. Наступает, как выразился Дежнев, «последний суд-суд Божий»... И «понесло казаков всюду неволею», без руля и без ветрил... Долго ли их носило по морю, сказать невозможно: казаки счет дням и неделям потеряли. В конце концов море выбросило свою жертву в «передний конец, за Анадыр реку» «в десяти неделях доброго пути от Анадыра». С Дежневым осталось всего лишь 24 казака — все остальные «изгибли»...

25 измученных, исхудавших до последней степени, в краю чужом и неизвестном, населенном враждебными полудикими племенами, на пороге суровой зимы... Надевши лыжи, двинулись в путь «холодные и голодные, босы и наги». Кругом полярная пустыня, «лесов и зверей не встречали» — пишет Дежнев — да и снастей нет никаких... Чем питались?!

Доплелись до реки Анадыри «внизу близко моря... и здесь з голоду врознь разбрелись»... Половина — 12 — пошли вверх по реке искать людей и какой бы то ни было пищи. Остальные остались с Дежневым.

Ушедшие, проблуждав три недели, не встретив даже признаков человеческого жилья, повернули в обратный путь, но, «не дойдя трех дней» до стоянки Дежнева, «изнемогли от голоду, обночевались и стали пособачьи копать ямы»... Трое, сохранившие еще какую-то способность двигаться, нашли в себе силу добраться до Дежнева и сообщить ему о положении погибавших. Дошли — нашли, и Дежнев посылает с ними «последнее свое постелёно и одеялишко», но было уже поздно: от истощения все погибли...

Сообщая очень кратко и единственный раз обо всем случившемся царю, Дежнев пишет: «От морского разбоя на море потонуло и на тундре от иноземцев побито, а иные голодною смертью померли и зимним

путем на лыжах с нарты, со стыди и с голоду и со всякой нужи безвестны стали, а всего семьдесят и семь человек». Из 90 осталось 13...

Какой страшной ценой, сколькими смертями и какими нечеловеческими страданиями достался успех, но он достался и обессмертил имя Дежнева: «путешествие казака Дежнева... обнаружило, что Старый Свет ОТДЕЛЕН от нового» — Дежнев решил вторую часть Колумбовой задачи.

И как грустно, что сам герой так до самой своей смерти и не знал, как велико сделанное им открытие...

В своих челобитных царю Дежнев ни слова не говорит о своих открытиях, не отдавая себе отчета в их важности: он просит лишь «за ту мою службу и за кровь и за раны и за ясачную прибыль вели, государь, меня поверстать в свою, великого государя, службу по Якутскому острогу в сотники».

Колумбу дали вице-королевство, Дежневу отказали в скромном чине сотника, согласившись лишь «поверстать в атаманы и оклад (годовой. Н. М.) учинить 9 рублей денег, да хлеба 7 чети, да 4 чети овса, да 2 пуда с четью соли».

Так отмечено в приказе окольничего Родиона Стрешнева в «имянной книге» Якутского острога...

«Отписки» С. И. Дежнева никого не интересовали и мирно спали в Якутском казенном архиве. Понадобилось усердие академика Г. Ф. Миллера, который, роясь в архивной пыли, нашел эти «отписки» и с документами в руках доказал, что всеми забытый казак Дежнев существовал на белом свете и что его заслуги неоспоримы. Слава пришла через 250 лет!

Ничего не подозревал о подвиге Дежнева и Петр Великий, снарядивший в тридцатых годах 18-го века экспедицию Беринга, «открывшего» то, что задолго до него открыл Дежнев.

Почти за 100 лет раньше капитана Беринга Дежнев открыл «Берингово море» и «Берингов пролив», доказано это неоспоримо учеными замлеведами с мировым именем, но и море и пролив продолжают носить прежнее имя, и ни царское, ни советское правительство, несмотря на полную солидарность прежних рус-

ских и нынешних советских ученых с Пешелем и другими авторитетами, не удосужились переименовать Берингово море и Берингов пролив в море Дежнево и в Дежнев пролив. Один только мыс, открытый Дежневым, был, по настоянию шведского исследователя Н. А. Норденшельда и по представлению Императорского Географического Общества, по «Высочайшему повелению» переименован в мыс Дежнева.

Как и Христофор Колумб, Семен Дежнев не избежал опалы. Колумб, вице-король и адмирал, повелитель всех новооткрытых земель Атлантического океана, завистниками «гениального счастливца» был оклеветан, ревизором доном Бобадилья был закован в цепи и, как каторжник, доставлен в Европу. Гордый и смелый Колумб пережил тяжелую драму и, реабилитированный, но сломленный, рыдал, как ребенок, перед испанским королем и его двором...

Оклеветан был и Дежнев. Причиной ссоры с Михаилом Стадухиным была найденная Дежневым в устьях Анадыри «корга» — отмель, на которой собиравшиеся моржи «теряли» свою ценную кость: «рыбий зуб» — клыки. На этой «корге» Дежневым были обнаружены большие залежи «заморного зуба». По некоторым косвенным указаниям в документах можно заключить, что разработка этого зуба вызвала столкновение Дежнева с его бывшим начальником Стадухиным.

По доносу Стадухина Якутские власти прислали ревизора сотника Амора Михайлова с «наказной памятью», предоставлявшей Михайлову большие полномочия. Не разобравшись в деле, сотник Михайлов отрешил Дежнева от должности начальника Анадырского зимовья, приняв от него, вместе с зимовьем, «служилых людей», «аманатов», государственную казну, документы и прочее. В «наказной памяти», вместе с приказом о производстве расследования о сборе моржевой кости, было и распоряжение выслать Дежнева, а также Семенова и Селивестрова, в Якутск, «служилых же их людей ни в какие государевы службы не брать». Пережил ли Дежнев унижение быть доставленным если не в цепях, то под конвоем в Якутск и

как закончился «строгий розыск» Михайлова, в актах нет указаний, но с появлением Дежнева в Якутске в 1662 году картина переменилась. Очевидно, он реабилитирован, раз воевода Иван Большой Голенищев-Кутузов выдает ему жалованье и, кроме того, посылает в Москву к царю, за 8.000 верст, специального гонца, казака Ламу, с челобитной Дежнева. А вслед за тем воевода снаряжает в Москву и самого Дежнева и поручает ему доставку всей восточно - сибирской государственной казны в виде моржевой кости весом в 46 пудов и 17 с половиной гривенок. После двухлетнего путешествия через всю Сибирь Дежнев приезжает в Москву и сдает в полном порядке казну. Целых 19 лет не получал он «полагаемого»... Сибирский приказ, получив челобитную, подсчитал, что за 19 лет по казачьему окладу «доведется дать ему денег 95 рублѣв, а за хлеб 33 рубля, 1 алтын, 4 деньги, а всего 128 рублей, 1 алтын, 4 деньги. Сам начальник Сибирского приказа окольничий Стрешнев докладывает дело самому царю и «великий государь слушав сее выписки и челобитные ленского казака Сеньки Дежнева пожаловал, велел ему Сеньке свое государево денежное жалованье и за хлеб за прошлые годы с 151 году по 170 год, на 19 лет, за его службу... выдать».

Деньгами Дежнев получил 42 рубля, остальное выдали сукнами. Кроме того, заплатили Дежневу 500 рублей, тоже не деньгами, а мехами, за доставленную им «кость» его собственной добычи.

Как мы видели выше, и нашему «второму Колумбу», на теле которого не было живого места от «сеч и встреч», и кровь, и раны, и великое терпенье которого громко говорили о его преданности долгу и делу, пришлось испытать — пережить горечь за время «строгого розыска»...

Скуп был С. И. Дежнев на всякого рода описания: в его «отписках» и челобитных мы не найдем никаких указаний на те условия, в которых ему приходилось жить, нет в них и описаний природы, среди которой

приходилось ему действовать, а потому позаимствуем их у тех путешественников, которые жили в тех же местах, где раньше их работал Дежнев. Вот как описывает эту жизнь и природу тундры и тайги В. И. Иохельсон:¹⁾ «Размеренно строго в безмолвной полярной тундре течет жизнь: сегодня — как вчера, а завтра — как сегодня... Кругом, насколько видит глаз, промерзлая гиблая тундра, где лето картковременный гость и где природа засыпает холодным сном на девять долгих месяцев. Зима... Тихо и спокойно кругом. Все мертво и неподвижно. Медведь спит в берлоге, белка не выходит из гнезда. Дятел перестал долбить кору лиственниц. Заяц дремлет под корнями упавшего дерева. Глухарь и куропатки зарываются в снег. Наступаешь на снег в лесу, и из-под ног вылетает испуганная куропатка. Зимующая там белая сова сидит, спрятав голову под крылом, а четвероногие хищники лежат, свернувшись, уткнув морду в густую шерсть. В воздухе носится кристаллическая пыль вместо хлопьев. Лес поседел от дыхания мороза. Солнце под той широтой не скрывается вполне, но зимой оно весь день стоит на краю горизонта, холодное, без лучей, бледно-желтое, как дно медного таза. Оно не ослепляет глаз и не в состоянии затмить своего собственного отражения: бледный диск луны и днем не сходит с небесного свода... Тяжела жизнь в этом царстве вечной тишины и ледяного покоя и голодная смерть ожидает того, кто в короткое и скупое теплое лето не приготовился к суровой и долгой зиме. Зимой здесь не достать ни зверя, ни птицы, ни рыбы... Для ночлега на открытом воздухе выбирали места, закрытые от ветров, в лесу с сухостоем, чтобы под руками был сухой лес. Одни разгребали лопатами или лыжами снег, устроив высокий вал, другие рубили и валили деревья. В центре вала зажигали громадный костер из толстых лиственных стволов, концы которых расходятся в разные стороны. По обеим сторонам костра, вдоль пылающих стволов в снежный вал втыкают наклонно жерди и их снаружи закрывают радугой. Под уклоном этого щита устраи-

1. В. И. Иохельсон. «По рекам Ясачной и Корколону», «Известия Импер. Географ. Общества», т. 34, стр. 255, 1898 г. С.П.Б.

вают постель из оленьих шкур. Громадное пламя костра быстро обращает кругом себя снег в пар, который снова инеем осаждается на охлажденной поверхности лица, волос и мохнатой одежды. Густое облако окутывает стан, а побелевшие люди делаются похожими на больших зайцев. Самое худшее — это спать в этих полярных «гостиницах», но к холоду, как ко всему на свете, можно привыкнуть. Многие инородцы раздеваются до-гола и закрываются одеялом из оленьих и заячьих шкур. Оно оканчивается мешком для ног. Инородцы ложатся головой к костру вопреки нашей поговорке: держи голову в холоде, а ноги в тепле — точно они боятся заморозить мозг. Все заснули. Костер перестал гореть, только тлеет. То у того, то у другого из спутников открывается часть тела — спина или грудь — и куржавеет, но они продолжают спокойно спать. В первое время эти ночлеги не могут нравиться. К ним трудно приспособиться. Под меховым одеялом, если закроешься совсем, трудно дышать — задыхаешься. Вот немного откроешь одеяло, но как только засыпаешь, чувствуешь, что мороз щиплет нос. Просыпаешься и не можешь открыть глаз: веки смерзлись, от дыхания лица покрылись инеем и приподнятый край одеяла затвердел, как древесная кора».

Возможность восстановить, хотя бы частично, картину тех условий, среди которых пришлось действовать Дежневу, дают наблюдения известного полярного путешественника Н. А. Норденшельда, вынужденного зазимовать на побережьи Ледовитого океана недалеко от того места, где была и стоянка Дежнева. В своем дневнике Норденшельд пишет: «Холода были не так сильны — 46 градусов в декабре и 27 в начале мая — как, например, в архипелаге Франклина или в самых холодных частях Сибири, но зато бури были чрезвычайно часты. Каждый день и каждую ночь мы должны были отправляться в обсерваторию, которая была на берегу, экипаж же жил на пароходе, при жестоком ледяном ветре и холоде от 30 до 46 градусов по Цельсию. В тихую погоду температура в 40 градусов не очень

1. Н. А. Норденшельд. «Путешествие «Веги» вокруг Азии и Европы».

опасна, но при самом легком ветре холод уже в 35 градусов страшен для всякого, кто идет против ветра или подвергает действию ветра лицо, пальцы и руки... Возле земной поверхности ветер дул почти что постоянно между северо-западом и северо-северо-западом, благодаря чему даже при чистом небе возле поверхности земли постоянно образовывается снежный ток высотой в несколько сантиметров в направлении ветра, т. е. с северо-запада на юго-восток. Снежный покров был не очень велик, но в виду отсутствия оттепелей он находился постоянно в состоянии расщепления в виде снежного «праха». Ураган или снежный ветер поднимает его до верхних слоев атмосферы, где из снежной пыли образуются облака такой плотности, что становится трудно что-нибудь различать даже на расстоянии нескольких метров. В такое время нельзя идти на открытой местности и заблудившийся в эту пору может считать себя погибшим, если только он, подобно чукчам, не обладает способностью зарываться в снег и там отсиживаться от ярости полярной пурги. Зверь и птица в зимнее время здесь редки. Ко дню нашего прибытия 29 сентября 1878 года большая часть птиц уже покинула эти негостеприимные области... Наши охотники во время стоянки — с октября месяца по июль — предпринимали различные экспедиции, но дичь была редкой. Ни одного белого медведя не появлялось в нашем соседстве, зато волки в тундре были довольно многочисленны.»

К О Ч И .

Казаки мореходцы плавали на судах, называвшихся кочами. Суда эти были деревянные с одной палубой и одной мачтой, приспособленные к условиям судоходства в Арктике, где можно было ими пользоваться и «заберегой», т. е. полосой чистой воды вдоль берега, и «голоменью» — открытым морем. В далеких рейсах, пересекая бухты и моря, мореходцы пользовались компасом — «маткой» —, кроме «матки» широко пускали в ход лот, облегчавший плавание вдоль берегов с неровным морским дном. Небольшая осадка — немного меньше сажени — позволяла кочам свободно проходить там, где садились на мель деревянные корабли более позднего времени. На кочах плавали и по рекам Сибирским. При попутном ветре коч проходил до 200-250 километров в сутки. Строились кочи из сухого соснового леса, гибкого, стойкого при сжатии льдами. Длина коча чаще всего 18-19 метров, ширина 4 - 4 с половиной метра, с грузоподъемностью до 2.000 пудов. Команда судна состояла из 10-15 человек, пассажиров могло быть до пятидесяти. На палубе коча имелось две лодки для поездок на берег, для стаскивания коча с мелей, для рыбной ловли. Ходил коч под холщевым парусом в 13 метров в высоту и в 8-9 метров в ширину. Высокая мачта укреплялась в носовой части, в кормовой части на палубе была «казенка» — каюта, экипаж размещался под палубой — в «заборницах». Коч, хорошо оснащенный, стоил от 200 до 300 тогдашних рублей, простые же кочи, для небольших групп, ценились в 50-60 рублей.

Большим недостатком коча была чрезвычайная

трудность плавания при встречном ветре: тогда морякам приходилось, теряя время, отстаиваться в бухтах.

Во время бури требовалось много самообладания, стваги и опыта. Среди Сибирских мореходов особенно прославились казаки Иван Ребров, плававший на кочах от устья Лены на Оленек, Алазею и Колыму в 1652 и 1663 годах, и его соратник Тимофей Булдаков, водивший караваны судов от устья Лены на Колыму. В 1650 году он предпринял особенно смелое плавание по морю Лаптевых, когда кочи Булдакова попали в лед и вместе со льдом отдрейфовали в «голомя» — в открытое море. «Морем идучи, рассказывал Булдаков¹⁾, зыбь большая не можно никак отстоятца, коч весь разбило и шеймы прирвало и якори приломало — четыре якоря. Пять раз море выбрасывало коч на мель. Сымались долгое время, все лето на море мучились и голод терпели, ели постели оленьи и ровдуги и дошли в осень поздно, уже на море губы стали». Только необычайная настойчивость и мужество Булдакова и его казаков спасли их от гибели: после годового скитания в тундре они выбрались на Лену, а оттуда на нартах — легких санках — доехали до Якутска. Не меньше Реброва и Булдакова прославился морскими походами казак Семен Сорокоумов.

«Из года в год, пишет М. И. Белов¹⁾, Якутские казаки плавали по «Студеному морю» и из поколения в поколение передавались их славные морские традиции. На протяжении всего 17 века тяжелые службы на «заморских реках» несли одни и те же казачьи семейства. На смену умершему отцу, опытному мореходу, приходил его сын или племянник».

Немецкий географ профессор И. Фишер²⁾ пишет о кочах: в 1600 году князь Шаховской, возглавлявший группу в 90 казаков, собрался в «поиск» через Обскую губу на реку Таз. «Построили они себе суда в Березове. Построили так, как могли. Легко рассудить можно, что образ их весьма различен был от европейского. Оные были длиною 12 сажений, плоскодонные об одной палу-

1. М. И. Белов. Сборник документов. «Русские мореходы в Ледов. и Тихом океане». Москва, 1952 г.

2. И. Фишер. «Сибир. История». С.П.Б. 1774 г. стр. 205 и 373.

бе, а пазы укреплены деревянными гвоздями.. На них можно было идти только по ветру, а боковыми ветрами мало пользоваться. Европейец едва отважился бы идти на таких худых судах по морю, с которого лед никогда не сходит». Говоря об экспедиции казака Бузы, Фишер говорит: «Можно было бы спросить, где Буза взял припасы на строение и сооружение судов, ибо в таких пустых местах нет к тому ничего потребного, но... довольно того, когда они вид судна имеют и затем нужда научает всему: вместо железных скоб и гвоздей употребляют там деревянные, вместо железных якорей делают деревянные, к которым привязывают великой тяжести каменя, ремни из оленьих кож употребляются на канаты, а сыромятные оленьи кожи служат вместо парусов. И сие известно, что в сих странах такие суда употребительны».

Нужно было быть закаленными в невзгодах казаками, чтобы не только не тонуть на этих «калошах», но и делать то, что они сделали.

**

Приведем вкратце перечень «приисканных земель» и рек «сторонних», составленный Н. Куницыным¹⁾ по данным профессоров О. Пешеля и И. Фишера:

1. Бассейн рек Оби и Иртыша занят казаками уже к концу 16 века. Общее протяжение рек занятой части Оби около 3.000 верст.

2. В 1600 году занимается река Таз, впадающая в Обскую губу, протяжением около 1.100 верст.

3. В 1610 году перебираются к востоку — на реку Енисей. Это полярный путь мангазейских казаков. На юг от Кети и Нарыма, притоков Оби, идет параллельное движение сергутских казаков, достигающих Енисея в 1618 году. В этом году основывается Енисейский острог. В течение 7-10 лет Енисей на протяжении около 3.000 верст обследован и мангазейские и сергутские казаки продвигаются дальше на восток.

1. Н. Куницын. «Землепроходцы». Журн. «Казачьи Думы», София, 1923 г.

4. В 1632 году казаки уже на Лене. Сооружают тут опорный пункт — Якутский острог. Елисей Буза исследует устья Лены. В течение пяти лет заканчивается обследование около 2.500 верст по течению реки и снова казачьи кочи двигаются дальше в путь. До сих пор движение идет по внутренним линиям без спуска в «Студеное море» — Ледовитый океан.

5. В 1637 году Елисей Буза «с моря» открывает реку Яну — около 1.500 верст.

6. В 1638 году казак Посник Иванов «сухим путем» открывает реку Индигирку — около 1.400 верст.

7. В 1639 году тот же казак П. Иванов открывает реку Алазею.

8. В 1644 году казак Стадухин «с моря» исследует реку Колыму — 1.500 верст.

9. В 1648 году С. И. Дежнев с Колымы морем, вдоль берега Азии, обходит Азиатский материк и, пройдя Берингов пролив, находит самую дальнюю Сибирскую реку Анадырь.

10. В 1643 году «письменный голова» Василий Поярков с 130 казаками отправляется из Алданского острога, построенного казаками в 300 верстах к востоку от Якутска на реке Алдане, правом притоке Лены, в землю «Даурскую» «для розысков серебряной и свинцовой руды и для приведения под цареву руку новых людей», живших по рекам Шилке и Зее, левому притоку Амура.

Это была первая казачья экспедиция в Приамурский край — «Пегую Орду», к границам Китая. Пегой Ордой называли в то время инородцев, живших в низовьях реки Амура.

С большими трудностями перейдя Становой хребет, называвшийся тогда «Камнем», и «разведав на Зее про руду, про синюю краску и дорогие камни», казаки спустились к Амуру и дошли до его устья. Эта экспедиция продолжалась три года — с 1643-го по 1646-ой год.

11. В 1649 году «добытчик и прибыльщик» Ерофей Хабаров с семьюдесятью казаками идет по земле «Даурской» по правому берегу Шилки и Амура, находит

«много хлеба и скота» и сооружает на Амуре Албазинский острог.

12. В 1697 году «пятидесятник» Атласов с 60 казаками, возглавлявшимися казаком Морозко, отправляются из Анадырского острога, проникают на Камчатку и основывают Верхне-Камчатский острог. Через три года вся Камчатка переходит в русские руки.

Уже к 1662-му году казаками «приведено под высокую цареву руку» около четырех с половиной миллионов квадратных верст, т. е. территория значительно превосходящая все Московское царство со всеми его европейскими владениями¹⁾.

Обдорск — опорный пункт на Оби — строится в 1593 году, через 9 лет после смерти Ермака, и всего лишь через 55 лет на реке Анадыри, на другом КОНЦЕ Азии, на расстоянии девяти тысяч верст от Обдорска, вырастает Анадырский острог С. И. Дежнева. Ермак Тимофеевич начал, Семен Ив. Дежнев кончил. «Для распространения белых в Северной Америке, говорит землевед профессор Пешель, понадобилось два с половиной века, между тем как для занятия несравненно большей Сибири оказался достаточным срок почти в 5 раз меньший»²⁾.

К концу семнадцатого века покорение и освоение Сибири было закончено, но и в восемнадцатом веке казаки продолжали свою работу. Редкая научная экспедиция вглубь Сибири, на крайний север или дальний восток или у западных провинций Китая в Средне-Азиатских владениях обходилась без их участия и содействия.

Экспедиция А. Ф. Голубева и П. П. Семенова-Тянь-Шанского к «небесным горам» Тянь-Шаня, к берегам Иссык-Куля, к перевалам Кунгей и Ала-Тау в Средней Азии, сопровождалась и охранялась казачьим конвоем, который, кстати сказать, во время экспедиции Голубева освободил небольшой русский отряд, окруженный около Иссык-Куля враждебными племенами.

В Таймырской экспедиции профессора Мидден-

1. Словцов. «Историч. обозрение Сибири», С.П.Б. 1866 г.
2. О. Пешель. «История географ. открытий», на немец. яз.

дорфа, отправившегося по следам Челюскина в 1842 г. из Петербурга и путешествовавшего сначала на лошадях, а потом на собаках и оленях, сопровождали три Сибирских казака, присоединившихся в феврале 1843 года в городке Туруханске недалеко от Полярного Круга. Часть членов экспедиции не выдержала непосильных трудностей пути, и в составе экспедиции, кроме профессора, остались лишь его помощник Ваганов, переводчик и три казака. Когда глава экспедиции профессор Миддендорф предупредил своих спутников, что дальнейший путь «небезопасен для жизни» и часть их осталась на месте, «переводчик старик Лаптуков и казаки выслушали его со спокойными бесстрастными лицами». Географ Г. Кублицкий в своих трудах отмечает: «ученому не удалось бы его труднейшие путешествия, если бы он не закалил себя с детства... и если бы у него не было таких выносливых и преданных спутников, как простые Сибирские казаки».

И сам А. Ф. Миддендорф, ставший академиком и вице-президентом Русского Географического Общества, писал позже о казаках: «во всем свете едва ли где можно найти такую находчивость и проворство во всех едва воображаемых напастях пустыни, как в народном характере простого русского человека».

Казаки с 16-го века, с эпохи Ермака, как видим, не переменялись ни в 17-ом, ни в 18-ом веках. Отметим попутно, что и во второй половине 19-го столетия, весной 1864 года Забайкальские казаки, во главе с урядником Софроновым, нуждаясь в кратчайшей дороге для перегона скота на восток, занялись поисками прямой дороги, и через Манджурские хребты караван вышел к Амуру.

С Оби казаки перешли на Енисей, с Енисея на Лену, с Лены на крайний север и на крайний восток Сибири и на Амур... Сейчас же после Ермака, продолжая начатое им дело, без всякой передышки, без всякого отдыха, развивается неустанное безудержное движение землепроходцев и мореходцев все дальше и дальше вглубь Сибири. Не прошло и полвека, как казак Иван Москвитин оказался уже на берегу Тунгусского, названного позже Охотским, моря. Одна лишь половина

века понадобилась казакам, чтобы пройти — и с какими ничтожными по количеству силами и жалкими средствами — весь колоссальный Азиатский материк! Безпримерный в истории подвиг: в рекордное время Россия превратилась в страну, равной которой не было на свете...

Вместе с промышленниками, искавшими соборей, продвигаются небольшие группы казаков, которые основывают на своем пути опорные военные посты — остроги, острожки и зимовья — и собирают с туземцев ясак для «государевой казны» и «поклонные соболя» в свою собственную пользу. Представители Московской государственной власти только регистрируют и санкционируют готовые результаты и организуют управление на присоединенных к России землях.

Промышленники — купцы выменивают у населения шкурки соборей и песцов — полярных лисиц —, «рыбий зуб» — клыки моржей, из которых выделяются потом рукоятки кинжалов, ножей, сабель, ларцы и различные украшения, расплачиваясь с туземцами не только бусами, колокольчиками, медными перстнями, нитками и бисером, но и топорами, медными котлами, ножами, обувью, рукавицами, сермяжным и английским сукном, подкладками под лыжи, оловянной посудой, свечами и другими товарами. Зарабатывая для себя, купцы в то же время работают и для казны, уплачивая на таможнях натурой «десятинную казну» — десятого собора — после чего они получали «проезжую грамоту» на беспрепятственный вывоз из Сибири добытой пушнины. Отправляться на промысел без казаков купцы не отваживаются. Институт Истории Академии Наук СССР в «Якутских актах» отмечает много случаев гибели промышленных партий — в частности, двух партий мангазейцев во главе с Иваном Зориным и Сидором Водяниковым и ватаги Вл. Шишки, пытавшихся в 1624 году без казаков проникнуть на Лену и уничтоженных племенем шилягиров.

**

Собирая для казны ясак, казаки получали жало-

ванье: денежное, соболиное и хлебное. Казаку причиталось в ГОД деньгами пять рублей, ржи пять четвертей с одной восьмой, овса четыре четверти и соли один и три четверти пуда. Сибирская четверть 17-го века равнялась четырем пудам. Этого жалованья едва хватало для одного человека, и казаки с 1640 года добились права, после окончания сбора ясака, заниматься звериным промыслом и меновой торговлей. На соболиную охоту в тайге казаки могли выходить и в свободное от службы время и тогда вся добыча поступала в общий «кош», в артельную собственность. По окончании охотничьего сезона вся добыча делилась поровну между всеми членами гарнизона острога. «Поднимался» на службу казак — «служилый человек» — «своими пожитками», на свои средства покупая лошадь, сбрую, оружие, одежду и обувь.

Сколько стоил казаку «подъем», видно из челобитной Дежнева.

Отправляясь в дальнюю командировку на реку Яну, Дежнев снаряжается на свой счет: «за две лошади дал я — пишет он в своей челобитной — 85 рублей и платишко и всякой служебной завод покупачи в Якутском остроге у торговых и промышленных людей дорогою ценою стал подъем больше ста рублей». «Для скудости Якутцкой денежной казны», эти 100 рублей Дежнев получил лишь через 24 года и притом самолично в Москве — за 10.000 верст от места своей службы.

Жили казаки в острогах и в зимовьях, откуда и выходили в поиски-походы на «дальние реки», где приходилось переносить голод и холод и всякую нужду в борьбе с суровой природой, закалившей казаков.

«Только этим людям — пишет советский географ М. И. Белов¹⁾ — было под силу совершить те замечательные открытия, которыми заслуженно по сей день гордится русский народ».

1. М. И. Белов. Сбор. докум. «Рус. мореходы в Ледовитом и Тихом океане». Москва, 1952 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	стр.
1. ГЛАВА ПЕРВАЯ: Сибирский поход Ермака. Битвы. Посольство в Москву. Смерть Ермака.	11
2. ГЛАВА ВТОРАЯ: Ермак и Строгановы. Сравнитель- ная оценка Сибирских Летописей. Ермак — инициатор Сибирского похода.	32
3. ГЛАВА ТРЕТЬЯ: Ермак — Покоритель Сибири. Харак- тер последующего закрепления и расширения его завоеваний. Судьба его соратников.	51
4. ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: Ермак — Донской казак, Атаман - князь.	58
5. ГЛАВА ПЯТАЯ: Характеристика Ермака, как вождя, администратора и дипломата. Значение Ермака для России.	73
6. ГЛАВА ШЕСТАЯ: Былины, песни и картины, связанные с именем Ермака.	89.
7. ГЛАВА СЕДЬМАЯ: Сибирские легенды. Панцыри Ермака и его знамя.	108
8. ГЛАВА ВОСЬМАЯ: Судьба Кучума и его семьи.	113
9. ГЛАВА ДЕВЯТАЯ: Казаки - землепроходцы — продолжатели дела Ермака.	115
10. ГЛАВА ДЕСЯТАЯ: Семен Иванович Дежнев.	126

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris (6^e)